

ЧАША
УИНТЕРС-ЭНД
ПИРАМИДА

Чаша

ридерз
САХАРСТ

СУПЕРКОЛЛЕКЦИЯ **ДЕТЕКТИВОВ**

ozon.ru

Когда шериф Тауншенд видит на дороге человека с двумя ножами, а рядом с ним труп, дело кажется ему предрешенным. Но подозреваемый отказывается отвечать на вопросы, и нет улик, связывающих его с убийством. Шериф обращается к частному детективу Алексу Рурку за помощью. Таинственная история о безжалостном убийце с леденящим кровь сюжетом.

— Не знаю, почему Джимми решил выставить его на поле, — говорит шериф Дейл Тауншенд — громко, стараясь перекрыть голосом шум дождя и шелест дворников на ветровом стекле. — Ясно же, что парень не в форме. Нет в нем прежней уверенности, он напряжен и слишком вцепляется в битву. Лучше бы Джимми дал ему передохнуть пару игр — пусть придет в себя, — а уж под конец сезона и выпустить.

Его спутник, помощник шерифа Энди Миллер, крепко держится за руль и не сводит глаз с летящей перед машиной полосы света.

— В прошлом году Рендаллу тридцать восемь стукнуло, — говорит он. — Не списывать же такого игрока. Он себя еще покажет.

— Может быть.

Дейл рассеянно смотрит в темное окно. Вспышка молнии высвечивает деревья вдоль шоссе, всклокоченную мокрую листву, глубокие синие тени. И вновь все погружается во тьму, но в завывании ветра появляются новые обертона, а значит, лес остался позади. До города еще четыре мили по бескрайним полям. Четыре мили до дома. Он смотрит на часы.

— Жена не будет ворчать, что так поздно вернулся? — спрашивает Энди.

— Нет, я же предупредил, что задержусь, а при такой погоде вообще не угадаешь, сколько времени уйдет на дорогу.

— Твою-то машину когда починят?

— Завтра. Так мне, во всяком случае, обещали.

— Ладно, если не успеют, можешь вместе со мной кататься, я только рад буду. Правда, на следующей неделе я в другую смену работаю.

Шериф Тауншенд не успел ответить, потому что при очередной вспышке молнии он заметил на дороге нечто странное.

— Это что еще за чертовщина?

Его помощник жмет на тормоз и инстинктивно включает красно-синюю мигалку.

В свете фар перед ними стоит голый по пояс мужчина, по его коже лупят струи дождя. Первое, о чем думает Тауншенд, глядя на незнакомца: «Да он же совсем замерз!» Мужчина стоит неподвижно, глядя прямо перед собой, свесив руки вдоль туловища. В каждом кулаке — по охотничьему ножу. А перед ним на земле лежит обнаженная женщина, бледная кожа ее поблескивает в свете фар.

— Свяжись с дежурным, Энди, — отдает распоряжение Тауншенд.

Он вынимает из кобуры пистолет, открывает дверцу и выходит под дождь — холодные струи ударяют в лицо, как мощный ледяной душ. Чувствуя в руке успокаивающий вес оружия, он наводит пистолет на стоящего посреди дороги мужчину.

— Управление шерифа округа Арустук! — кричит он мужчине. — Опустить ножи на землю и медленно подойди к машине — так, чтобы я видел твои руки.

Слева от него открывается другая дверца, и под дождь выходит Энди; рация, закрепленная у него на поясе, все еще негромко потрескивает. Помощник, точно в зеркале, повторяет все движения Тауншенда и замирает с оружием на изготовку.

Мужчина — на вид Тауншенд дал бы ему лет двадцать пять, не больше, — медленно поднимает голову и устремляет взгляд на шерифа. Лицо у него бледное от холода. Темные волосы намокли. В глубоко посаженных глазах, обведенных темными кругами, отражаются

красно-синие огни проблескового маячка. Он с едва заметной ухмылкой наклоняется, кладет ножи на землю. А затем, подняв руки, невозмутимо идет к джипу.

Энди надевает на него наручники, шарит по телу мужчины, отыскивая оружие, а Тауншенд подходит к женщине. Ей на вид лет тридцать пять — сорок, темные волосы до плеч, стройная фигура. Ее лицо кажется Тауншенду знакомым, красивое лицо, даже несмотря на явные признаки смерти. Грудь и живот женщины — сплошное месиво колотых и резаных ран, дочиستا омытых дождем. Надежды на то, что она еще жива, нет никакой, однако Тауншенд на всякий случай проверяет ее пульс, как того требует инструкция. Пульс отсутствует. Снова сверкает молния, ливень усиливается.

— Арестуй этого малого по подозрению в убийстве, — говорит Тауншенд своему помощнику. — И позвони в медэкспертизу. Пусть кого-нибудь пришлют.

Глава 1

Когда я добираюсь до здания из красного кирпича в бостонском районе Фенуэй, где находится мой офис, а по сути, второй дом, день уже в самом разгаре. Несмотря на холод, майское солнце припекает вовсю, его лучи согревают мне спину. По небу, отливающему ледяной синевой, плывут редкие облачка. Я успел заскочить в «Рик» — это здешняя кофейня — и теперь перехожу улицу, бережно держа в руке стаканчик крепкого кофе. Без него мне сегодня не обойтись. Я очень устал, а позавтракал четыре часа назад в придорожной забегаловке, битком набитой строительными рабочими из первой смены. Да и с выпивкой вчера перебрал.

И все это по долгу службы.

Я поднимаюсь по ступенькам крыльца и вхожу в усталый бордовым ковром вестибюль. В этом здании кроме меня размещаются еще пять компаний, наши имена фигурируют на серебристой табличке возле двух лифтов.

Войдя в лифт, я изучаю свое отражение в зеркальных стенах. Мой внешний вид в точности соответствует моему самочувствию: я ужасно устал и мне просто необходимо выспаться, отдохнуть и побриться. В иные, лучшие дни мне кажется, что я обладаю некоторым сходством с похудевшим Кэри Грантом. Сегодня же большее, на что я могу рассчитывать, — это отдаленное сходство с представителем рода человеческого.

Когда двери лифта разъезжаются в стороны, мне удается одной рукой вытянуть из кармана желто-коричневой кожаной куртки сигарету и сунуть ее в рот. Я сворачиваю налево, в приемную, приветствую взмахом руки секретаршу Джин, щелкаю зажигалкой, затягиваюсь. Мои легкие наполняются никотином, канцерогенами и черной смолой.

Табличка на двери, которую я только что закрыл, сообщает: «РОБИН ГАРРЕТ И ПОМОЩНИКИ». Чуть ниже более мелкими буквами значится: «ЛИЦЕНЗИРОВАННЫЕ ЧАСТНЫЕ ДЕТЕКТИВЫ — ОБЕСПЕЧЕНИЕ БЕЗОПАСНОСТИ БИЗНЕСА КОНСУЛЬТАЦИИ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ».

Я прохожу в дверь, находящуюся рядом со столом Джин, и оказываюсь в просторной комнате, сильно напоминающей полицейский участок. Пять столов, кофеварка, диспенсер с питьевой водой, металлические стеллажи, потертые вращающиеся кожаные кресла, на стенах — несколько фотографий в рамках. Сейчас в офисе присутствуют лишь двое из трех наших младших сотрудников, оба разговаривают по телефону. Я ставлю стаканчик с кофе на офисный стол и занимаю наконец свое рабочее место.

Человек, сидящий лицом ко мне за соседним столом, произносит:

— Ну наконец-то.

Строго говоря, Робин Гаррет — мой босс, но на деле мы с ним скорее партнеры. Начинал он в одиночку, однако после того, как я три года назад присоединился к нему, наша компания обзавелась еще тремя детективами, секретаршей Джин и относительно роскошным офисом.

— С добрым утром, Роб, — говорю я, перебирая скопившуюся на моем столе почту.

— Как думаешь, который сейчас час?

Вообще-то он вовсе не злится, просто ему нравится время от времени изображать замученного делами начальника. С этим просто надо смириться.

— По-моему, половина одиннадцатого, — отвечаю я. — Может, теперь это называется

как-то иначе, во всяком случае, я об этом не слышал.

— Проспал или похмелье донимает?

— Ни то ни другое. Переработал.

Он насмешливо приподнимает бровь:

— Невероятно! Кто ты такой и что сделал с Алексом?

— Ничего, что не смогли бы поправить месячный сон и пара таблеток от головной боли. Мы можем сообщить чете Инграм, что юный Джейми живет со своей подружкой Крисси Эванс в квартире на Бедфорд-авеню. Она по-прежнему учится в университете, он на днях стал «лучшим работником месяца» в заведении под названием «Жареная курица мисс Моны», это на Дуглас-стрит. Я там побывал и могу сказать только одно: сильно напрягаться, чтобы получить почетное звание, ему не пришлось. Возвращаться домой и общаться с родителями его пока не тянет, однако он после долгих уговоров позволил дать им номер его телефона. — Я делаю большой глоток очень крепкого, с частичками зерен, эспрессо. — Весь вчерашний день я провел в обществе друзей Крисси, а вечером караулил в служебной машине возле ее дома, ожидая, когда появится она или Джейми. Появились они в восемь тридцать. Мы побеседовали. По-моему, они ребята хорошие.

— Стало быть, мы можем отправить Инграмам окончательный счет. Еще один довольный клиент, — с широкой улыбкой произносит Роб.

— Я бы поостерегся так говорить — они ведь еще не видели счета, — отвечаю я с усталой усмешкой. — Что у нас новенького?

— Появилась парочка хлебных дел. Сейчас ими занимаются мальчишки. Да, а тебе звонил шериф некоего округа Хиксвилл. Фамилия и телефонный номер — на твоём столе.

Роб родился в Чикаго и ни за что не упустит возможности поиздеваться над «деревенщиной» — ну и я не исключение, поскольку, как он считает, я родом с «Великого севера белых людей». Никакой злобы тут нет — это просто часть его репертуара.

Я обшариваю взглядом стол и обнаруживаю оторванный от конверта клочок бумаги, на котором значится номер телефона и имя: Дейл Тауншенд. Я знаю Дейла. В детстве мы с ним жили в одном городке, а его младший брат Крис был моим лучшим другом. Правда, я не видел Дейла лет семнадцать — с тех пор, как поступил в университет, — однако разговаривал с ним полтора года назад. Он тогда позвонил мне по поводу ограбления, которое расследовал, и попросил посмотреть материалы, которые ему и его ребятам удалось собрать. И я с радостью помог ему.

Интересно, думаю я, что ему нужно теперь? Может, он хочет нагрузить меня чем-то еще? Я снимаю с телефона трубку, набираю его номер. И после двух гудков слышу голос:

— Шериф Тауншенд слушает.

— Дейл? Это Алекс Рурк. Ты звонил мне сегодня. Как дела?

— Алекс! Сто лет тебя не слышал. Дела нормально. Правда, сейчас нас малость лихорадит.

Голос у него низкий, с хрипотцой. Я не имею ни малейшего понятия, насколько изменился Дейл со времени нашей последней встречи. Судя по голосу, я живо представил себе этакого бородача с фигурой водителя-дальнобойщика.

— А как Крис? — спрашиваю я. — Все еще служит в Береговой охране?

— Ну да. Обещал в сентябре погостить пару недель дома. Ты тоже приезжай, посидим все втроем, вспомним молодость.

— Непременно. Ладно, так зачем ты мне звонил?

— Да у нас тут странное дельце образовалось, я и подумал — вдруг ты сможешь помочь нам, как в случае с Шарпом.

— Конечно, — говорю я. — Выкладывай.

— Ночью пятнадцатого мы взяли одного малого по подозрению в убийстве. Он стоял на шоссе милях в четырех к югу от города — держал в руках два ножа, а тело жертвы лежало у его ног.

— К югу от Уинтерс-Энда?

Так называется наш с Дейлом родной городок, он расположен на северо-востоке штата Мэн среди лесистых холмов, в которые превращается цепь Аппалачских гор. За те восемнадцать лет, что я в нем прожил, ни одного убийства там не произошло. Так что этот случай должен был наделать немало шума.

— Ну да, — говорит Дейл. — Согласно заключению медэксперта, размер ножей соответствует нанесенным ранам. А жертва к тому времени, как мы ее нашли, была мертва без малого час.

— Значит, у вас имеется подозреваемый, взятый на месте преступления вскоре после смерти жертвы, в руках он держал орудия убийства, а жертва лежала у его ног. Похоже, дело самое простое.

— Похоже-то оно похоже. Но тут и начинаются сложности, — говорит Дейл. — Во-первых, ни на оружии, ни на теле жертвы отпечатков пальцев этого малого нам обнаружить не удалось. Ну, это можно объяснить тем, что рукояти у ножей ребристые, да и дождь мог смыть любые следы.

— А что, тогда дождь шел?

— Еще какой. Я чуть не утоп, пока производил арест.

— Что еще?

— Мы потратили два дня на попытки найти следы крови на его одежде — он, кстати, по пояс голый был — и не нашли. И на дороге тоже ничего, спасибо ливню, так что мы не уверены даже в том, где совершено убийство.

— А какие-нибудь следы на этих двоих? Свидетельства того, что она сопротивлялась?

— Ничего нет. У нее были на правой руке синяки, похоже, кто-то крепко держал ее за руку. И еще — она была голая, а ее одежду мы найти не смогли.

— Кто она?

— Анджела Ламонд, сорок лет, медицинская сестра, работала у здешнего доктора. Мы обыскали ее дом и тоже ничего не нашли.

Я киваю — сам себе.

— Ладно, а кто он такой, этот малый?

Дейл какое-то время молчит, потом протяжно вздыхает.

— Вот это и есть главная проблема. Мы этого не знаем, а он ничего не говорит. Документов при нем не было. Мы прогнали через систему его отпечатки — ни фиги. Никаких нарушений за ним не значится. Поискали его в базе данных фэбээровского Национального центра информации о правонарушениях, в базе Программы предотвращения преступлений — там тоже пусто. Я разослал его фотографию и подробное описание дела по всем федеральным агентствам. И ничего пока не получил.

— ДНК?

— Свидетельства того, что он был замешан в сексуальных преступлениях, отсутствуют, так что в Объединенной системе данных ДНК он вряд ли обнаружится. Сейчас его проверяет

Криминальная лаборатория штата в Огасте. — Еще одна пауза, на сей раз короткая. — Мы взяли парня на месте преступления, но ни о нем, ни о мотиве ничего не узнаем, пока он сам не расскажет, а он молчит. Вот я и подумал, может ты, когда был федеральным агентом, имел дело с чем-то подобным. Ты ведь читаешь бостонским полицейским лекции по методам сложных допросов, так?

— Не очень часто, но бывает. Я закончил специальные курсы, когда работал при ФБР в Центре по анализу преступлений с применением насилия. Правда, это было давно, но я и сам кое-что по этой части придумал.

— Вот и хорошо. Послушай, если сможешь, приезжай в Хоултон, поговори с нашим Джоном, родства не помнящим, вдруг тебе удастся что-нибудь из него вытянуть. Пока он ни единого слова ни о себе, ни об убийстве не сказал.

— Неужели в полиции штата нет никого, кто смог бы его разговорить?

— Так она в расследовании не участвует. Место преступления эти ребята осмотрели, однако подозреваемый числится за нами.

Я задумываюсь — ненадолго. Шерифу округа не часто приходится лично заниматься расследованием убийства. Обычно эту работу выполняет следственный отдел уголовной полиции штата. Похоже, на Дейла и его управление здорово давят, требуя, чтобы они раскрыли это преступление. Если ему придется подключить полицию штата или еще какую-то внешнюю организацию, он может потерять лицо, а то и должность.

— Ладно, — говорю я. — Дорога не близкая, но я тронусь в путь завтра с утра и к обеду буду у вас. Ты сможешь подыскать для меня какое-нибудь жилье?

— Без проблем.

— Скажи, Дейл, работать я буду официально или частным порядком?

— Думаю, официально. Так и протоколы допросов будут выглядеть поосновательней, а если тебе придется разговаривать с кем-то из здешних, ты сможешь размахивать полицейским значком.

Ну понятно, Дейлу хочется, чтобы усилия его конторы были у всех на виду.

— Ладно. Вышли мне факсом документы по делу, я просмотрю их перед отъездом.

— Спасибо, Алекс. До завтра.

— Ага. Пока.

Я кладу трубку на аппарат и обнаруживаю, что Роб смотрит на меня, приподняв брови и скрестив руки на груди.

— Какие-то сложности в твоей глуши? — спрашивает он.

— Им хочется, чтобы я допросил малого, которого они взяли за убийство рядом с моим родным городом. Похоже, дело интересное.

Он ухмыляется и говорит:

— Если они готовы платить, я только счастлив буду. И не забудь взять с собой телефон. Вдруг на нас куча дел свалится.

Следующие несколько часов я провожу, наводя окончательный порядок в других моих делах. Около трех часов дня факс начинает жужжать и выплевывать листки бумаги. Я собираю присланные Дейлом документы в стопку и отправляюсь домой.

Поскольку мне неизвестно, сколько времени протянется эта история, я укладываю в сумку недельный запас одежды. Плюс электробритву и туалетные принадлежности. Плюс парочку компакт-дисков с блюзами — на дорогу. Плюс мой старый, но пребывающий в образцовом порядке «Кольт М-1911» с парой запасных обойм. А вдобавок к этому

прихватываю гвоздодер, болторез, торцовый ключ и парочку напильников — все это пойдет в бардачок машины и при необходимости поможет мне проникать туда, куда путь мне, вообще-то говоря, заказан.

Покончив со сборами, я ставлю на стерео диск Санни Боя Уильямсона II, достаю из холодильника бутылку мексиканского пива и усаживаюсь на обтянутую черным фетром софу. И начинаю просматривать документы.

Два дня назад, 15 мая, около 7.45 сорокалетняя медицинская сестра Анджела Ламонд вышла из собственного дома на улице Олтмейер в Уинтерс-Энде и отправилась пешком на работу — в расположенную на Центральной улице приемную врача, до которой было несколько минут ходьбы. Ее видел сосед, Уолтер Саррелл, с которым она поздоровалась. В ее поведении ничего особенного не наблюдалось. В 8.00 она, как обычно, открыла своим ключом приемную, а вскоре подошел и доктор Натан Валленс.

Рабочий день прошел нормально. Никто из пациентов доктора ничего странного или подозрительного не заметил. Доктор Валленс тоже — ни в приемной, ни возле нее ничего необычного не происходило. Около часа дня Анджела Ламонд покинула приемную, оставив взамен себя дежурную медсестру, и пообедала с двумя подругами в «Садике Марты», закусочной, находящейся на той же улице неподалеку. Ни одна из подруг в поведении Анджелы тоже ничего необычного не увидела. Возвращаясь на работу, она заглянула в продуктовый магазин, купила бутылку молока. Послеобеденные часы ничем не отличались от утренних. В 16.45 приемная закрылась, и сразу после этого Анджела ушла. Больше никто эту женщину живой не видел.

В 21.40, почти пять часов спустя после того, как она покинула приемную, шериф Дейл Тауншенд и его помощник Энди Миллер обнаружили тело Анджелы Ламонд на 11-м шоссе — примерно в трех с половиной милях от города. Медики определили, что смерть ее наступила около 20.40.

Найти свидетелей, видевших, как Анджела возвращается домой, не удалось. Сообщений о подозрительных личностях или подозрительных машинах, появлявшихся в тех местах, не поступало. Полицейские осмотрели дом Анджелы и никаких свидетельств вторжения либо происходившей в доме борьбы не обнаружили. Водитель лесовоза, проехавший в 21.15 возле того места, где обнаружили тело, ничего странного — да и вообще ничего — не заметил.

Криминалистам, осматривавшим место преступления, мешал сильный дождь. В непосредственной близости от тела были найдены сильно размытые следы крови, понемногу стекавшей в водосток. Однако количество их не позволило сделать вывод, что убийство было совершено именно здесь. Да и на ножах, которые держал в руках подозреваемый, сколько-нибудь различимых следов крови найти не удалось.

Осмотр местности также ничего не дал. Видимых отпечатков ног на поросшем высокой травой поле, которое примыкает к шоссе, не обнаружилось. Полицейские пришли к выводу, что жертва прибыла на место преступления по дороге, а не пришла по полю.

На одежде подозреваемого не удалось выявить ни крови, ни частиц кожи или волос убитой. На подошвах его обуви нашли три камушка с гравийного покрытия шоссе и крохи местной почвы. На них даже клочков прелой листвы не было — что сильно удивило криминалистов, да и меня тоже. Если бы я просто обошел по кругу мой квартал, у меня на подошвах всякой ерунды осталось бы гораздо больше.

Место, где нашли труп, когда-то было овечьим выгоном — заросшая травой

прямоугольная вырубка, мили четыре в длину и две в ширину, окруженная густым лесом. Одиннадцатое шоссе пересекает ее почти посередине. Зброшенных домов там нет, дренажных канав тоже, — не считая тех, что тянутся вдоль дороги, отсекая ее от полей с высокой травой.

Доктор Джемма Ларсон, работающая на полставки полицейским медэкспертом, провела вскрытие тела утром 16 мая. Причиной смерти оказались две колотые раны — лезвие проникло в грудную клетку жертвы примерно на четыре с половиной дюйма. Один удар пробил правый желудочек сердца, другой — левое легкое между шестым и седьмым ребрами. Удары наносились сзади — человеком, схватившим жертву за плечо, и, судя по углу, под которым входило лезвие, нападавший был правой рукой.

На груди и животе жертвы имелось еще четырнадцать резаных и колотых ран, однако все они появились уже после ее смерти.

Раны или ссадины, которые позволили бы заключить, что жертва пыталась бороться с убийцей, отсутствовали, хотя на правой руке проступили синяки — отпечатки чьих-то пальцев, крепко сжимавших запястье. Признаки полового насилия также отсутствовали.

Соскобы, взятые из-под ногтей Анджелы, ничего не дали. Проверка волос и кожных покровов тоже. Отпечатков ладоней или пальцев на ее коже не было. Предварительный токсикологический анализ крови ничего необычного не показал. Желудок и верхняя часть пищеварительного тракта были почти пустыми, и это означало, что полуденный обед оказался последним, что она съела в своей жизни.

В данный момент меня интересуют только относящиеся к делу факты — не подозреваемый. Я понимаю, почему Дейлу потребовалась помощь, — этот человек всего лишь призрак, не более того. Ни отпечатков пальцев, ни следов крови, ни прежних дел — ничего. Его задерживают на месте преступления, которое может этим местом и не быть, в руках у него — орудия убийства, которые опять-таки могут таковыми и не являться. К тому же, если бы он не дождался приезда полицейских, никто и не узнал бы, что он вообще там побывал.

Я думаю об убийце, и первое, что меня удивляет, это чрезмерное количество нанесенных жертве ран. Ну да, конечно, он мог изрезать ее потому, что ненавидел женщин вообще — или эту женщину в частности. Она же лежала перед ним голая, уже униженная, мертвая.

Убийца перехватил Анджелу вскоре после того, как она покинула приемную врача и пошла домой. И это, и то, что ни ее одежда, ни настоящее место убийства так пока и не обнаружены, говорит о том, что убийца спланировал все преступление загодя. Он знал, какой дорогой Анджела возвращается домой, нашел на этом пути угол, где можно затаиться, а после выскочить, нанести удар и утащить ее подальше от чужих глаз.

Если бы поиски подозреваемых продолжались, мы, наверное, проверили бы всех, кто живет на улицах, по которым Анджела возвращалась домой, поскольку именно эти люди могли схватить ее и затащить к себе — да так, что никто бы этого не увидел. Ну и тех, чьи автомобили появлялись в тех местах достаточно часто, чтобы они никому уже не казались подозрительными.

А еще мне хотелось бы знать, как это убийца вывез голую женщину за город, не возбудив ничьих подозрений. Я записываю на листке бумаги: «Маршрут жертвы» и «Кто-нибудь шел вдоль шоссе?». А затем обращаюсь к протоколам допросов, проведенных Дейлом

и его подчиненным после состоявшегося два дня назад ареста предполагаемого убийцы.

ПРОТОКОЛ № 1 — 16 МАЯ.

Допрос подозреваемого (ПД), проведенный шерифом Дейлом Тауншендом (ДТ) и лейтенантом Б. Уоттсом (БУ)

ДТ: Начало допроса, ноль часов тридцать пять минут. Присутствуют: шериф Дейл Тауншэнд и лейтенант Брюс Уоттс из Управления шерифа округа Арустук, а также подозреваемый. Напоминаю вам, что вы имеете право хранить молчание. Все, что вы здесь скажете, на суде может быть использовано против вас. Вы имеете право пригласить адвоката. Если у вас нет своего адвоката, мы можем предоставить его бесплатно. Вы поняли права, которые я вам зачитал?

ПД: Разумеется.

ДТ: В настоящее время адвокат у вас отсутствует. Вы хотите, чтобы вас представлял кто-нибудь из юристов?

ПД: Юристов у меня хватает. Присутствие кого-либо из них здесь мне не требуется.

ДТ: То есть вы...

ПД: (Перебивает его.) Да, я отказываюсь от права на адвоката.

ДТ: Прошу вас назвать ваше имя, чтобы мы могли занести его в протокол.

ПД: (Короткая пауза.) К сожалению, мне не хочется, чтобы мое имя значилось в протоколе. Знаете, есть люди, которые полагают, что, сообщая человеку свое имя, они наделяют его определенной властью над собой. Мысль интересная, пусть и несколько устаревшая.

БУ: Вы сознаете, что, отказываясь назвать свое имя, рискуете навлечь на себя дополнительные обвинения?

ПД: В общем-то да, однако, если вспомнить о том, что вы допрашиваете меня как подозреваемого в убийстве, мне решительно непонятно, почему вы полагаете, что я испугаюсь каких-то дополнительных обвинений. Ведь чинение помех правосудию не карается смертью, не так ли?

ДТ: Ну хорошо, забудем об этом. Будем считать вас, пока не выясним, кто вы такой, «Джоном, родства не помнящим». Начнем с того, что вы делали на шоссе, мистер Джон.

ПД: Ждал.

ДТ: Ждали чего?

ПД: Если долго ждать, чего-нибудь да дождешься.

БУ: Вы убили ту женщину именно там — или привезли ее туда из города?

ПД: Из Уинтерс-Энда?

БУ: Ну да.

ПД: А вам известно, откуда взялось это название, лейтенант?

БУ: Не думаю, что в настоящий момент это существенно.

ПД: Где-то к югу от реки Сент-Джон первых поселенцев застала зима. Они надеялись переждать ее, однако припасов у них было мало и в конце концов они пошли дальше на юг.

ДТ: Давайте все же вернемся к событиям этой ночи.

ПД: Они шли много недель. Медленно — особенно после того, как убили и съели своих вьючных животных.

ДТ: Вы можете рассказать нам, где были и что делали до того, как мы вас арестовали?

ПД: Некоторые из них умерли, остальные совершенно оголодали, и наконец они заметили первые признаки весенней оттепели. И тогда они основали поселение, назвав его «Конец зимы» — Уинтерс-Энд.

БУ: Очаровательно. Выходит, город этот вы знаете?

ПД: Замечательное использование дедукции. Ну, во всяком случае, посвященную ему брошюрку для туристов я когда-то прочитал.

БУ: А любимые места у вас здесь имеются? Я, к примеру, если оказываюсь поблизости от заведения, которое называется «У Ларри», непременно захожу в него выпить пива. Правда, тамошнее пиво не всем по вкусу.

ПД: (Тихо смеется.) Очень остроумно, лейтенант. Мне понравилось.

ДТ: Послушай, дружок, время позднее, мы устали. Может, ты все же расскажешь нам, что произошло, и мы все пойдем спать, а?

ПД: Насколько я помню, в начале было слово. Потом их становилось все больше, но это долгая история.

ДТ: (Вздыхает.) Ладно, забудь. Утром попробуем еще раз. Допрос прекращен в ноль один ноль пять.

ПРОТОКОЛ № 2 — 16 МАЯ.

Подозреваемый (ПД) отказался от присутствия адвоката.

ДТ: Сейчас ноль девять сорок пять. Присутствуют шериф Дейл Тауншенд и лейтенант Брюс Уотс из Управления шерифа округа Арустук, а также подозреваемый, именуемый в дальнейшем «Джоном, родства не помнящим».

БУ: Начнем, мистер Джон, с того, что произошло вчера. Как вы провели вчерашний день?

ПД: Я удивился, снова увидев вас здесь, шериф. Я полагал, что у такого занятого человека, как вы, могли бы найтись поутру дела поинтереснее.

ДТ: Вообще-то, Джон, дела поинтереснее у меня и вправду имеются. И только ваше упрямство не дает мне заняться ими. Почему вы не хотите рассказать нам свою точку зрения на случившееся? Тогда у нас имелось бы два взгляда, а не только наша реконструкция происшествия, в которой вы, должен вам сказать, выглядите очень плохо.

ПД: Я сомневаюсь, что вы поверите моим словам, так какой же мне смысл что-то вам рассказывать? Я мог бы сказать, что провел целый день в заведении «Ассоциации любителей бифштеков Новой Англии», играя там в вист — и что, большая мне была бы от этого польза?

БУ: Ну, мы ведь всегда можем проверить ваш рассказ. И если он окажется правдивым, нам удастся взглянуть на имеющиеся у нас улики по-новому.

ПД: Ладно, спасибо, что так понятно все объяснили, лейтенант. А то я до сегодняшнего дня не понимал значения слова «алиби».

ДТ: Вы знали Анджелу Ламонд?

ПД: У вас есть семья, шериф Тауншенд? Жена? Дети?

ДТ: Это что — угроза?

ПД: Любознательность, не более того. Я сижу в тюрьме и вряд ли могу чем-нибудь вам угрожать. Так что же, есть?

БУ: Давайте вернемся к событиям пятнадцатого числа сего месяца.

ПД: Я предпочел бы поговорить о чем-нибудь другом.

Остальное я читать не стал. Подозреваемый ничего не рассказывал; когда его спрашивали о преступлении, он увиливал от ответа и начинал рассуждать на другие темы — история, спорт, религия. Все, что мне требовалось, я получил. Я почувствовал его. Остальное придет потом.

На следующее утро в шесть часов я выхожу, зевая, из своего дома и спускаюсь по ступенькам к машине. Воздух прохладен и чист, как бывает только на рассвете. Я сажусь на водительское кожаное кресло, сумку ставлю на пол возле пассажирского. Противоугонное устройство — не родное, встроенное, поскольку машина моя слишком стара для нынешних стандартов, — отключается, едва я вставляю ключ в замок зажигания, а когда двигатель оживает, я думаю, в миллионный уже раз, что вожу суший анахронизм.

Машина, на которой я еду, направляясь на север, по мосту через реку Чарльз, — это «стингрэй-корвет» выпуска 1969 года. Под ее серебристо-серым капотом кроется V-образный восьмицилиндровый двигатель на семь литров, развивающий мощность немногим больше 400 лошадиных сил. Если бы у меня имелся психоаналитик, он сказал бы, наверное, что я пытаюсь скомпенсировать какие-то мои недочеты.

Может, и так. Ухода мой «корвет» требует изрядного, бензина жрет много. Наверное, он компенсирует отсутствие семьи.

Как и мой выбор одежды и внешнего облика, также олицетворяющий полный разрыв с тем временем, когда я служил в ФБР. От агентов ФБР ожидают, что они в любое время будут выглядеть элегантно и презентабельно. Реквизированный у какого-нибудь злодея безликий коричневый «седан» — это отчасти клише, но не далекое от правды. Уйдя в отставку, я избавился от облика сотрудника Бюро, а увидев на аукционе коллекционеров «корвет», не устоял перед искушением.

Я еду по федеральному шоссе на скорости шестьдесят пять миль в час, в динамике звучит, перекрывая шум двигателя, блюз Хаунд-Дога Тэйлора «Сижу дома один». Шоссе ведет строго на север через Массачусетс, Нью-Гэмпшир и только возле живописного побережья штата Мэн, даже в это время года битком забитого отдыхающими, ненадолго ныряет в глубь страны.

Вот Уинтерс-Энд обилием гостей похвастаться не может. В него заглядывают, разумеется, туристы-походники, а также заядлые любители охоты и рыбалки, однако нашествий, как на морских и горных курортах, здесь не бывает. В общем, во всей восточной части округа Арустук одно и то же: леса, картофельные поля да холодная погода.

Я не был в родном городе с тех пор, как уехал на юг поступать в университет. Интересно, помнит ли меня кто-нибудь из соседей? Помнит ли кто-нибудь моих родителей — отец был адвокатом и членом добровольной пожарной дружины, мама работала в детском саду? Многим ли известно о той автомобильной катастрофе? Это случилось после того, как они вышли на пенсию и прожили два безмятежных года под солнцем Флориды. Я приехал к ним погостить, повез их в город, и в мою машину врезался сбоку и разбил ее угнанный «седан». Угонщика полицейские так и не нашли. Когда я похоронил родителей, мне был тридцать один год. А полгода спустя у меня произошел нервный срыв, покончивший с моей карьерой федерального агента.

Я работал в Национальном центре анализа насильственных преступлений, НЦАНП, — подразделении, задача которого состоит в том, чтобы помогать полиции, когда она об этом попросит, — работа лихорадочная, нервная. Почти в каждом деле, за которое мы брались, речь шла о человеческой жизни, а чтобы оградить каждого так, как мы считали нужным, людей вечно не хватало — и ресурсов полиции тоже. Может быть, я не смог выдержать

напряжение. Может быть, меня надломила гибель родителей.

В одно октябрьское утро у меня произошел нервный и физический срыв. В предшествовавшие ему недели я становился все более и более неуравновешенным, плохо спал, пил слишком много кофе и почти непрерывно курил. У меня случилось несколько приступов самого настоящего сумасшествия — слава богу, без свидетелей, — а когда мне удавалось заснуть, я видел страшные кошмары — преступления, которые нам не удалось предотвратить: убийства, страдания и пытки под стать кровавым сценам какого-нибудь ночного телеканала. И в конце концов не выдержал.

Я оказался в госпитале Канзас-Сити. Первые дни провел в тумане, который создавали антидепрессанты, транквилизаторы и нейролептики. Обращался то в зомби, то в человека, то снова в зомби. Потом лекарства отменили и я смог вернуться домой, чтобы пройти за несколько месяцев курс лечения не столь интенсивного. А затем, как раз когда я начал прикидывать, на какое будущее может рассчитывать сгоревший на работе тридцатидвухлетний сотрудник ФБР, мне позвонил Роб Гаррет, с которым я познакомился, когда он был в Атланте начинающим оперативником ФБР. Роб предложил мне работу в его агентстве в Бостоне. Более легкого решения я еще не принимал.

В общем, с того времени, когда я в последний раз сворачивал неподалеку от канадской границы с шоссе 95, чтобы направиться в Хоултон, под моим личным мостом, так сказать, немало воды утекло.

Я еду к центру города. Ухоженные кирпичные дома, которые выглядят немного выцветшими, вполне соответствуют местному климату. Ряды похожих на коробочки магазинов, торгующих продуктами и туристской одеждой. Люди, одетые по-весеннему, — яркие краски, легкие куртки. На тротуарах беседуют парочки и играют дети, наслаждаясь субботней свободой.

Я сворачиваю на Милитари-стрит и вижу впереди кирпичные стены хоултонского Высшего суда, от которого рукой подать до районного суда и Арустукской окружной тюрьмы. Я заезжаю на парковку Высшего суда и останавливаюсь рядом с джипом «гранд-череки», дверца которого украшена шестиконечной звездой управления шерифа. Неподалеку стоит синяя с белым машина полиции штата. Я вылезаю из своего «корвета», выглядящего здесь так же неуместно, как лыжный магазин на каком-нибудь тихоокеанском острове, надеваю кожаную куртку. Толкаю дверь суда. Деревянная табличка на стене сообщает, что управление шерифа находится на первом этаже.

Миновав распахнутые двери, я попадаю в маленькую, но опрятную комнату с горсткой столов из полированного дерева, занятых компьютерами, лотками для бумаг, разного рода личными вещами. Мужчина в форменной рубашке со значком «Дежурный» на груди смотрит на меня из-за деревянной стойки. Если не считать его и помощника шерифа, глядящего в экран компьютера, в комнате никого больше нет. На дальнем ее конце виднеются две закрытые двери, на которых что-то написано — но мелко, мне не разглядеть.

— Я могу вам помочь, сэр? — без всякого выражения произносит дежурный.

— Да, я Алекс Рурк. Мне нужно увидеть шерифа Тауншенда.

Он кивает, словно именно такого ответа и ожидал, указывает на левую дверь:

— Шеф у себя в кабинете, проходите.

— Спасибо, — говорю я.

— Алекс! — произносит Дейл, как только я вхожу в кабинет.

Дейл не совсем таков, каким я вообразил его, услышав по телефону. Его хриловатый

голос заставил меня предположить, что он обзавелся бородой, — Дейл ограничился усами и брюшком, которое только-только начало у него отрастать после сорока лет богатой углеводами диеты. Волосы на макушке поредели, от глаз расходятся морщинки, щеки начали обвисать. Он стал до жути похож на своего отца.

Пару мгновений мы занимаемся тем, чем обычно занимаются люди после долгой разлуки: приглядываемся, оцениваем, вспоминаем.

— Рад нашей встрече, Дейл, — говорю я. — Давненько не виделись.

— И я рад. Хорошо выглядишь. Как доехал?

— Нормально, — отвечаю я. — Хотя от кофе не отказался бы.

Дейл уходит в комнату персонала, я сажусь.

— Появилось что-нибудь, чего нет в присланных тобой документах? — спрашиваю я, когда он возвращается с двумя чашками кофе.

Дейл качает головой:

— Нет. На каждом допросе он несет все ту же чушь, имени своего так и не назвал. Ты с чем-нибудь похожим сталкивался?

— Да, но те люди обычно раскалывались после нескольких часов допроса. В большинстве своем они просто пытались скрыть, что уже побывали под арестом и где-то хранятся отпечатки их пальцев. — Я делаю плоток черного кофе. — Обвинение ему уже предъявили?

— Ага, — отвечает Дейл, — позавчера. Судья пришел ему неуважение к суду, поскольку он отказался назвать свое имя.

— И в суде тоже?

— А он и там вел себя точно так же. Время слушания его дела пока не назначено, суд дал нам шанс выяснить, кто он такой.

Я киваю.

— Ладно, где я жить-то буду? Я мог бы закинуть туда вещички, а потом начать беседы с этим малым.

Вид у Дейла становится робкий:

— Понимаешь, я подумал, может, тебе захочется увидеть родной город, ну и снял для тебя комнату в Уинтерс-Энде, в отеле «Краухерст-Лодж», а не здесь, в Хоултоне. Туда меньше часа езды. Я и сам все еще там живу.

— Все нормально, — говорю я и допиваю кофе. — Пойдем познакомимся с твоим таинственным узником.

Сквозь зеркальное стекло я наблюдаю за тем, как двое помощников шерифа в форме вводят в комнату для допросов мужчину и усаживают его за стол. Разумеется, фотографии его я уже видел, однако понять, как на самом деле выглядит человек, по ним было почти невозможно. Взлохмаченные черные волосы. Настороженные темно-синие глаза — темные настолько, что тоже кажутся черными. Узкий нос, тонкие губы. Он на пару дюймов ниже меня, под оранжевым тюремным комбинезоном проступают крепкие мышцы. Лет ему, насколько я могу судить, примерно от двадцати пяти до тридцати. Никакой злобы к охранникам он, похоже, не питает — кивает им, когда ему указывают на стул. А потом просто сидит и смотрит в стену, точно медитирующий буддийский монах.

Когда я вхожу в эту комнату с чашкой кофе и картонной папкой в руках, он переводит взгляд на меня. Я сажусь напротив него, включаю магнитофон и представляюсь —

помощник шерифа Алекс Рурк.

А затем приступаю к допросу:

— Итак, Джон... Довольно глупое имя — «Джон, родства не помнящий». Нельзя ли мне называть вас как-то иначе? Я не спрашиваю о вашем настоящем имени, хотя вы, разумеется, можете назвать и его.

Он спокойно разглядывает меня, склонив голову набок, как если бы я был подопытной мышью. Его темно-синие глаза буравят меня, точно он читает мои мысли.

— Если хотите, помощник шерифа, можете называть меня Николасом. — Он слабо улыбается. — Имя, разумеется, не подлинное.

— Ну еще бы. И вам не обязательно называть меня помощником шерифа. Мистер Рурк, Алекс — как вам удобнее. — Я раскуриваю «Мальборо», затягиваюсь, чтобы дать ему время ответить, однако он остается безмолвным и неподвижным. Его глаза все еще изучают меня. — Как вам наша тюрьма? Говорят, с тех пор, как я заглядывал в нее в последний раз, ее подремонтировали. Тогда она выглядела довольно убого.

— Мне доводилось видеть места и похуже.

Он продолжает изучать меня. Я решаю сменить тактику.

— Вам, наверное, нелегко приходится, — говорю я. — Сидеть в таком месте в полном одиночестве. Ни родных, ни знакомых, поговорить не с кем. Вы, как я понимаю, не из местных?

— Понимайте как хотите, мистер Рурк.

— Вам не хочется позвонить кому-нибудь — просто чтобы знали, что с вами все в порядке? Мало ли что они могли прочитать о вас в газетах.

Еще одна бледная улыбка.

— Я не читаю газет. По мне, они слишком непристойны. Предпочитаю что-нибудь более позитивное.

— Ну, никогда не поздно расширить свои горизонты. — Я допиваю остатки кофе из пластиковой чашки. — Вы ведь изучали историю?

— Специально не изучал.

— Однако о том, как возник Уинтерс-Энд, знаете.

— Я вижу, кто-то из подчиненных шерифа изрядно потрудился, перепечатывая записи наших с ним бесед.

Я киваю — так, точно это само собой разумеется:

— Конечно. Я не поехал бы сюда, не зная, чего мне тут ожидать.

— И чего же вы ожидали? — Николас произносит этот вопрос ровным тоном, однако делает перед последним словом короткую паузу, отчего общая интонация становится пренебрежительной.

— Я ожидал увидеть умного человека, который по непонятным причинам оставался на месте преступления, пока его не застучали там полицейские. Протяженность дорог общественного пользования составляет в нашем штате три тысячи миль, Николас, а управление шерифа располагает всего тремя патрульными машинами. И то, что Дейл застал вас там, выглядит несколько странным везением.

— Вы намекаете на то, что я нарочно его дожидался?

Он по-прежнему не отрывает от меня глаз, и я моих тоже не отвожу.

— Я ни на что не намекаю. Может быть, вам просто не повезло. А может быть, вы хотели, чтобы вас задержали и это произвело бы на кого-то нужное вам впечатление.

— Что еще вы узнали из протоколов, мистер Рурк?

— Ничего определенного, — говорю я, уходя от ответа. — Но, если вы не против, я хотел бы узнать, почему вы стояли посреди дороги над телом Анджелы Ламонд.

— Об этом я уже говорил.

— Ну да, вы ждали. Но чего?

— Вы верите в то, что именно я убил ее?

— Я именно и приехал сюда, чтобы выяснить это.

— А, ну да. И как там Бостон, мистер Рурк?

Николас чуть подается ко мне, наклонившись вперед, — это его первое и единственное движение за все время разговора, и почему-то оно внушает мне тревогу.

— Или мне следовало сказать «агент Рурк»? — продолжает он. — Скажите, почему вы ушли из ФБР?

Вопрос застает меня врасплох, но я стараюсь не подавать виду.

— Вы знаете, что я работал в ФБР? Что еще вам обо мне известно?

— Почему вы *ушли*, агент Рурк?

Пытаясь успокоиться, я затягиваюсь сигаретой. Успех любого допроса зависит от взаимного доверия. Подозреваемые раскрывают перед тобой душу, потому что пытаются оправдать свои поступки. И доверие — это крючок, а признание — поправшаяся на него жирная рыба.

— У меня были проблемы со здоровьем, — говорю я. — А потом человек, которого я знал по Бюро, предложил мне работу в частном секторе.

— Проблемы со здоровьем? — Николас принимает прежнюю позу. Похоже, насмешливая улыбка становится у него постоянной гримасой. Между его губами виднеется кончик чуть желтоватого резца.

— Стресс. Слишком много дел, слишком мало времени. Ну я и сорвался. — Я гащу в пепельнице окурок. — Провалился какое-то время в больнице.

— Я полагал, что в процессе обучения Бюро готовит людей к такого рода вещам, — говорит Николас.

— Готовит. И все же сорваться может каждый.

— Это верно.

Я чувствую, что в его броне появилась трещина, в которую можно попытаться протиснуться.

— А с вами, Николас, случалось что-нибудь в этом роде?

— Именно в этом роде — нет, — отвечает он почти шепотом. — Хотя однажды, очень давно, я подошел к этому совсем близко.

Он смотрит уже не на меня, но словно вглядывается в прошлое.

— И что же? — так же тихо спрашиваю я.

— Я почувствовал, что мне предстоит вступить на новый путь. А потом принял решение, определил для себя цель. И мне все стало ясно.

— А что это было за решение?

Николас словно пробуждается от сна.

— Это дело очень личное, мистер Рурк, — говорит он. — Да я и сомневаюсь, что вы в нем что-нибудь поймете.

— А вы попытайтесь мне объяснить.

— Думаю, не стоит.

Ладно, похоже, самое время устроить небольшой перерыв.

— Не желаете выпить кофе, Николас? — спрашиваю я. — Я хочу налить себе чашечку.

— Нет, спасибо.

— Ладно.

Я встаю и покидаю комнату для допросов.

Первым делом я направляюсь к кофеварке. Потом вхожу в темную комнату, в которой сидит Дейл, наблюдая за подозреваемым сквозь зеркальное стекло.

— Ну как в сравнении с прежними разговорами? — спрашиваю я.

— Здорово, — отвечает он. — Впечатляет.

— Попроси кого-нибудь из твоих людей разослать его фотографию по всем психушкам северо-востока страны. Этот разговор насчет срыва — вдруг Николаса где-то опознают.

— Конечно.

Я возвращаюсь в комнату для допросов, усаживаюсь и спрашиваю:

— Вы знали Анджелу Ламонд, Николас?

— А что там было знать?

Его лицо вновь обрело буддийскую непроницаемость.

— Она была медицинской сестрой, всю жизнь прожила в Уинтерс-Энде. Умная, привлекательная сорокалетняя женщина, у нее не было постоянного любовника, зато было множество друзей и никаких врагов. Не богатая, не водившаяся с дурными компаниями и, насколько нам известно, никому не дававшая поводов для неприязни. И тем не менее кто-то схватил ее, увез на пустынное шоссе, раздел догола и зарезал.

На лице подозреваемого снова появляется подобие улыбки:

— Говоря «кто-то», вы, я так понимаю, подразумеваете меня.

— Да нет, я просто хочу понять, что произошло. И я, и ее родные.

— А вам-то это зачем? — Он задает вопрос таким ровным тоном, что я не могу понять, чего в нем больше — насмешки или искреннего интереса.

— Да просто ради душевного спокойствия. А кроме того, чем лучше мы понимаем такие поступки, тем легче нам становится их предотвращать.

Несколько секунд Николас бесстрастно смотрит на меня, а затем произносит:

— *Eripere vitam nemo non homini potest, at nemo mortem; mille ad hanc aditus patent.*

Я молчу, и он переводит:

— «Всякий может прервать жизнь человека, но никто — смерть, ибо тысяча путей ведут к ней».

— Кого вы цитируете?

— Сенеку. Полагаю, когда вы учились в университете, мистер Рурк, до Сенеки у вас руки не доходили. Криминология и юриспруденция, не так ли?

Я не отвечаю.

— А в старших классах вы были слишком заняты, ухаживая за девушками из команды болельщиц. На библиотеку у вас времени не оставалось, верно?

— Верно.

Николас улыбается мне, точно снисходительный папаша.

— Я немного устал, мистер Рурк. Может быть, продолжим в следующий раз?

Я на миг задумываюсь, не отказать ли ему, не заставить ли остаться, пока он не ответит на мои вопросы. Но что-то подсказывает мне, что злить его не стоит, моей задачи это не облегчит. Лучше прервать допрос — а заодно попытаться выяснить, откуда ему так много

известно обо мне.

— Хорошо, — говорю я. — Давайте пока закончим.

Я называю в микрофон точное время, выключаю запись. Вызываю двух охранников, чтобы они отвели Николаса в камеру. Уже у самой двери он останавливается, оборачивается и говорит:

— Вы спрашивали, чего я ждал. Я ждал вас, мистер Рурк. Именно вас.

Когда я добираюсь по одиннадцатому шоссе до места, отмеченного двумя букетиками цветов, солнце уже садится над далекими Аппалачами. Я подвожу «корвет» к обочине и выхожу на дорогу. Дейл хлопает дверцей своего джипа и ведет меня к месту в середине полосы, футах в двадцати от капота моей машины.

— Вот тут, — говорит он. — Лежала головой на север, на правом боку.

— Мне нужно осмотреться здесь, — говорю я, — а после пройти тем путем, которым Анджела возвращалась домой с работы. Ну и в дом ее хорошо бы заглянуть, проверить все, что имело отношение к ее личной жизни.

— Думаешь, такие мелочи имеют значение?

Я наклоняюсь, притрагиваюсь к асфальту.

— Знать жертву всегда полезно, Дейл.

— К слову сказать, подозреваемый, похоже, многое знает о тебе. Что он имел в виду, когда сказал, что «ждал» тебя, как по-твоему?

— Понятия не имею.

Плащ Дейла издает шуршание — он сует озябшие руки в карманы.

— Судя по его разговорам, малый он образованный, — говорит Дейл. — Как считаешь, может, стоит разослать запросы по колледжам и университетам, вдруг его где-нибудь да узнают?

Я пожимаю плечами:

— Попробовать можно, однако не думаю, что это сработает. Во-первых, узнать одного студента из многих тысяч — дело не простое. А во-вторых, не думаю, что он получил хорошее образование. По-моему, он скорее *начитан* — нигде не учился, а нахватался кое-чего сам.

— Как ты это понял?

— По тому, как он разговаривает, — отвечаю я, доставая из кармана сделанные на месте преступления заметки криминалистов. — Николас цитирует то да се, сыплет разного рода сведениями, но в этом нет никакой системы. Он смахивает на человека, который читает стихи, ничего не зная о рифме.

Дейл неуверенно кивает.

Я проглядываю пару снимков, сделанных полицейскими с такого расстояния, что в кадре уместилось все тело. Потом обвожу взглядом дорогу, узкую бетонную канаву, поля по обе стороны от шоссе.

— Так, говоришь, следов на траве не было?

— Не было.

Высокие стебли растений, заполонивших бывший выгон, погнуты и собраны в пучки криминалистами, дюйм за дюймом осматривавшими землю вокруг места преступления. Лес, окружающий продолговатый участок поля, узкой полоской темнеет вдали — в трех с половиной милях к северу отсюда, в полумиле к югу и в миле к востоку и западу. Легкий ветерок гонит волны по зеленой траве.

— Почему он выбрал именно это место? — спрашиваю я у Дейла, хотя оба мы понимаем, что вопрос этот риторический. — Это либо очень глупо, либо по-настоящему умно, и тогда мы упускаем что-то из виду. Соскобы из-под ногтей жертвы ничего не дали,

так?

— Нет. А что ты имеешь в виду?

Я указываю на ведущую к городу часть шоссе.

— По лем он прийти не мог, значит, должен был двигаться по дороге. Но не в открытую, поскольку не хотел, чтобы его увидели из проходящих машин. Если он вел Анджелу вдоль канавы, то мог, увидев издали машину, бросить беднягу в канаву и спрятаться сам. Но тогда под ее ногтями остались бы грязь и песок. Скажи, а ступни ее медэксперт осматривала?

— Не знаю.

— Ладно, спрошу у нее завтра сам. Давай проверим маршрут, по которому Анджела шла домой. Только поедem помедленнее, я хочу посмотреть, что тут за лес.

Узкая полоска елей и берез, отделяющая поля от города, совсем не подходит для того, чтобы устроить в ней засаду. Пространство под ярким пологом листвы и иголок светлое, просматривается насквозь. В таком лесу хорошо собак выгуливать.

Теперь мы едем мимо домиков из кирпичей и некрашеных бревен. Мимо лужаек, покрытых весенней изумрудно-зеленой травой, пробивающейся из земли после весенней оттепели. Мимо внедорожников на подъездных дорожках. Мимо пикапов и солидных седанов. Турист увидел бы здесь еще один городок с почтовой открытки штата Мэн. А я вижу облупившуюся краску, разболтавшиеся доски, занавески, которые неплохо бы постирать. Уинтерс-Энд всего лишь обычный город, населенный обычными людьми с обычными проблемами.

Обычный еще и потому, что хорошо знакомый. Я не был в этом городе семнадцать лет, но мне кажется, с тех пор здесь ничего — если не считать моды — не изменилось. Названия улиц и дома пробуждают во мне на редкость сильные воспоминания. Скиннер-стрит, на которой жила Рона Гарде, когда мы с ней учились в старших классах. Однажды ее родители куда-то уехали, и мы любили друг друга — для обоих это был первый раз — самые страшные, помнится, пять минут моей жизни. Винный магазин Ренфри, в котором мы с друзьями покупали пиво, отправляясь на гулянку в кемпинг «Бойнтон». Продовольственный, ставший теперь частью сети «Сэвен-илэвен», в нем я заработал первые деньги, пошедшие на оплату учебы в университете. Я отмахиваюсь от воспоминаний и останавливаю машину перед приемной врача на Центральной улице. Приемная уже закрыта и заперта. Я закуриваю, ожидая, пока Дейл выберется из своего джипа.

Мы идем под синеющими небесами по Центральной улице. Магазины здесь типичные для маленького городка: бакалея, магазин одежды, крошечный книжный. Крупные отсутствуют, а маленькие в большинстве своем несколько за эти годы не изменились.

Отойдя на один квартал от приемной врача, я сворачиваю направо, на Карвер.

— Она ведь так ходила? — спрашиваю я у Дейла.

— Насколько мне известно, да.

Карвер-стрит — это кривая улочка, по обеим сторонам которой стоят одинаковые дома из красного кирпича с аккуратными палисадничками. Шторы на окнах по большей части задернуты, отчего дома кажутся угрюмыми, отгородившимися один от другого. Хотя, проходя мимо них, я чувствую, что за нами наблюдают. Подрагивание штор. Тени за ними, которые я замечаю боковым зрением. Мы сворачиваем на Олтмейер. Когда-то здесь проживали самые обеспеченные люди городка, дома у них были каменные, обшитые крашеными досками. Теперь это просто самые старые здания Уинтерс-Энда. Анджела жила в двух шагах от перекрестка. Наверное, она неплохо зарабатывала, раз могла позволить себе

такое жилище. На веранде лежат букеты, десятка два, парадная дверь перетянута полицейской лентой. Дейл отпирает дверь, ныряет под ленту. Я следую за ним.

За зеркало в прихожей заткнуто несколько бумажек с телефонными номерами друзей. Два плаща на крючках у двери. Мебель в гостиной ухоженная, но немного потертая. Телевизор, его пульт на кофейном столике, инструкция по управлению телевизором на диване. Хороший проигрыватель, стопка компакт-дисков — Моцарт, Вивальди, «соул» конца шестидесятых, несколько современных компиляций.

Кухня, находящаяся в глубине дома, опрятна, хотя в раковине стоит невымытая кружка и миска с остатками кукурузных хлопьев. Я выглядываю в окно кухни и вижу задний двор — кустики вдоль забора, подстриженная лужайка. Дейл, проследив за моим взглядом, говорит, что криминалисты из полиции штата там все уже осмотрели.

Наверху картина примерно та же. Неубранная постель, несколько одежек на кресле. Белая роза в стеклянной вазе на туалетном столике.

— Подарок поклонника? — спрашиваю я.

— Любовника у нее не было, — отвечает Дейл. — Криминалисты прямо здесь проверили розу на скрытые отпечатки и волокна живой ткани — обнаружили на одном из листьев частичный отпечаток левого большого пальца Анджелы. И пришли к выводу, что розу купила она сама.

— Да, наверное.

Обувная коробка в стенном шкафу содержит аттестаты, справки с места работы, благодарственные записки пациентов. Фрагменты оборванной жизни. И пока я перебираю эти бумажки, меня посещает новая мысль.

— А скажи-ка, Анджела не работала в учреждениях для душевнобольных? — спрашиваю я. — Вдруг наш Николас окажется психом?

— Насчет Анджелы сомневаюсь — да и заведений таких поблизости нет. Насколько я знаю, до того как поступить на работу к доктору, она была медсестрой в детском доме.

Я перестаю листать бумажки.

— В «Святом Валентине»? В том, что на окраине?

— Ага, — отвечает Дейл. — Только его закрыли лет шесть назад, после пожара.

— Не знал, — говорю я. — Когда я был мальчишкой, отец часто туда заглядывал, привозил детишкам подарки. И я с ним пару раз ездил. А о пожаре даже не слышал.

— Как-то ночью та часть здания, в которой жил персонал, сгорела дотла, погиб директор и еще пара человек. Страховая компания убытки оплачивать отказалась, ну дом и закрыли. Наверное, и твой отец его тоже тушил.

Я пожимаю плечами, складываю бумаги в коробку.

— Для того добровольная пожарная дружина и существует, Дейл. А какие-нибудь документы, связанные с воспитанниками, уцелели?

Он качает головой.

— Сгорели. Хотя, может, в округе остались копии. Думаешь, есть шанс, что Николас оттуда?

— Возможно. Проверить в любом случае стоит.

Мы спускаемся на первый этаж, я выхожу на крыльцо и жду, когда Дейл запрет дверь. Вокруг сгущаются сумерки.

— Ну что скажешь? — спрашивает Дейл, оборачиваясь ко мне.

На лице его застыло выжидающее выражение, похоже, Дейл надеется, что я узнал

наконец, как нам разговорить Николаса.

— Ничего определенного, — отвечаю я. — Насколько я могу судить, у нас по-прежнему нет ясного понимания того, кто и почему мог желать Анджеле смерти, и нет никакого ключа к действиям Николаса.

Я окидываю взглядом улицу.

— Хотя одна мысль у меня появилась.

— Какая?

— Что, если у Николаса имелся сообщник? — говорю я, пока мы идем к нашим машинам. — Кто-то из местных, помогавших ему.

Дейл хмурится, обдумывая мое предположение.

— Это просто гипотеза или ты хочешь, чтобы я занялся этим всерьез?

— Гипотеза. Но подумай сам, что у нас есть? — Я начинаю загибать пальцы. — Женщина исчезает по пути домой, который занимает минут пять-шесть, самое большее. Исчезает почти на пять часов, и за это время кто-то раздевает ее догола. Затем ее находят на шоссе в трех с половиной милях от города, такое расстояние она почти наверняка не прошла пешком. У нашего подозреваемого машины, насколько нам известно, нет, а он предположительно захватил женщину посреди жилого квартала. Потом завел куда-то и раздел. И ухитрился вывести из города по оживленному шоссе, оставаясь незамеченным.

— И при чем же тут соучастник?

— Допустим, Анджела направляется к дому, а кто-то, живущий на Карвер или на Олтмейер-стрит, окликает ее с порога своего дома. Просит помочь ему в чем-то. Она входит в дом, а там Николас хватает ее, раздевает, и они держат ее в доме несколько часов. Потом отводят в гараж, запихивают в автомобиль соучастника и вместе вывозят на шоссе. Соучастник оставляет там ее и Николаса, а сам разворачивает машину и возвращается в город.

Дейл некоторое время размышляет, потом качает головой.

— А если бы кто-то увидел, как она входит в дом? — говорит он. — Нет, это слишком рискованно. Кроме того, на ее теле должны были остаться волокна от обшивки сиденья машины.

— Пластиковая пленка. Черт, она могла оставаться одетой, а раздели ее, довезя до места, где ты обнаружил тело. С домом вопрос сложнее, однако соучастник мог не зазывать ее в дом, а посадить в машину и привезти к себе. Посадить в таком месте, где днем бывает малолюдно.

— Все так, но, когда мы на следующее утро обходили дома на обычном ее маршруте от дома до работы, жильцы этих домов вели себя совершенно нормально. — Он ненадолго умолкает. — Послушай, а Николас не мог угнать машину у кого-то из местных и увезти Анджелу в ней?

— У тебя же нет заявлений об угоне.

— Нет, но он мог бросить где-то Анджелу в бессознательном состоянии и вернуть машину назад.

Наступает мой черед покачать головой.

— Это еще рискованнее, чем зазывать ее в дом. Николаса могли увидеть, когда он угонял машину или возвращал ее, а тело Анджелы ему пришлось бы надолго оставить без присмотра. Что, если бы тело кто-то нашел?

— Ладно, может, у меня и не все сходится. Давай оставим это до завтрашнего допроса

Николаса. Вдруг он о чем-нибудь проговорится. И еще, хорошо, что вспомнил, Лора приглашает тебя завтра к ужину. Пригласила бы и сегодня, но она ждет сестру, которая едет сюда из Преск-Айла.

— Приду обязательно.

— Где находится «Краухерст-Лодж», ты еще помнишь?

Я улыбаюсь, глядя, как он залезает в свой джип:

— Город изменился не так уж и сильно. До завтра.

Я решаю заехать в отель, поставить машину на стоянку и где-нибудь перекусить. Вечерний сумрак сгущается. Еще оставшиеся на улицах автомобили едут быстро и целеустремленно — так, точно их водителям не терпится убраться с глаз долой, пока совсем не стемнело. То же относится и к пешеходам, шагающим торопливо, склонив головы.

И вдруг один из них окликает меня:

— Алекс? Алекс Рурк?

Я оборачиваюсь и вижу мужчину с коротко стриженными темными волосами, в очках, с намечающимся вторым подбородком. Похоже, мы были когда-то знакомы.

— Да? — говорю я.

— Кохрэйн. Мэтт Кохрэйн. Мы вместе учились в школе.

— Ах, ну конечно! Как жизнь?

Воспоминания возвращаются ко мне не так быстро, как позволяет предположить мой бодрый тон. Кохрэйн. Кохрэйн. Потливый, чуть заторможенный, хотя ему хорошо давалась математика. Одежда с чужого плеча. Он не был мишенью для насмешек, просто ребята его сторонились.

— Да неплохо. Работаю бухгалтером, недалеко отсюда, в Эшленде.

— Да? Хорошая работа?

— Ничего, справляюсь. — Нотка гордости в голосе. Мы с ним, сами того не желая, начинаем играть в старинную игру «кто круче», как водится у давних знакомых. — А ты, я слышал, полицейским стал.

— Работал в ФБР. Три года назад ушел, теперь частный детектив, — говорю я, стараясь, чтобы это не выглядело вызовом, предъявлением козырного туза.

— Приехал из-за убийства медсестры? Жуткая история.

— Шериф Тауншенд попросил помочь ему. Здесь, наверное, шуму было! Не помню, чтобы в мое время в городе хоть кого-то убили.

Мэтт кивает. Затем лицо его меняется — у него новая идея.

— Что ты делаешь вечером? — спрашивает он.

— Собираюсь вселиться в отель и поесть, других планов нет. Ну, может, запишу кое-что для памяти.

— Слушай, а не хочешь ли пропустить по рюмочке со мной и моей женой? Ты ведь помнишь Рону? В школе она носила фамилию Гарде.

Приходится мне мысленно признать свое поражение. Конечно, Мэтт — бухгалтер, так и не сумевший выбраться из захолустного городишки. И все же именно он женился на Роне Гарде, моей школьной возлюбленной.

— Отлично, — говорю я. — Когда и где?

— В «Лесопилке», в половине восьмого — ты как?

— Идет, там и увидимся.

Мэтт машет мне на прощание рукой, а я снова возвращаюсь к машине, закуриваю, чтобы

приглушить чувство поражения. Интересно, есть ли у Мэтта с Роной дети? Я забираюсь в гостеприимное нутро «корвета», и запахи бензина, застарелого табачного дыма и кожи отгоняют эти мысли. И еду в отель.

«Краухерст-Лодж» был отелем почти столько же времени, сколько простояло его здание, построенное в 1920-х годах, — неоготический стиль — высокие окна и декоративная лепнина на выступах и карнизах. Его облицованный белым известняком фасад светится в сумерках. Два неотличимых в темноте улыбающихся мозаичных лица смотрят на меня сверху вниз, пока я ставлю машину, они похожи на сложенные из зеленых и терракотовых плиточек лица цирковых клоунов.

Двойные наружные двери с матовыми стеклами ведут на веранду, по стенам которой висят старые афиши — некоторые из них практически антикварные. С веранды в дом ведет другая дверь, солидная, из почерневшего от времени дерева, с дверным железным молотком, изображающим голову рычащего... не знаю кого. Я толкаю ее и вхожу в залитый светом вестибюль, оформленный в том же неоготическом стиле.

— Да? — вопросительно произносит, выходя из двери за стойкой, старик в выцветшем кардигане.

— Я Алекс Рурк, шериф Тауншенд снял здесь номер для меня.

Моему голосу вторит легкое эхо, а голосу старика — нет, возможно, все дело в разнице тембров.

— Хм. — Старик открывает учетную книгу, которая выглядит его ровесницей, листает ее, добирается до последних записей, водит пальцем по строчкам. — А, ну да, мистер Рурк. Комната четырнадцать, наверху лестницы. Распишитесь вот здесь, пожалуйста. Какой-нибудь багаж у вас имеется?

— Нет, — отвечаю я, ставя подпись. — Так, значит, наверху лестницы?

— Первая справа, — говорит он и протягивает мне брелок с двумя ключами. Один из них, судя по его виду, отпирает парадную дверь. — Завтрак с семи до девяти, ужин с шести до восьми тридцати, но его нужно заказывать.

Я благодарю его и поднимаюсь в свой номер. В отеле мертвая тишина. Я отпираю дверь номера, вхожу в маленькую, но чистую и опрятную комнату с односпальной кроватью, телевизором, туалетным столиком и стенным шкафом. На столике стоит телефонный аппарат. Еще имеется дверь, ведущая в туалет и душ.

Я заказываю по телефону еду — номер единственного в городке заведения, которое готовит пиццу навынос, я заметил на веранде, — потом быстро принимаю душ и переодеваюсь. Едва я включаю телевизор, в номере раздается звонок — судя по всему, прибыл доставщик пиццы. И действительно, выглянув в окно, я вижу перед входом в гостиницу его мотоцикл. Я собираюсь отвернуться от окна, но неожиданно замечаю человека, стоящего в сумраке под деревьями возле парковки. Разглядеть его как следует мне не удастся — виден только смутный силуэт с беловатым пятном вместо лица. Я вглядываюсь пристальнее — человек стоит неподвижно. А потом я моргаю, и он исчезает.

Я спускаюсь вниз, забираю пиццу. От теплой коробки, которую я держу в руках, исходят ароматы расплавленного сыра, помидоров, базилика. Парковка отеля пуста, если не считать моей машины и мотоцикла рассыльного. В отеле по-прежнему тихо. Похоже, я единственный его постоялец.

Покончив с пиццей — хорошей, особенно если учесть, что Уинтерс-Энд — это все-таки не Маленькая Италия, — я надеваю куртку и отправляюсь в «Лесопилку», один из двух баров

городка. Уинтерс-Энд оказывается вовсе не безмолвным, в нем присутствует тихая, но нервозность, подчеркиваемая шелестом деревьев и бормотанием телевизоров, чьи экраны светятся за окнами домов. Жизнь спряталась на ночь за этими дверями.

Я толкаю дверь «Лесопилки», неприметного здания с несколькими окнами, и меня сразу же окутывает негромкий гул субботнего вечера. Откуда-то из глубины бара доносится тихий перестук бильярдных шаров, вполсилы играет музыкальный автомат. Люди разговаривают, общаются. Все путем. Мэтт сидит за столиком у стены, с ним женщина, которая смотрит в сторону. Черные волосы до плеч, фиалковый свитер — вот и все, что я успеваю разглядеть. Мэтт машет мне рукой, я направляюсь к столику.

— Алекс! — восклицает Мэтт, когда я подхожу. — Ты ведь знаком с Роной. Посмотри, — обращается он к ней, — совершенно не изменился. Как я и говорил.

— Как поживаешь, Алекс? — спрашивает она. — Давно не виделись.

— Слишком давно.

— Выпивка за мной, — сообщает Мэтт. — Кому что?

— Пиво, спасибо.

— Ром с кока-колой, — говорит Рона.

Мэтт отходит к бару, предоставляя мне возможность приглядеться к моей давней возлюбленной. Она почти не постарела, едва наметившиеся лучики морщинок возле глаз — вот и все свидетельства возраста. Темные брови по-прежнему тонкие и все так же изгибаются над темно-кариими глазами, сменившими, впрочем, былую живость на вялость — знак смирения перед жизнью, быть может. Я знал ее дерзкой капитаншей команды футбольных болельщиц, уверенной в себе, всегда готовой язвительно одернуть каждого, кто, как ей казалось, чересчур зарывался. И какая же удивительная нежность таилась за этим показным фасадом!

— Ну как ты? — спрашиваю я. — У Мэтта дела, похоже, идут хорошо.

— Да, — кивает она. — Я преподаю английский и литературу в начальной школе. А ты чем после школы занимался?

— Учился в университете, потом служил в ФБР. Теперь работаю у старого фэбээровского знакомого в Бостоне.

— Как родители? Я их после выпускного вечера ни разу не видела.

— Погибли в аварии три с половиной года назад.

— О господи, Алекс, прости, — говорит она.

— Да ничего, дело уже давнее. — Я вытаскиваю сигарету, закуриваю, потом спохватываюсь: — Извини, мне следовало спросить, как ты относишься к табачному дыму. Я, видишь ли, обзавелся за эти годы дурными привычками.

— Мне дым не мешает.

Возвращается Мэтт с напитками. Себе он взял, судя по виду жидкости, виски с лимонным соком.

— Ну что? — спрашивает он. — Наверстываете упущенное?

— Рона говорит, что стала учительницей, — отвечаю я, стараясь не выглядеть вруном. — Кто бы мог подумать?

Мы смеемся, все трое.

— Интересно, как она будет управляться с Сетом, когда он пойдет в школу, — говорит Мэтт.

— С Сетом?

— Наш сын. — Рона смотрит на Мэтта так, точно ей пришлось только что поделиться со мной какой-то их общей тайной. — Ему пять лет. А ты, Алекс? Женат? Дети?

— Держал одно время кота.

Мы снова смеемся. Я вижу, они немного смущаются, мало ли, вдруг для меня это большая тема. И, отпив пива, решаю подкинуть им еще кое-какие сведения.

— Его звали Ржавый. Попал под грузовик года полтора назад.

Что еще я могу им сказать? Что, работая в Бюро, избегал прочных связей? А если какие-то и возникали, не хотел обзаводиться детьми? Потому что не желал, чтобы им доставалась лишь половинка моей жизни, та, которую я не отдаю работе. Что, уйдя в отставку, не предпринимал серьезных попыток создать семью, поскольку не надеялся найти хорошую женщину, которая согласится на то, чтобы отцом ее детей стал несостоявшийся агент ФБР.

— Где вы сейчас живете? — спрашиваю я, чтобы сменить тему.

— На Спрус-стрит, рядом с библиотекой. Большой дом, мы просто не знаем, что нам с ним делать. Рона считает, что надо бы завести еще пару детей — просто чтобы пустое пространство заполнить.

— Ой, Мэтт, перестань! — восклицает она, шутливо хлопая его по руке.

— Хорошая мысль, — говорю я ему — совершенно искренне. И, основательно глотнув из бутылки, приканчиваю сигарету. — А я живу в обувной коробке, в которую удалось втиснуть кровать. Правда, при моем доме имеется парковка для жильцов, — стало быть, все не так уж и плохо.

— А какая у тебя сейчас машина?

Я медлю с ответом, пытаюсь понять, не ввязываемся ли мы снова в игру «кто кого круче». Потом отвечаю:

— «Стингрей-корвет» шестьдесят девятого года.

— Ты всегда любил пижонские машины, Алекс, — прыскает Рона. — Ответ штата Мэн Дону Джонсону.

— Ну, если я войду в историю как обладатель именно этого качества, меня такая участь устроит. — Я усмехаюсь и допиваю пиво. — Повторим?

Я подхожу, чтобы заказать выпивку, к стойке бара. Музыкальный автомат начинает играть «Бродягу» Хэнка Уильямса.

— Мэтт говорит, ты работаешь на управление шерифа, — произносит Рона, когда я возвращаюсь за столик. — Убийство Анджелы, так?

— Так. Дейл Тауншенд попросил меня помочь ему.

Рона отпивает из своего стакана.

— Какой это был, наверное, ужас для бедной Анджелы. Человек, которого вы арестовали, уже рассказал, почему он это сделал?

— Об этом я говорить не могу. Сама понимаешь, расследование еще не закончено. — Я зажигаю новую сигарету. — Много осталось в городе наших однокашников?

— Кое-кто есть, — отвечает мне Мэтт. — Джимбо стал автомехаником. Брук вышла за Тристана Мэйленда, у них двое детей, а Грант теперь владелец пиццерии. Есть и другие, но всех так сразу не вспомнишь.

Рона собирается что-то добавить, но тут меня с силой хлопает по плечу чья-то рука и мужской голос за моей спиной произносит:

— Так это вы и есть Алекс Рурк? Дейл сказал мне, что вы приехали.

Я оборачиваюсь и вижу мучнисто-белое лицо мужчины лет сорока пяти. Старательно

зачесанные назад каштановые волосы с проседью мыском спускаются на лоб. Крепкое рукопожатие человека, с удовольствием дающего вам понять, что он мужик крепкий и с ним лучше не шутить. Глаза его постоянно движутся, оценивая обстановку.

— Байрон Сэвилл, мэр, — представляется он. — Вижу, вы уже отыскивали старых друзей.

— Да. Вы знакомы с Мэттом и Роной Кохрэйн?

Сэвилл кивает:

— Конечно. Как продвигается расследование?

— Ну, я здесь сегодня первый день, только-только приступил. Но почти уверен, что мы выясним все за несколько дней.

— Это хорошо, Алекс, очень хорошо. Убийство взбаламутило весь город. Чем быстрее оно уйдет в прошлое, тем лучше. И помните, если вам что-то потребуется — только позвоните, я сделаю все, что смогу. — Он протягивает мне визитную карточку. — Ладно, оставляю вас с вашей выпивкой. Приятного вечера.

— Приятного вечера, господин мэр.

Сэвилл уходит — вид у него важный, но он, похоже, побаивается, что его напыщенное самодовольство могут в любую минуту сровнять с землей. Большой человек маленького городка. Мне такие люди хорошо знакомы.

— Быстро тут слухи разносятся, — говорю я двум моим прежним однокашникам.

— Смерть Анджелы наделала много шума, — говорит Мэтт. — Никто не мог поверить, что нечто подобное может случиться с женщиной вроде нее. Она всегда была такая тихая. Не то что другие старшекласницы. Ты слышал историю о том, как Скотт Робсон уговорил Анджелу и пару ее подруг поехать с ним ночью в Мэйсон-Вудс? Он до того напугал их рассказами о тамошних привидениях, что ему пришлось быстренько развезти всю компанию по домам.

— Нет, не припоминаю. Хотя Скотта я помню.

Этакий придурок, если память мне не изменяет, хотя на моем мнении о нем могла сказаться и естественная неприязнь, и страх, ведь младшие школьники всегда побаиваются старших.

Я помню Мэйсон-Вудс — лес к востоку от города. Каждый выросший в Уинтерс-Энде мальчишка знал немало историй о призраках, блуждавших под его спутанными ветвями. В восемнадцатом столетии французские колониальные войска вырезали в этом лесу местное индейское племя. Потом там линчевали траппера, а его безутешная жена, найдя тело мужа, покончила с собой. Имелся также призрак священника, свалившегося в овраг и сломавшего шею.

Когда мы учились в пятом классе, я и младший брат Дейла, Крис, решили провести в Мэйсон-Вудсе ночь. Я сказал родителям, что заночую у Криса, а он сказал своим, что заночует у меня.

За неделю до этого Дейл вывалил Крису кучу историй о Синем Лесорубе и заявил, что Крис трусишка и у него не хватит духу провести целую ночь в лесу. Это был вызов, и мальчишкам вроде меня и Криса оставалось лишь одно: достойно его принять.

Поговаривали, что Синий Лесоруб — дух местного поселенца, которого еще в колониальные времена один французский лейтенант насильно заставил служить у него следопытом. Вскоре Лесоруб дезертировал и попытался вернуться к семье. Лейтенант взял несколько солдат и направился к дому поселенца. Чтобы наказать Лесоруба, лейтенант велел повесить его жену и дочь, а когда Лесоруб снимал их тела с ветки дерева, на него

набросились сидевшие в засаде солдаты. По словам Дейла, призрак Лесоруба бродит с тех пор по лесу, отыскивая французского лейтенанта, чтобы отомстить ему за гибель своей семьи. Призрак появлялся в те ночи, когда лунный свет окрашивал небо в синие тона (отсюда и имя), и убивал всех, кто попадался ему по пути.

Историй таких было немало, и в большинстве своем кровавых, но я их с течением лет позабыл. Короче говоря, Дейл уверил нас, что Дерево Повешенных, от которого Лесоруб начинает свои ночные блуждания, — это вековая ель, что стоит на поляне рядом с Тачельской норой — пещерой в нижнем отроге хребта Голсона. Вот на этой поляне, где витал сильный запах сосновой смолы, мы и решили провести ночь.

Мы пришли туда за час с чем-то до наступления темноты, расстелили спальные мешки, развели костерок. И сидели у огня, жуя шоколад, попивая газировку и разговаривая о наших детских делах. Стемнело. Мы попытались заснуть, однако ночной холод, таинственные звуки леса и рассказы о Лесорубе не давали нам сомкнуть глаз.

А около полуночи из пещеры позади нас донесся какой-то шум. Нечто среднее между храпом и рычанием. И что-то там зашебуршало в темноте.

Мы припустились бежать и, мне кажется, остановились, только когда оказались дома.

Внутренне улыбаясь этим воспоминаниям, я возвращаюсь к дню сегодняшнему, в «Лесопилку», и обнаруживаю, что разговор наш — впрочем, удивляться тут нечему — прервался. Мэтт и Рона сидят, явно испытывая неудобство, потягивают свои напитки, читают надписи на пивных кружочках, делая вид, что молчат они по собственному почину, а не по необходимости.

В конце концов Рона находит выход из тупика:

— Как по-твоему, ты еще долго здесь пробудешь?

— Еще день как минимум, может, и больше, — отвечаю я. — Дейл пригласил меня в гости завтра вечером.

— Ты знаешь, что Крис служит в Береговой охране?

Я киваю:

— Да. Дейл рассказал мне об этом, когда я работал с ним в последний раз — год или два назад.

— Я не знала, что ты приезжал тогда в город.

— Да я и не приезжал, мы все решили по телефону.

Снова молчание. Потом Мэтт подчеркнуто смотрит на часы.

— Время позднее, — говорит он. — Пожалуй, нам пора. Приятно было снова увидеться с тобой, Алекс. Будем перезваниваться.

— Конечно, — отвечаю я. Мы оба понимаем, что это вранье. Но я все же отдаю Мэтту свою визитку. — Рад был снова увидеть вас обоих.

Рона склоняется над столом, чмокает меня в щеку.

— Будь осторожен, Алекс, — говорит она. И уходит с мужем.

Приканчивая пиво, я думаю о том, что нам потребовался всего час, чтобы выяснить, как прошли наши последние семнадцать лет. Меня это удручает.

Выйдя из бара в ночь, я достаю из пачки еще одну «Мальборо». Огонек зажигалки, погаснув, оставляет у меня перед глазами пляшущие голубые пятна. Вечер холоден, луна пока не взошла. Машин на улицах практически нет, город стал совсем тихим, словно люди заперлись в своих домах, приглушили телевизоры и теперь беседуют шепотком. Ветер покачивает над улицей телефонные провода. Я смотрю на часы: 21.40. Именно в это время

Дейл обнаружил тело Анджелы Ламонд.

Я шагаю к отелю в обществе воображаемых демонов ночи. Что-то движется в темноте: но это всего лишь крадущаяся кошка. Звук моих шагов точно эхо подхватывают еще чьи-то шаги, более тихие и торопливые: кто-то идет за мной, но далеко — не разглядеть. В такие ночи суеверное подсознание борется с остальной частью разума за первенство, имея очень хорошие шансы на победу. И тогда я почти явственно слышу одинокий, потусторонний, взывающий к мести голос, страшный, как волчий вой. Я почти слышу другие голоса — жертв давних преступлений, о которых я ничего не знал, и тех, которые не смог раскрыть. И почти чувствую гнев этих жертв.

Не дури, говорю я себе, поднимаю воротник и ускоряю шаг. Мне нисколько не хочется оставаться на открытом месте.

Я подхожу к тонущему во тьме «Краухерст-Лоджу». Здесь даже лампочка над дверью и та не горит. Известковый фасад отеля имеет какой-то больной вид, его мозаичные физиономии плотоядно скалятся. Мне удастся со второй попытки вставить ключ в замочную скважину и почти на ощупь пересечь темную веранду. Я полагаюсь на память, и она помогает мне, ухватившись за железный молоток как за дверную ручку, открыть внутреннюю дверь.

Вестибюль освещен одинокой лампочкой над стойкой портье, мощностью примерно в одну свечу. Ее слабое свечение и мое обострившееся ночное зрение помогают мне подняться по лестнице в мой номер. Я щелкаю выключателем, и меня ослепляет приветственный, успокаивающий свет.

Я бросаю куртку на кровать, включаю телевизор, захожу в ванную, ополаскиваю лицо холодной водой. Потом сижу около часа, наугад переключая телеканалы, а после гашу свет и ложусь.

Однако заснуть мне не удастся.

Заснуть мешает многое, и все это, вместе взятое, приводит к бессоннице. Новая обстановка, первобытные инстинкты, заставляющие меня настороженно относиться к непривычным запахам отеля. Деревья снаружи, с их шепотом, от которого не погружаешься в дремоту, а лишь напрягаешь слух. Мне неудобно на левом боку. И на правом тоже. И на спине. И на животе. В голове моей вертятся разговоры — сегодняшний допрос Николаса, вопросы, которые я собираюсь задать ему завтра.

Последним, что я вижу перед тем, как сон все же одолевает меня, оказываются часы, показывающие четыре часа пятнадцать минут.

Глава 4

Семь утра. Дребезжание будильника вытаскивает меня из сюрреалистического пейзажа сновидения, который я припоминаю уже с трудом. Что-то такое с заснеженными деревьями, впрочем, подробности выцветают быстро. Возможно, это был отголосок юности: в подростковом возрасте мне часто снились кошмары, связанные с зимой. Возможно, то были первые признаки расстройства сна, а возможно, и нет. Каждый раз, когда мне снились такие шутки, я просыпался среди ночи. Садился в постели, обхватив руками колени, и старался изгнать эту дрянь из головы, чтобы снова заснуть. Как правило, не получалось.

Ночной кошмар всегда поначалу прикидывается чем-то другим. К примеру, мне может присниться, что я солдат, служу в какой-то далекой стране и вдруг замечаю, что джунгли, по которым я иду, покрываются снегом. Вскоре окружающая меня листва становится обледенелой, а ветер швыряет мне в лицо снежную крупу. Потом я слышу за спиной скрежещущий голос, произносящий: «Ты говорил, что к этому времени мы попадем в безопасное место». Я оборачиваюсь и вижу мужчину с всклокоченной бородой, одетого в потертые шкуры. Лицо у него непременно бледное, обмороженное, глаза холодные, отчаянные. За ним стоит череда старых деревянных фургонов и толпа изможденных, оборванных людей, и все они смотрят на меня. «Не стоило нам идти этим путем, — произносит мужчина. Он подступает ближе, у него суровое лицо. — Это ты виноват! Мы погибаем из-за тебя».

И я чувствую, что не в силах вынести взгляды этих людей, гнев бородача. Я разворачиваюсь и бегу в лес, взрывая ногами снег и проламывая корку наста. И слышу, что бородач гонится за мной, слышу, как под его ногами хрустят сухие ветки. Во сне я спотыкаюсь и падаю лицом в снег. Холод остужает меня, и я просыпаюсь — с гулко бьющимся сердцем.

Если сегодня мне и снился этот сон, он меня по крайней мере не разбудил. Я плетусь, точно зомби, в уборную. Потом принимаю душ, бреюсь, одеваюсь, медленно и машинально. Потом закуриваю первую утреннюю сигарету. И спускаюсь вниз, чтобы позавтракать.

Отель утром кажется светлее и просторнее. Следов присутствия каких-либо постояльцев — кроме меня — по-прежнему не наблюдается, хотя из двери рядом со стойкой портье доносятся запахи только что приготовленной еды. И старика, с которым я вчера разговаривал, тоже нигде не видать. На буфетной стойке в столовой обнаруживается на редкость богатый выбор блюд, их обилие несколько подрывает мою уверенность в том, что в отеле никто, кроме меня, не живет. Я насыпаю в миску кукурузных хлопьев, беру стакан апельсинового сока, прихватываю еще одну тарелку — с чем-то поджаренным — и большую чашку кофе.

Покончив с завтраком, я покидаю тихую столовую и выхожу на улицу. День солнечный, но по небу бегут мелкие облака, отбрасывая серые тени. От этого зеленые склоны далеких гор кажутся насупленными, словно сердятся на меня за какую-то провинность, о которой я не догадываюсь.

Выезжая с парковки на улицу по гравийной дорожке и вслушиваясь в привычное, успокоительное урчание мотора, я замечаю темноволосую девушку. Ей лет семнадцать-восемнадцать — короткая стрижка, опрятная яркая одежда. Девушка провожает взглядом мой «корвет» и продолжает смотреть ему вслед, пока не становится маленькой и почти

неразличимой в зеркальце заднего обзора. Обычная провинциальная девчушка, зазевавшаяся на странную машину из тех, что встречаются только в больших городах.

Возможно, из-за усталости, машину я веду медленнее обычного. Приближаясь к Хоултону, я проезжаю место убийства. В нескольких сотнях ярдов за ним снова начинается лес, влево от шоссе ответвляется поросший травой проселок, уводящий к густому подлеску с корявыми пнями. На дальнем конце проселка маячит силуэт здания, до него отсюда около полумили. Дом Уэйда, впоследствии детский дом «Святой Валентин». Интересно заглядывали в него Дейл и криминалисты? Не забыть бы спросить его об этом.

Пока я качу по 212-му шоссе на восток, справа и слева от меня расстилается девственный лес, покрывающий покатые холмы. Затем лесная зона кончается, и взору открываются просторы — зеленые пастбища и пашни, по которым я еду еще с полчаса, прежде чем оказываюсь в Хоултоне. Я оставляю машину на стоянке Высшего суда и пешком направляюсь в районную больницу, чтобы повидаться с доктором Джеммой Ларсон, проводившей вскрытие тела Анджелы Ламонд.

Морг расположен в самой глубине больницы, в том ее углу, куда пациенты обычно не заглядывают. По крайней мере живые. Я прохожу через двойные алюминиевые двери и попадаю в кабинет с парой столов, компьютерами, шкафчиками и кофеваркой. Второй комплект дверей ведет в просторное помещение — вдоль одной стены стоят холодильники с выдвигаемыми ящиками, на которых значатся имена и номера, вдоль трех других — препаратные столы. За одним из окон, глядящим в собственно морг, я вижу женщину в белом халате, она осматривает новые бранные останки, добавившиеся к ее коллекции. Я стучу по стеклу, она поворачивается и взмахом руки предлагает мне войти.

Я отступаю на пару шагов, чтобы пропустить двух санитаров, катящих к холодильникам тело пожилого мужчины. Один из них увозит пустую каталку, и доктор Ларсон поворачивается ко мне. У нее высокие скулы, глаза, похожие на полированный нефрит, и светлые, увязанные в хвостик волосы. Высокая, худощавая, красивая, с тонким эльфийским лицом. Думаю, она года на три-четыре моложе меня.

— Вы, должно быть, мистер Рурк, — говорит она, окидывая меня таким же быстрым изучающим взглядом, каким только что окинул ее я. И протягивает мне руку, которую я пожимаю. — А я Джемма Ларсон.

— Называйте меня Алексом, доктор Ларсон.

— Джемма, — говорит она и улыбается. — Чем могу быть полезна?

— Меня интересует убитая несколько дней назад Анджела Ламонд. Скажите, когда вы осматривали ее, вы взяли соскобы из-под ногтей пальцев ног — или ограничились руками? Насколько я знаю, ногами медэксперты обычно не интересуются.

С секунду она смотрит в пространство, потом говорит:

— Точно не помню. Пойдемте в мой кабинет, я посмотрю сделанные тогда записи.

Я следую за ней в смежную комнату, мы подходим к одному из компьютеров.

Посмотрев на экран, она говорит:

— Да, пальцами ног я тоже занималась. Две крошки покрытого гудроном гравия, почти наверняка попавшие под ногти с поверхности шоссе, больше ничего. Могли быть и другие следы, но их вымыло дождем.

Я киваю.

— А какие-нибудь вмятинки на подошвах ступней, говорящие о том, что она шла босиком по дороге?

— В моих заметках о них ничего не сказано, но я, собственно говоря, подошвами особо и не интересовалась. — Джемма хмурится. — Дорога была мокрая, так что какие-то вмятинки наверняка могли появиться, как у человека, вышедшего из-под душа. Я посмотрю еще раз. На подошвах могли остаться и проколы от мелких камней.

— Хорошо, а токсины в крови? — спрашиваю я, а затем смущенно улыбаюсь. — Простите, я, наверное, взял слишком официальный тон. Плохо спал этой ночью. Обычно со мной дело иметь легче.

Джемма одаривает меня мгновенной улыбкой, затем отворачивается к экрану компьютера.

— Это не редкость, — говорит она. — У меня тоже с утра такое бывает. Похоже, при лабораторном анализе в крови ничего странного обнаружено не было.

— Черт. Очередная хорошая теория отправляется в мусорную корзину.

— Дайте мне номер вашего телефона, я позвоню, как только осмотрю ступни еще раз, — говорит она, отрываясь от экрана.

— Вы часто работаете по воскресеньям?

Она пожимает плечами, кончиками пальцев отводит за ухо прядь волос:

— Вообще-то я работаю в разные смены, но, если в больнице случается запарка, выхожу и в воскресенье.

— Не очень это приятно, верно?

— Не знаю, во всем есть свои плюсы. — Она встречается со мной взглядом, но быстро отводит глаза в сторону и говорит: — Так или иначе, дайте мне ваш номер.

— Конечно. Собственно, давайте обменяемся номерами, чтобы я мог позвонить, если у меня вдруг возникнут другие вопросы.

Мы записываем телефонные номера на листочках бумаги, обмениваемся ими.

— Если мой телефон отключен, значит, я веду допрос, — говорю я, уложив листок с ее номером в карман. — Оставьте сообщение, и я перезвоню.

— Хорошо. Я позвоню через пару часов.

Я невольно улыбаюсь во весь рот:

— Это будет замечательно, спасибо. Стало быть, до скорого.

Она машет мне рукой:

— Всего доброго.

Пока я иду к окружной тюрьме, некий голос, звучащий в глубине моего сознания, указывает, что никаких рамок с фотографиями на ее столе нет, а обручальное кольцо на руке, которой она коснулась волос, отсутствует. Впрочем, сейчас меня ожидают дела посущественнее.

Когда я вхожу в комнату для допросов, Николас уже поджидает меня там.

— Мистер Рурк, — говорит он, — как приятно снова увидеться с вами.

— С добрым утром, Николас.

Я опускаюсь в кресло напротив него, включаю магнитофон, выполняю обычную процедуру идентификации участников допроса и напоминаю Николасу о его правах.

— Как прошло ваше возвращение в Уинтерс-Энд? — спрашивает он.

— А кто сказал, что я в него возвращался?

Я закуриваю.

На неподвижном лице Николаса появляется подобие улыбки:

— Вы проделали такой путь и не навестили родной город? Не думаю.

— Вообще-то говоря, навестил. Съездил на то место, где вас арестовали. Вы с какой стороны в него прибыли? С северной или с южной?

— Почему вы думаете, что не с восточной и не с западной?

— В полях полицейские никаких следов не обнаружили. Вы же не могли пройти там, не оставив следа, верно?

— Я полагаюсь на то, что вы установите это сами, мистер Рурк. Поверьте, рассказав вам все, я ничего не выгадаю.

Я сильно затягиваюсь, изучая сидящего перед собой человека. Его умение застыть как статуя не позволяет понять, о чем он думает, и это меня злит. Я не имею ни малейшего представления о том, что он имел в виду, сказав, что «полагается» на меня, однако решаю не задерживаться на этом и говорю:

— Я кое-что проверил, но так пока и не понял, почему именно Анджела Ламонд была избрана в качестве жертвы преступления.

— Вы когда-нибудь удили рыбу, мистер Рурк?

Я пожимаю плечами:

— Раз или два.

— Вас учил этому отец? Куда вы ездили?

— На озеро Клэй. А что?

Вопрос мой Николас игнорирует. Он встречается со мной глазами и негромко произносит:

— Озеро Клэй. Маленький коттедж примерно в тридцати ярдах от берега. Деревья у самой кромки воды. До озера три минуты ходьбы. Мальчик и его любящий отец. Приятная картинка. — Его обуревают некая непонятная мне эмоция, заставляющая дернуться уголок рта. — Отец говорил вам, что существуют разные виды ужения — на разную наживку, разными методами?

Я несколько мгновений молчу. Данное им описание коттеджа, в котором мы с отцом жили во время рыбалки, отличается пугающей точностью. А затем я соображаю, что мест с маленькими коттеджами и деревьями у кромки воды в округе десятки.

— Вообще-то нет, — говорю я.

— Тогда я воспользуюсь другим примером. Вы верите в Бога, мистер Рурк?

Я качаю головой:

— Не думаю, Николас. Никогда не видел в этом смысла. Предвкушение приятной загробной жизни — штука, может быть, и хорошая, однако я предпочел бы взять все лучшее от того, что имею сейчас.

— Мне трудно представить себе полицейского, который, когда ему приходится отпускать преступника на свободу, не находил бы утешения в мысли о небесном суде.

— Я всегда предпочитал правосудие, которое совершается здесь, на земле.

Николас улыбается, снова показывая краешки зубов:

— Мне нравится ваша вера в способность человека вершить правосудие.

— А вы предпочитаете божественное воздаяние? — спрашиваю я.

Он сухо хмыкает.

— Я о божественном воздаянии не сказал ни слова. Иногда поступки людей обращают их в слуг дьявола. И если Бог не прощает их, они в конце концов достаются дьяволу.

— Вы это о чем?

— Скажем, к примеру, я совершил убийство и оно сошло мне с рук. Затем, в один

прекрасный день, меня сбивает машина, и я умираю. А это просто-напросто истекает взятое мной у Бога займа время.

— И что, Анджеле Ламонд сошло с рук преступление, о котором никто не узнал? И время, которое она прожила, было заемным?

Николас улыбается снова.

— Пока вы сами не отыщете ответ на этот вопрос, я, боюсь, ничем вам помочь не смогу, — говорит он.

— Что ж, я изучил ее биографию, но не нашел ничего, что позволяло бы говорить применительно к ней о заемном времени. — Теперь улыбаюсь я. — А если что-то и было, то вряд ли что-нибудь важное.

Некоторое время мы молчим. Когда Николас наконец открывает рот, лицо у него по-прежнему непроницаемое, а вот тон меняется, становится более сдержанным. И я не могу сказать, злится он или забавляется.

— Важность — понятие относительное. Впрочем, не вам судить. — Тон его становится более спокойным. — Уж вы мне поверьте.

— Я был бы и рад поверить вам, Николас, однако пока я просто не понимаю, что произошло. На мой взгляд, сейчас все выглядит как убийство, совершенное безумцем, которому требовалось выплеснуть на кого-то свой гнев. Ничего другого я пока не вижу. Возможно, вы в состоянии показать мне это другое.

— Я уже говорил, что делать этого не стану. Но поверьте, ко времени вашего возвращения в Бостон вы будете знать, почему умерла эта медсестра.

— Вы хотите сказать, что именно вы ее и убили?

— Я говорю лишь, что знаю, почему она умерла. И вы узнаете.

Обещание это произносится тоном очень ровным — словно он сообщает, что хочет купить еще одну порцию выпивки. В обычной ситуации я стал бы сейчас давить на подозреваемого, подталкивая его к признанию. Однако, хоть Николас и не уходит от общения, как прежде, у меня все же нет ощущения, что он может расколоться. Некий инстинкт подсказывает мне, что пока от нажима на него лучше воздержаться.

Я закурываю новую сигарету и меняю тактику:

— Вы сказали, что верите в Бога, Николас. Вы принадлежите к какой-нибудь церкви?

— Почему вы об этом спрашиваете?

— Мы стараемся сделать так, чтобы тюрьма не мешала человеку исповедовать веру — какую угодно. Вы христианин?

Николас улыбается мне:

— Я не христианин. Не мусульманин, не еврей, не буддист и так далее, но мне очень нравится присущее Богу чувство юмора. Даже притом что шутки Его бывают порой жестокими. Вам не рассказывали в школе о Чарльзе Райланде?

— В школе я многое пропускал мимо ушей.

— Он был богатым деловым человеком, потратившим год на строительство церкви в вашем родном городе — в то время, когда его жители еще вырубали окрестные леса под пастбища. В самый разгар первого богослужения в здание церкви ударила молния, и Райланд, а с ним священник плюс еще восемнадцать человек погибли в огне пожара.

— Итак, вы верите в существование Бога и дьявола. И что же, по-вашему, Анджеле Ламонд горит сейчас в адском пламени?

— Адское «пламя» в данном случае выражение вряд ли уместное, мистер Рурк. Вы

знаете, где была написана Библия? В Восточном Средиземноморье. Жаркий климат. Пустыни. Песчаные бури, засухи. Жаркая погода — зло. Подозреваю, что так эта ассоциация и возникла. Я бы сказал, что для нашей части света больше подошла бы «ледяная пустыня».

— В ней Андже́ла Ламонд и пребывает?

— Да.

— И чем она это заслужила?

— Вы повторяетесь, мистер Рурк, — вздыхает Николас.

— Это потому, что мне кажется, будто я зря трачу время, — отвечаю я. Возможно, мое раздражение вызвано тем, как он вздохнул, возможно, я просто сыт по горло его дурацкими разглагольствованиями. — Надеюсь, вам, в конце концов, хватит ума, чтобы понять: избежать тюрьмы вы сможете, только рассказав мне о том, в каком свете вы видите всю эту историю. Думаю, будет лучше, если вы перестанете изображать придурка и сообщите мне что-нибудь полезное для вас.

— Какие нехорошие слова, мистер Рурк. Уверен, ваши родители не этому вас учили.

— Вы явно не знали моих родителей, Николас. Когда их что-то злило, они ругались, как и все прочие.

Он улыбается — так, словно я сказал нечто смешное:

— А вас что-то злит?

— Меня всегда злили самодовольные умники. Ну так что, вы поможете мне?

— Я вам уже помог, мистер Рурк. Просто вы этого не заметили. Приезжайте повидаться со мной завтра утром или, может быть, сегодня под вечер. Когда вы узнаете чуть больше о цели, к которой идете, я освещу для вас часть дороги к ней.

Я ненадолго задумываюсь, потом киваю, гашу сигарету.

— Хорошо, увидимся позже. Надеюсь, тогда вы начнете рассказывать мне, что и как.

Я прошу стоящих за дверью помощников шерифа отвести подозреваемого в камеру и отправляюсь на поиски Дейла. Он сидит в своем кабинете, разговаривая с мужчиной в полицейской форме.

— Алекс Рурк, — говорит Дейл, — это Оуэн Марш, заместитель шерифа. Он выполняет большую часть моих служебных обязанностей, пока я занимаюсь делом Ламонд.

Я протягиваю Оуэну руку.

Заместитель Дейла выглядит его ровесником, но только он похудошавее и нос у него красный — от лопнувших под кожей капилляров.

— Вот и познакомились, мистер Рурк, — отвечает он и, кивнув Дейлу, уходит.

— Как там наш общий друг? — спрашивает Дейл.

— У меня такое чувство, что я к чему-то подбираюсь, — отвечаю я, — однако дело продвигается очень медленно.

И я заговариваю о том, ради чего искал Дейла:

— По дороге сюда я видел издали «Святого Валентина». Твои люди не заглядывали в него, когда осматривали место убийства?

Дейл задумывается, потом качает головой:

— Нет. Никакой информации о том, что это имеет смысл сделать, у нас не было. А что?

— Да просто поворот на дорогу к этому зданию находится всего в полумиле от места преступления. Мы исходили из предположения, что преступник привез Андже́лу из города. Но что, если он двигался в противоположном направлении, с юга? Тогда водитель лесовоза и не мог ничего увидеть, когда проезжал мимо, — ни преступника, ни жертвы на шоссе еще не

было.

— Ты собираешься съездить, осмотреться там?

— Да. На всякий случай.

Дейл кивает, и я замечаю в его глазах проблеск какой-то эмоции, мелькнувший и исчезнувший.

— Хочешь, чтобы и я поехал с тобой?

— В этом нет нужды. Если кто-нибудь начнет приставать ко мне с вопросами о том, что я там делаю, покажу ваш значок. А найду что-нибудь, так позвоню. В противном случае увидимся вечером за ужином. Ты, кстати, где живешь-то?

— Френсис-стрит, четырнадцать. Приезжай в полседьмого, в семь.

— Хорошо, Дейл, до встречи.

Едва я выхожу из здания, звонит мой телефон.

— Алекс, — произносит женский голос, — это Джемма Ларсон, из больницы. Я только что еще раз осмотрела ступни Анджелы Ламонд.

— Привет, Джемма. Что вам удалось найти?

— Несколько микропроколов на коже. Я бы сказала, что она шла босиком по дороге.

— Я так понимаю, песчинок в них не осталось?

— К сожалению, нет.

— Ну, всего сразу не получишь. Спасибо, что перезвонили так быстро, Джемма. Если у меня что-то появится, я свяжусь с вами, хорошо?

— Конечно, — говорит она. — Буду только рада. До свидания.

— До свидания.

Я делаю медленный выдох, сажусь в машину и еду в Уинтерс-Энд.

Гравийная дорожка возле детского дома «Святой Валентин» шуршит под колесами, когда я пытаюсь подобраться поближе к зданию на холме. Сквозь камни пробился сорняк, вокруг сплошные заросли бурьяна, и лес уже начал предъявлять права на отвоеванную у него когда-то территорию. Вокруг садовые деревья в цвету, дорожка, обсаженная березами и ясенями, укрыта зеленым пологом листвы. Примерно в ста ярдах от развалин виднеются осыпающиеся остатки каменной ограды с чугунными коваными воротами. Ворота заржавели и стоят распахнутыми, я оставляю машину прямо за ними, посреди того, что было, как я полагаю, усыпанной гравием автостоянкой. Цветущие вишни роняют белые лепестки на заросшую сорной травой лужайку. Похоже, когда-то это было красивое место.

Я выхожу из машины, и мне сразу бросается в глаза некая странность: двойной след — полосы примятой травы, пересекающие парковочную площадку. Я задумываюсь, не позвонить ли Дейлу, не вызвать ли команду криминалистов, однако, поскольку следы эти сами по себе ничего не означают, решаю сначала осмотреть дом.

Проверив пистолет — на всякий случай — и сунув за брючный ремень болторез, я беру фонарь и направляюсь к дому.

«Святой Валентин» нависает надо мной — четырехэтажное здание из красного кирпича и алюминия, надстроенное поверх более старого дома, очертания которого еще угадываются внизу. Несколько окон выбиты. Висевший на парадной двери замок вырван вместе с цепью и дверными ручками, однако на сухой листве, устилающей крыльцо, никаких следов не видно. Я схожу с крыльца, включаю фонарь и проникаю в дом через окно.

В немногих сохранившихся у меня с детства воспоминаниях о посещениях этого места

«Святой Валентин» выглядит очень чистым, спартанским, похожим на больницу. Теперь здесь пахнет старыми опилками, сыростью и запустением. На покрытом плесенью коврике под окном лежат занесенные ветром листья вперемешку со всякой ерундой, брошенной при закрытии детского дома — парой пластиковых пакетов, плюшевым медведем. Где-то в глубине этого мрачного строения что-то постукивает по полу. Я прохожу по залам, надеясь отыскать следы недавнего посещения. Когда ветерок врывается в разбитые окна здания, слышится подобие вздоха, словно старый дом дремлет и тихо посапывает во сне.

Главный корпус состоял, похоже, из помещений, предназначенных для детей. Я прохожу через несколько общих спален с застеленными кроватями. Через столовую, кухню, душевые, через небольшие классы. Одно из помещений мне запомнилось с детства — это комната для игр, теперь совершенно пустая, если не считать обломков игрушечного робота. Буфетная. Учительская. Маленький офис на верхнем этаже — множество оцинкованных шкафчиков для хранения папок.

Следы копоти на стенах коридора нижнего этажа приводят меня туда, где жил персонал. Дверь в конце коридора закрыта, распахнув ее, я попадаю в старое жилое крыло. От стен здесь осталось немного — я вижу что-то темное, вспученное. Над моей головой висят, пересекаясь, обгорелые балки, в проемах между ними виднеется небо. Углубившись в руины этого крыла, я получаю лишь смутные представления о высоте его каменных стен, поскольку вижу одни обломки да куски обгоревшего дерева. Пепел, которым покрыт пол, давно уже никто не тревожил, только отпечатки моих ног тянутся по почерневшему сору.

Напоследок я заглядываю в подвал. Почти весь он занят давно уже бездействующими стиральными машинами. В одном из углов виднеется большая газовая топка, которую явно не использовали по назначению многие годы. Ржавая стальная дверь рядом с ней приоткрыта. Распахнув дверцу, я провожу лучом фонаря по короткому кирпичному коридору с двумя дверями по сторонам. И стены коридорчика, и двери выглядят крепкими, явно добавленными к изначальному дому в годы более поздние. На дверях столь же крепкие стальные засовы наподобие тюремных. Воздух здесь затхлый, холодный.

Я поднимаюсь наверх и покидаю здание, чтобы осмотреть следы на траве. Они уходят за дом, а оттуда — к темной чередке деревьев на севере. И там, где они теряются среди древесных стволов, я замечаю что-то поблескивающее в листве. На уровне моей головы висит наброшенная на сучок цепочка с медальоном в форме сердца. Мне очень хочется снять его, однако я возвращаюсь к машине и звоню по сотовому в управление шерифа.

Три часа спустя, когда фургончик с криминалистами исчезает за поворотом дороги, пластиковый пакетик с медальоном уже покоится в моем кармане. Одна из находившихся когда-то в медальончике фотографий исчезла, другая изображает худощавую, темноволосую молодую женщину, неуверенно улыбающуюся в объектив фотоаппарата. Мне она незнакома, но я собираюсь показать этот снимок друзьям и коллегам Анджелы — вдруг они ее признают.

Я окидываю «Святой Валентин» последним взглядом, завожу «корвет» и еду в город, и утренняя усталость снова наваливается на меня. Воскресные улицы безлюдны. Я уже собираюсь свернуть к отелю, когда меня вдруг посещает новая мысль, и я сворачиваю на Верже-стрит. И, проехав около пятидесяти ярдов, оказываюсь перед маленьким зданием этнографического музея.

Когда за моей спиной звякает дверной колокольчик, сидящая внутри за столиком

пожилая женщина поднимает на меня глаза.

— Со взрослых доллар, — говорит она, а потом окидывает меня внимательным взглядом. — Рановато еще для туристов.

— Вообще-то я не знал, что сегодня открыто. Просто решил проверить.

— Весна... Скоро начнется туристский сезон. Вы не из здешних?

Я роюсь в кармане, отыскивая доллар.

— Я жил здесь в детстве и вот на днях вернулся в родной город. Когда-то был у вас со школьной экскурсией.

— Местный, да? И чем теперь занимаетесь?

— Работаю в управлении шерифа.

Женщина смотрит на меня с удвоенным интересом.

— Неужто Алекс Рурк? — Заметив мой изумленный взгляд, добавляет: — Новости распространяются быстро и доходят даже до меня. Мальчиком я вас не помню, зато помню ваших родителей. Хорошие люди. Но ведь вы же приехали, чтобы поймать кого-то? Обычно полицейские не очень-то интересуются историей.

— А я вот как раз по полицейским делам к вам и пришел. Или вроде того, — добавляю я. — Один человек упомянул несколько фактов, связанных с историей города, и я подумал, что мне стоит проверить услышанное. Кстати, вы не помните, не появлялся тут белый мужчина лет двадцати с чем-то, худощавый, вот такого примерно роста, с короткими темными волосами и темно-синими глазами? Скорее всего, он был один.

Женщина ненадолго задумывается, потом качает головой:

— Посетители-одиночки у нас появляются редко, как правило, это люди немолодые, желающие проникнуться «атмосферой» здешних мест.

— Ладно, я просто так спросил, на всякий случай.

— Если будут другие вопросы, сынок, кликните меня, постараюсь ответить.

Я благодарю ее и начинаю осматривать стеклянные стенды и обрамленные фотографии, заполняющие три зала музея. На первом стенде — модель вереницы фургонов.

«Наш город основан сотней людей, пришедших в густые леса у реки Святого Иоанна, чтобы найти место, где они могли бы спокойно жить и охотиться. Их возглавляли Сэмюэль Парнелл и Натан Ларош из „Лесопильной и горнорудной компании L&P“», — сообщает прикрепленная к витрине табличка.

Согласно комментариям к потрепанному дневнику того времени, целая череда мелких неудач помешала быстрому продвижению этих людей, и, когда они находились еще далеко от реки, наступила зима.

«Наши предки разбили лагерь, рассчитывая переждать холодные месяцы. Однако спустя недолгое время снег и лед, оскudение припасов и сильные морозы, от которых страдали поселенцы, погнали их дальше на юг, — гласит табличка, закрепленная рядом с парой ветхих кожаных перчаток. — Ко времени, когда стали заметны первые признаки весны нового, 1806 года и было решено основать поселение на месте, которое стало затем Уинтерс-Эндом, из спутников Парнелла и Лароша осталось только шестьдесят человек».

В следующей стеклянной витрине — пара предметов старинной одежды, старая карта, выцветшая купчая на землю и модель города, каким он был в самом начале. Похоже, тем шестидесяти пришлось потрудиться, вырубая лес, строя мельницу, дома и церковку, посвященную Святому Франциску. В следующей витрине покоится еще один костюм и мушкет, а на табличке написано, что находка мушкета и скелета в полусгнившем кожаном

костюме индейца положила начало слухам об уничтожении местного индейского племени французскими либо британскими солдатами.

Приятно убедиться в том, что истории о призраках, слышанные мною в детстве, имеют под собой хотя бы одно шаткое основание — реальный факт. Я читаю дальше. *«Чарльз Райланд — по-видимому, он был одним из самых влиятельных первых поселенцев — способствовал дальнейшему распространению этих слухов, поскольку, расчищая свою землю от леса, обнаружил на одном из участков множество костей».*

Должно быть, об этом Райланде Николас мне и рассказывал. В углу зала висит его старый, немного запылившийся портретик. Полнощекый дяденька с кустистыми бакенбардами и узкими глазами. В 1815 году он, похоже, решил, что участок, на котором ему довелось обнаружить кости, — холм Райланда — это самое подходящее место для главной городской церкви. Строительство церкви Святого Валентина завершилось весной следующего года. Первая после освящения служба состоялась апрельским вечером, во время грозы. В разгар церемонии в церковь ударила молния и сожгла ее дотла. Погибло двадцать человек, в том числе и Чарльз Райланд со священником, после чего планов строительства церкви за пределами Уинтерс-Энда больше не возникало.

Невезение или, как назвал это Николас, присущее Богу чувство юмора не унималось и после смерти Райланда. Следующие две зимы выдались очень суровыми, а в декабре 1818-го сгорела до основания лесопильня компании «L&P» — вместе с Сэмюэлем Парнеллом и полудюжиной рабочих. Одни говорили, что это Натан Ларош попытался таким образом стать единоличным хозяином компании, другие твердили о том, что на городе якобы лежит проклятие. Сам Ларош скончался в 1821 году, став к этому времени человеком ожесточенным и скаредным.

«Когда в 1827 году бостонский бизнесмен Габриэль Уэйд купил землю Райланда, Уинтерс-Энд затаил дыхание. Уэйд снес обветшавший дом Райланда и построил новый — на холме, на месте старой церкви. Никаких странностей больше не случилось, и город начал процветать, главным образом за счет поставки припасов для больших лесозаготовительных компаний севера страны».

Я быстро прохожусь по музею, пытаюсь найти новые сведения о доме, который стал в дальнейшем «Святым Валентином». И нахожу их в последнем зале, среди фотографий, сделанных во время городских праздников и иных мероприятий местного значения. По-видимому, в 1960-х Уэйд покинули город, однако принадлежавший им особняк был продан и превращен в детский дом лишь через несколько лет после моего рождения. В зале висит фотография персонала дома. Генри Гарнер, директор. Сара Деккер, ночная управляющая. Дориан Блайт, дневной управляющий. Дебора Пирс, медицинская сестра. Гарнера я смутно помню по временам, когда мы с отцом пару раз привозили игрушки для живших в доме детей.

Здесь имеются также материалы, связанные с пожаром, приведшим к закрытию дома: вырезки из газет, фотографии, интервью. Дом загорелся среди ночи, огонь быстро охватил помещения, в которых жил персонал, однако все, кроме Гарнера и еще двух сотрудников, спаслись. Когда из города прибыла добровольная пожарная команда, ей осталось лишь постараться, чтобы огонь не перекинулся на остальные части здания. Одним из пожарных был мой отец — я обнаруживаю его на паре фотографий.

Останки погибших идентифицировать толком не удалось. Почему именно, в газетах сказано не было, но, по моим догадкам, когда на месте пожара находят обгорелый череп,

разбитый рухнувшими камнями, даже от записей стоматолога проку немного. Официальное расследование позволило сделать вывод, что причиной пожара стал поджог, хотя обвинение никому предъявлено не было. Страховая компания обнаружила в полисе детского дома лазейку и платить отказалась, после чего «Святой Валентин» был закрыт навсегда.

— Нашли что-нибудь? — отрывает меня от размышлений женский голос.

— Да, спасибо, — говорю я. — И даже больше, чем я рассчитывал.

Смотрительница постукивает пальцами по стеклянной витринке.

— Я слышала разговоры о том, что это место проклято. Что бы на нем ни строили, добром это не кончалось.

— На мой взгляд, два пожара за два столетия вряд ли позволяют говорить о проклятии, — отвечаю я.

Она пожимает плечами:

— Все это просто страшные истории. Не знаю, есть ли в них хотя бы доля истины. Да, собственно, меня это и не интересует. Нравится людям, в особенности детям, слушать их — и ладно. — Она усмехается, сухо и хриловато. — Скорее всего, когда вы приходили сюда с одноклассниками, я и вам их пересказывала. А опробовать их на одной аудитории дважды мне удастся не часто.

— Помнится, когда вы опробовали их на мне в первый раз, мне начали сниться кошмары. Надеюсь, теперь у вас этот номер не пройдет. — Я направляюсь к выходу и, чтобы не показаться грубияном, добавляю: — Что ж, спасибо за помощь. Все это чрезвычайно интересно.

— Не забудьте порекомендовать наш музей друзьям и знакомым, — говорит она мне вслед и снова усмехается.

Я еду к «Краухерст-Лоджу». Солнце уже коснулось горизонта, небо приобрело густо-оранжевый свет, по нему плывут ярко-желтые облачка. Покрытые лесом холмы, окружающие город, погружаются в тень. Приближаясь к парковке, я снова вижу девушку, которая сегодня утром провожала меня взглядом. Она стоит на обочине и смотрит на меня, пока я сворачиваю на перекрестке.

Окна отеля тихо мерцают в надвигающихся сумерках. Внутри воздух тих и неподвижен, как в склепе. Поднявшись в свой номер, я падаю на кровать в надежде подремать часок, перед тем как отправиться к Дейлу. Но нет, я провожу бессонные шестьдесят минут, рассеянно глядя на медальон и размышляя. Лицо женщины с фотографии стоит у меня перед глазами, оставаясь загадочным и недостижимым. Я гадаю, кто она — вернее, кем она была. Мой усталый мозг, возвращаясь к сновидению прошлой ночи, соединяет этот женский образ с ощущением лютого холода, падения ничком в снег, с иголками льда, впивающимися в мою кожу.

Когда Лора Тауншенд встречает меня на пороге своего дома, лицо незнакомки с медальона все еще маячит в глубинах моего сознания.

— Вы, как я понимаю, Алекс, — говорит Лора и отступает, пропуская меня в дом. — Не знаю, помните ли вы меня по школе. Я на год старше вас.

Я вежливо улыбаюсь и, пытаюсь вспомнить ее, вхожу в прихожую. Что-то начинает вырисовываться в моей памяти, и я говорю:

— Лора Редферн?

— Верно. — Она отворачивается в сторону и кричит: — Дейл! Алекс пришел!

— Давно вы женаты?

— Двенадцать лет, — отвечает Лора. — И я все еще пытаюсь сделать из него цивилизованного человека.

Я ухмыляюсь, меня охватывает чувство неловкости, которое я всегда испытываю при виде семейного счастья других.

— Я бы за такую работку не взялся.

— Привет, Алекс, — говорит, появляясь из глубин дома, Дейл. — Пива хочешь?

С бутылками в руках мы проходим в столовую, помогаем Лоре накрыть на стол. Я рассказываю Дейлу о том, что узнал в больнице, и о результатах работы криминалистов.

— Какие-нибудь полезные для нас отпечатки нашли? — спрашивает он.

— Они нашли следы двух людей, которые пришли с севера, обогнули дом и ушли на запад. Кто-то из этих двоих, возможно Николас, подходил к парадной двери, чтобы сорвать висячий замок. Однако ни одного четкого следа, который можно связать с его обувью, обнаружить не удалось.

— А как насчет медальона?

— Отпечатки пальцев отсутствуют, нет ни волос, ни частичек кожи. Женщина, изображенная на фотографии, мне неизвестна.

Лора вносит тарелки с тушеной рыбой и картошкой, и разговор прерывается: все мы заняты исключительно едой. Я стараюсь воздерживаться от связанных с работой тем, предоставляя Лоре возможность задавать мне обычные вопросы: женат ли я, нравится ли мне в Бостоне, встретил ли я здесь кого-нибудь из школьных друзей. Я отвечаю на них как обычно. Когда мы доедаем рыбу, великолепную, кстати сказать, а потом и десерт — сливочный торт, я вытаскиваю из кармана медальон и показываю его Дейлу и Лоре. Из футлярика я медальон не вынимаю, а просто открываю его большим пальцем, чтобы они смогли разглядеть фотографию.

— Нет, — говорит, немного подумав, Лора. — Я ее не знаю.

И Дейл тоже качает головой:

— Не помню такой, Алекс. Может, стоит спросить о ней у Николаса?

— Конечно. Но сначала я хочу показать медальон тем, кто хорошо знал Анджелу Ламонд, — отвечаю я, с трудом подавляя зевок.

— У вас усталый вид, — говорит Лора.

— Плохо спал. Может, этой ночью повезет. А скажите-ка, вы не знаете девушку лет семнадцати-восемнадцати с короткими черными волосами, вот такого примерно роста? Худощавая, бледная, с темной косметикой?

Дейл кивает:

— Похоже, это Софи Донеган. А что?

— Я видел ее пару раз около отеля. Она наблюдала за мной.

— Говорят, у нее не все дома, — сообщает Лора. — Мать Софи покончила с собой лет шесть назад. Передозировка лекарств. Почему она это сделала, никто так и не выяснил, но Софи с тех пор сама не своя.

— Шесть лет назад? — переспрашиваю я. Тогда же сгорел и «Святой Валентин».

— Я слышал, она пристаёт к приезжим, просит увезти ее отсюда, — говорит Дейл. — Может, она увидела в тебе очередного такого спасителя.

— Как раз тот сувенир, который мне нужен, — помешанная девица.

Мы улыбаемся, разговор продолжается. Около половины одиннадцатого на меня снова

нападает усталость, и я прощаюсь. Покидаю теплый, уютный дом Дейла и иду по пустым улицам, под вздыхающими деревьями, к бледному свечению отеля.

Я иду по ночному городу. Не зная ни точного времени, ни того, сколько я уже брожу так, не в силах заснуть. В небе сияет луна, пронизывающая серебристым светом туман, который плывет по улицам. Уинтерс-Энд совершенно безмолвен. Нет ни ветерка, ни тихого шелеста деревьев.

Что я делаю здесь — не знаю. Кругом сплошная дымка. Я даже не помню, как вышел из отеля.

А потом я улавливаю краем глаза какое-то движение справа. За парой невысоких деревьев различается совершенно белая церковь, очертания ее размыты туманом. Приглядевшись, я вижу калитку и дорожку, ведущую к закрытым дверям церкви. Кто может бродить там так поздно? — добропорядочные граждане Уинтерс-Энда задолго до полуночи укрываются в домах и не выходят, пока не забрезжит заря. В сознании моем начинают крутиться образы гипотетических соучастников Николаса. А следом за ними появляются создания еще более фантастические — новоиспеченные убийцы, демоны подсознания, которых невозможно отогнать никакими доводами рассудка.

У калитки никого нет, я вхожу — и она сама захлопывается за моей спиной. Маленькая церковь встает передо мной, я иду по похрустывающей дорожке между изваяниями херувимов, распятиями и прочими надгробными памятниками. И вижу в тусклом свете луны очертания женщины. Она поворачивает ко мне лицо и тут же отступает за некое нагромождение камней, и я почему-то знаю наверняка: это женщина из медальона.

Я поворачиваю налево, за угол какого-то не то склепа, не то мавзолея, и вижу ее прямо перед собой. Она протягивает ко мне холодные руки, окутанные полуистлевшим саваном, и улыбается — уголки ее рта приподнимаются кверху, но глаза остаются мглистыми, мертвыми. Ее ладони шарят по моим ногам, ногти пронзают подошвы, скребут ступни. Одна из ладоней пролезает под мои джинсы, и голень пронизывает ледяная боль.

Я обращаюсь в бегство, а вслед мне несется тонкий вой, похожий на визг младенцев или котов, бьющихся за самку. Я прорываюсь сквозь калитку в город и вижу дома и улицы, размазанные усталостью и страхом.

И наконец усталость берет верх над ужасом, я валюсь на тротуар и понимаю, что мне нечем дышать. Голова моя кружится, перед глазами все плывет, как у пьяного, а потом на меня наваливается тьма.

Я просыпаюсь в постели, в голове моей клубятся обрывки мыслей и воспоминаний, в ушах отдается стук сердца. Горло пересохло, но сам я весь в поту и наволочка под моей головой влажная. Я поворачиваюсь к часам у кровати: 2.30, а сна ни в одном глазу. Пройдя в ванную комнату, я выпиваю стакан воды, снова наполняю его, возвращаюсь и сажусь на краешек кровати — подождать, когда организм успокоится.

Так я сижу, прилебывая воду, полчаса. Снова ощутив усталость, пытаюсь заснуть. Не получается. Часы показывают три, потом четыре. Под моими закрытыми веками разгорается точка яркого света, предвестница мигрени. Я нахожу в шкафчике ванной комнаты две старые таблетки парацетамола и проглатываю их в странной надежде, что они мне как-то помогут. Не помогают, как всегда.

Пять часов переходят в шесть, шесть в семь. Я провожу эти два часа, лежа в кровати, точно выброшенный на берег дельфин, и оглядывая то, что меня окружает — пока от мигрени в глазах у меня все не расплывается и не начинает ходить кругами. Тогда я быстро принимаю душ, — закрыв глаза и стараясь по возможности не двигать головой, — одеваюсь и иду вниз.

Я снова поглощаю в пустой столовой одинокий завтрак, однако моя изнуренная система чувств отказывается воспринимать вкус того, что я ем. Покончив с завтраком, я выхожу в город. Первый визит я наношу в «Садик Марты», закусочную, в которой обычно обедала Анджела. Довольно приятное место, простое и без претензий. Я заказываю кофе, спрашиваю у работников закусочной, знали ли они Анджелу и видели ли когда-нибудь медальон. Спрашиваю и о том, знакома ли им женщина с фотографии в медальоне. Нет, незнакома.

В офисе доктора Валленса я появляюсь почти сразу после его открытия. Показываю медсестре значок шерифа.

— А, вы расследуете смерть Анджелы, — говорит медсестра, взглянув на мое измученное лицо. — Я работаю... работала с ней.

Я показываю ей медальон:

— Вы когда-нибудь видели его на Анджеле?

— Нет, я вообще его ни разу не видела.

— А женщина на фотографии? Ее вы узнаете?

— Нет. Простите.

— Да не за что. Доктор Валленс у себя?

Она нажимает на кнопку переговорного устройства и сообщает доктору о моем приходе.

У Натана Валленса седые волосы, морщинистое лицо и длинный, надменный нос.

— С добрым утром, помощник Рурк, — произносит он. У него суховатый выговор образованного человека, но голос слегка подрагивает. — Чем могу быть полезен?

Я прикрываю за собой дверь, усаживаюсь в кресло для посетителей, стоящее у стола.

— Я расследую обстоятельства смерти Анджелы Ламонд. Скажите, вы видели у нее вот этот медальон?

— Я полагал, что человек, совершивший это преступление, уже арестован, — говорит доктор, разглядывая потертую золотую вещицу, которую я выложил перед ним на стол. — Нет, я никогда не видел, чтобы Анджела носила нечто подобное.

— А женщина, изображенная внутри, вам знакома?

Он смотрит на портрет, сглатывает, затем отодвигает медальон ко мне и качает головой:

— Боюсь, что нет.

— Вам известен кто-нибудь, с кем у Анджелы возникали конфликты здесь, на работе, и у кого могли иметься причины, пусть даже ошибочные, ненавидеть ее? Вам приходилось лечить людей с душевными расстройствами или чем-то вроде них?

— Редко, да и расстройства были несерьезные. Остальных я обычно отправляю в Хоултон, там есть специалисты и все необходимое оборудование. Что до врагов Анджелы... — Он снова качает головой. — Нет, не припоминаю.

Я пожимаю плечами, встаю:

— Спасибо, что уделите мне время, доктор. Если вдруг что-то вспомните, свяжитесь со мной.

Я направляюсь к двери, однако доктор Валленс окликает меня:

— Осмелюсь заметить, вы плохо выглядите, помощник Рурк. Не могу ли я чем-то помочь вам — как врач?

— Вообще-то можете, — обрадованно говорю я и, вернувшись к столу, сажусь снова. — Бессонница иногда донимает меня, и мой бостонский врач выписывает мне средство от нее. А сейчас у меня еще и жуткая мигрень, а таблетки я оставил дома.

— Дайте мне телефон вашего врача, я позвоню ему и выясню, что смогу для вас сделать.

Я отбарабаниваю телефон доктора Хансена, Валленс звонит ему. И после короткого разговора выписывает мне пару рецептов.

— Спасибо, — говорю я и протягиваю ему мою визитку. — Если вспомните что-то, позвоните. Тут есть номер моего мобильного.

Через пятнадцать минут я выхожу из аптеки обладателем двух наборов таблеток. Первый — это эрготамин, помогающий от головной боли, его следует принимать каждые полчаса, пока не пройдет мигрень. Во втором пузырьке — лоразепам, средство от бессонницы.

Направляясь к отелю, где оставил машину, я глотаю первую из антимигреновых таблеток. А потом еду на юг, в Хоултон.

Проезжая по городу, я вижу в конце боковой улочки церковь Святого Франциска. Здание ее, приснившееся мне, именно таким и было, а вот кладбище при нем гораздо меньше и проще. Вообще-то я мог бы его и запомнить, однако точность воспроизведения — качество для сна редкое.

— Господи, Алекс, — говорит Дейл, когда я вылезая из машины возле здания суда. — Ну и вид у тебя.

— Спасибо, Дейл, — отвечаю я. — Искреннее сочувствие — именно то, что мне сейчас требуется.

— Я серьезно. Ты не боишься свалиться, а?

— Просто еще одна плохая ночь. А утром и мигрень навалилась. Доктор Валленс выписал мне кое-что и от того, и от другого.

— Ты уверен, что тебе стоит разговаривать сейчас с Николасом? Если хочешь, мы допросим его насчет медальона завтра.

— Нет. Сигарета, кофе — и я буду в полном порядке. — И я меняю тему, потому что обсуждать мое здоровье мне не хочется. — Я поговорил о медальоне с коллегами Анджелы.

Никто не помнит, чтобы она его носила. И женщина с фотографии никому не известна.

— Ладно, может, тут просто совпадение и медальон к нашему делу не относится, — говорит, помрачнев, Дейл.

Я закуриваю сигарету, с наслаждением затягиваюсь и говорю:

— Не думаю. Знаешь, чем мне все это представляется? Одной большой театральной постановкой. Все, что мы смогли узнать о преступлении, нам словно бы подбросили. Черт возьми, у нас и арестованный-то имеется только потому, что он дожидался, когда его возьмут. Мы пытаемся понять, что он сделал, и его следы приводят нас к детскому дому. Кто-то там взламывает дверь, чтобы это выглядело попыткой проникновения, однако внутрь войти труда себе не дает. Кто-то подвешивает на ветку украшение, которое выглядит многообещающей уликой, но о котором нам ничего не удастся узнать, и подвешивает именно там, где следы выходят из леса. — Я затягиваюсь еще пару раз и бросаю окурок в сточную канаву. — Мы, как голуби, идем по дорожке из хлебных крошек, а куда она ведет, не знаем.

Дейл пожимает плечами, а я направляюсь к комнате для допросов, в которой меня уже дожидается Николас. Если бы я не видел, как помощники шерифа уводят его оттуда, то, пожалуй, мог бы подумать, что он вообще этой комнаты не покидает.

После обмена обычными юридическими любезностями я начинаю наш разговор:

— С добрым утром, Николас. Как вы себя чувствуете?

Он без всякого выражения смотрит на меня.

— Я себя чувствую хорошо, мистер Рурк. А вот у вас вид нездоровый. Надеюсь, вы ничем не заразились.

— Бессонница. Иногда, если что-то меня донимает, я не могу заснуть.

— И что же вас донимает сейчас, мистер Рурк? — спрашивает Николас. Голос его звучит немного выше обычного, похоже, его что-то почти забавляет.

Я закуриваю еще одну сигарету.

— Вы. Я не могу понять, почему вы не желаете назвать свое имя — если, конечно, за вами не числятся какие-то преступления. И не могу понять также, почему вы стояли посреди ночи на шоссе над телом убитой.

— Ну у вас же, наверное, имеется какая-то теория.

— На мой взгляд, это выглядит так: вы похитили Анджелу Ламонд, привели ее лесом к бывшему детскому дому «Святой Валентин», а оттуда на дорогу. И убили. — Я выдыхаю дым в сторону светильников, висящих над нами. — Эта версия соответствует фактам, пусть даже я и не понимаю причин, по которым вы это сделали. Возможно, я ошибаюсь. Возможно, вы просто пошли прогуляться и наткнулись на труп и ножи. Но, если вы так и будете молчать, моя теория приведет вас к приговору за убийство.

Николас даже не моргает.

— Я сам прогулялся вчера к «Святому Валентину», Николас.

— Правда? — произносит он. Глаза его кажутся еще более темными и пустыми, чем обычно.

Я достаю из кармана пластиковый пакетик и кладу его на стол.

— Я нашел это на опушке леса. Вы узнаете эту вещь или изображенную на фотографии женщину?

Николас улыбается:

— Да, я знаю, кто она.

— Кто?

— Я сказал «знаю, кто она», однако мне следовало, пожалуй, сказать «знаю, кем она была». Она была жертвой, мистер Рурк.

— Вашей?

И тут Николас проделывает нечто неожиданное. Он начинает хохотать и хохочет громко и долго. А успокоившись, вытирает глаза и смотрит на меня.

— Прошу прощения, мистер Рурк, — говорит он. — Если бы вы сидели по мою сторону стола, то знали бы, насколько смешон этот вопрос. Нет, не моей.

— Так что же с ней случилось?

Лицо его снова каменеет, он меняет тему:

— Расскажите мне немного о своем детстве, мистер Рурк. Мальчик, выросший в маленьком городке, поступает в ФБР, чтобы ловить преступников, — мне это интересно.

— Медальон, Николас, — напоминаю я.

— Сын адвоката и учительницы, работавшей на полставки, не так ли? А папочка состоял в добровольной пожарной дружине Уинтерс-Энда, так?

Мне очень хочется спросить, откуда он это знает, но я не спрашиваю. Я стараюсь сосредоточиться на главной теме нашего разговора. И, сохраняя бесстрастное выражение лица, поправляю его:

— Мама не была учительницей, она работала в детском саду. И что же?

— Детские впечатления формируют нашу дальнейшую жизнь, мистер Рурк. Это элементарное положение психологии. Вашему отцу случалось когда-нибудь совершать при тушении пожара серьезные промахи? Стресс, пережитый в детстве, мог определить вашу взрослую подверженность стрессам.

Я гашу окурки:

— Нет, ничего такого не было.

— А где сейчас ваши мать и отец?

Во мне вскипает злость, я чувствую, как напрягаются мышцы шеи. Возможно, причина в тоне, которым был задан вопрос, возможно, я просто устал, однако в следующий миг я чувствую непреодолимое желание схватить этого умника за загривок и бить его лицом об стол, пока нос не сломается, а рот не наполнится кровью. Три года назад, как раз перед нервным срывом, я вполне мог проделать это. Сегодня же я довольствуюсь тем, что бросаю на него яростный взгляд и подавляю гнев.

— Вас это не касается, Ник, — отвечаю я, стараясь, чтобы мой тон остался ровным.

— Если я угодил в больное место, мне очень жаль, — говорит он, но я совершенно ясно вижу: нисколько ему не жаль. — Однако вы ошибаетесь, меня это касается, поскольку мне действительно интересно, что случилось с вашими родителями.

Я словно слышу визг покрышек седана за долю секунды до оглушительного удара. Осколки стекла осыпают меня, пока моя машина скользит по дороге, опрокинувшись набок. Я еще не знаю этого, но боковую дверцу вдавило внутрь и разнесло вдребезги. Что-то брызжет мне на лицо — возможно, кровь.

— Они мертвы, — отвечаю я. — Умерли три с лишним года назад.

Похоже, что-то в моем ответе обрадовало Николаса, ибо его отстраненность заканчивается — он вздыхает и слегка расслабляется.

— Женщина, чья фотография находится в медальоне, — жертва преступления, которое долгое время оставалось безнаказанным, — произносит он. Произносит не так, как говорил

прежде, а четко, сосредоточенно, словно мы покончили с пустяками и перешли к серьезному делу. — Я ведь уже говорил: иногда дьявол приходит за душами людей. Именно это случилось и в данном случае. Однако в архивах полиции вы, мистер Рурк, никаких сведений о ней не найдете.

— Так какое же отношение имеет она к смерти Анджелы Ламонд?

— Некоторые религии утверждают, что наши действия связаны одно с другим мириадами тончайших нитей. За мисс Ламонд пришел дьявол, мистер Рурк. А он никогда не приходит без причины.

— То есть медальон — это некая метка, так? И оставили ее вы.

— Мне не хотелось бы говорить об этом.

— Стало быть, вы?

Николас хранит молчание. Его поза, то, как он сидит, откинувшись на спинку стула и крепко сжав губы, показывает, судя по всему, что он считает разговор законченным. В другое время я, пожалуй, попытался бы надавить на него, но сейчас ощущаю слишком большую усталость. И я вызываю помощников шерифа, чтобы они увели Николаса.

А потом выхожу из комнаты и отправляюсь на поиски Дейла — и нахожу его в наблюдательной, перед прозрачным только с одной стороны стеклом.

— И что ты об этом думаешь? — спрашивает он.

Я пожимаю плечами:

— Похоже, Николас считает, что у него имелась причина убить Анджелу, и готов рассказать нам все, если мы установим эту причину. Давай сделаем копии фотографии из медальона и разошлем ее по всему штату — вдруг кто-нибудь опознает эту женщину. Наверное, неплохо было бы порыться в архиве городского врача, выяснить, не случались ли в городе странные смерти в то время, когда у него работала Анджела. Не исключено, что эта женщина лечилась у нее и умерла, а Николас винит в ее смерти медиков. И поищи также сведения о родителях, у которых власти отобрали детей, чтобы поместить их в «Святой Валентин». Может быть, она была плохой матерью — что-нибудь в этом роде.

— Она могла погибнуть и под машиной, водитель которой скрылся.

— Мысль интересная. Запроси полицию штата обо всех случаях со смертельным исходом за последние несколько лет, а я пороюсь в местных архивах. Возможно, ее лицо где-нибудь всплывет. — Дейл встает и собирается уйти, но я задерживаю его: — Как ты думаешь, не мог кто-нибудь из тюремных охранников наговорить Николасу лишнего?

Он нахмуривается:

— О чем это ты?

— Да просто я не понимаю, откуда он так много обо мне знает. Кое-что из того, что он говорит, очень близко к правде.

— Сомневаюсь, чтобы кто-то из наших мог рассказать о тебе так много, даже если бы он болтал с заключенными. Но никто из них не болтает.

Пока я копаюсь в старых записях о несчастных случаях, пытаюсь найти женщину с фотографии в медальоне, проходит и время ланча, и первые послеполуденные часы. Фотографии, сделанные на местах аварий, номера водительских прав, подробности, касающиеся жертв. Ее в этих записях нет.

В половине четвертого я уезжаю в Уинтерс-Энд. Голова у меня какая-то легкая и пустая — как будто я накурился травки или получил сотрясение мозга. В чем тут причина — в общей усталости или в таблетках от мигрени, — я не знаю. Я стараюсь по возможности

сосредоточиться на вождении и благодарю судьбу за то, что дождя нет и можно не бояться, что меня занесет на скользкой дороге.

Решив, что мне не помешает нечто тонизирующее, я останавливаюсь у «Садика Марты», захожу внутрь и прошу официантку принести мне чашку кофе. Какой-то старичок с густыми седыми волосами и бородкой присаживается рядом со мной. Одет он в красную клетчатую куртку и поношенные джинсы, что придает ему сходство с престарелым лесорубом или сельским музыкантом. Лицо его кажется мне отдаленно знакомым.

— Привет, — говорит он и, подзвав взмахом руки официантку, просит принести ему кофе. — Ты, случаем, не Алекс Рурк?

— Он самый.

— Бен Андерсон. — Он протягивает мне руку, я пожимаю ее. — Когда я видел тебя в последний раз, ты еще в школе учился.

— Вы были другом моего отца?

— Ну конечно. Когда я был сильно моложе, мы с ним, Джошем и еще парой ребят вместе ловили рыбу.

Я закуриваю, предлагаю ему сигарету и говорю:

— По-моему, я вас помню. Вы пару раз бывали в нашем доме на День благодарения.

— Верно. И новую веранду твоему отцу строить помогал.

— Ну да. Теперь вспомнил точно. Вы слышали о том, что случилось с моими родителями?

Бен кивает, отпивает кофе.

— Ужас. Такие хорошие были люди, оба. — Он кивает сам себе. — Вообще-то они, когда уезжали, оставили у меня кое-что. Пару коробок — скорее всего, со всяким ненужным хламом. Хочешь, забери их.

— Конечно.

Он допивает кофе, шарит по карманам в поисках мелочи.

— Давай я подвезу тебя к моему дому, и ты их возьмешь.

— Если вас это не затруднит.

— Я на пенсии, сынок, — говорит он, когда мы выходим на улицу. — Мне теперь спешить некуда. А ты чем занимаешься?

— Вы разве не слышали? — спрашиваю я. — Слухи здесь расходятся быстро, может, вы единственный, кого они миновали. Сейчас я помогаю шерифу расследовать убийство Анджелы Ламонд. Но вообще-то я частный детектив — работаю в Бостоне.

— Я нынче слухов почти и не слышу, — говорит Бен. — Все больше свой фургончик чиню. — Он указывает на стоящий у обочины старенький, но ухоженный жилой фургон. — Или рыбу ужу. Вот доживешь до моих лет, обнаружишь, что времени у тебя на слухи хоть пруд пруди, да только интересны тебе лишь те, которые тебя самого касаются.

Я усмехаюсь:

— Мне казалось, что старшее поколение только и знает что сплетничать, сидя на крылечке.

— Ко мне это не относится, сынок. Я, если что и услышу, при себе держу.

Двухэтажный дом Бена стоит на проселке, что тянется от северного конца Олтмейер-стрит. Когда мы подъезжаем к нему, я вижу свисающую с дверной ручки картонку, на которой написано от руки: УЕХАЛ НА РЫБАЛКУ. Глядя на табличку, я лишь качаю головой, а Бен вылезает из фургончика, отпирает дверь. В городе побольше Уинтерс-Энда и

не таком спокойном эту табличку можно было бы заменить другой: ГРАБИТЕЛЬ, В ДОМЕ НИКОГО. БЕРИ ЧТО ХОЧЕШЬ.

Внутренность дома отличается условной опрятностью холостяцкой обители. Впрочем, у него имеется и свое, особое лицо — жилья, в котором многие годы прожил одинокий человек.

— Не бог весть что, — говорит, словно прочитав мои мысли, Бен. — Но мне хватает.

— Мне нравится, — отвечаю я. — Здесь лучше, чем у меня в Бостоне.

Мы поднимаемся на второй этаж, и, как это бывает со мной в чужих домах, я вдруг чувствую, что утратил способность ориентироваться в пространстве. А Бен, вскарабкавшись на чердак по приставной лестнице, дергает за шнурок, включает лампочку и говорит:

— Коробки где-то тут.

Тени рассеиваются и разбегаются по углам, как тараканы, потревоженные внезапным ярким светом. Они прячутся за мешки и коробки, ожидая, когда весь пол чердака снова будет отдан в их распоряжение, а мы бродим среди обломков жизни Бена, отыскивая то, что оставил здесь мой отец.

В конце концов Бен находит две покоробившиеся картонные коробки. Я кладу на них ладони, и в груди у меня что-то сжимается. Мне очень хочется узнать, что в них находится, однако я не позволяю себе вскрыть их сразу. Может быть, там лежит что-то очень личное. И я говорю себе, что лучше спустить их с чердака вниз, где больше света.

В первой коробке, более тяжелой, я обнаруживаю два школьных ежегодника, стопки юридических документов, связанных с работой отца, и несколько руководств, посвященных ловле рыбы на мормышку. Когда я вскрываю вторую, над ней поднимается облачко пыли. Я обнаруживаю в ней парочку фотоальбомов с пустыми белыми окошками — видимо, любимые снимки родители вынули и забрали с собой, а также несколько стопок фотографий, перевязанных бечевками. Они пахнут плесенью, я быстро просматриваю их — просто из любопытства. Какие-то неизвестные мне люди — дальние родственники или друзья, и пара снимков, сделанных, судя по всему, на рыбалке.

Я погружаюсь в воспоминания об озере Клэй и иных местах, в которых бывал с отцом. Прошло столько лет, а я все еще помню, как он в первый раз взял меня с собой на рыбалку.

Я вижу плещущую под моими ногами воду в солнечных бликах. Искры света играют на каждой волне, ударяющей в старенький деревянный причал. Я сижу на нем, прислонясь спиной к сумке-холодильнику.

— Тебе тут не скучно?

Я оборачиваюсь к отцу. На его лице смесь заботы с надеждой, что рыбалка, продлившаяся пока всего лишь день, еще не успела надоесть мне до смерти.

— Мне хорошо, — отвечаю я и для вящей убедительности слегка взмахиваю удочкой, которую держу в руках. — Просто на воду загляделся.

Отец улыбается:

— Она завораживает, верно? Мне нравится смотреть на озеро под солнцем. Здорово успокаивает.

— Угу.

— Так хорошо иногда удрать сюда от всего.

— А мама почему с нами не поехала? — спрашиваю я, демонстрируя присущее шестилетнему мальчишке понимание тонкостей супружеской жизни.

Папа улыбается:

— Для нее это не такой отдых, как для меня. А что, одного меня тебе мало?

— Да нет. Слушай, а на обед мы себе что-нибудь наловим?

— Это не так уж и важно. Я с собой два стейка прихватил. — Он с заговорщицким видом склоняется надо мной. — Только маме об этом не говори. Предполагается, что я должен питаться правильно.

Я улыбаюсь, довольный тем, что у нас появилась общая тайна.

— Конечно, пап.

— В этом ящике за твоей спиной есть пиво. Достань-ка мне бутылку.

Я кладу удочку на деревянный настил, встаю, чтобы открыть сумку-холодильник. Дергаю за ручку, она не поддается, а когда поддается, я теряю равновесие — мгновение покачиваюсь на пятках, стараясь устоять, а после падаю навзничь в воду.

Холодно. От давления воды у меня гудит в ушах.

Потом мои ступни ударяются в каменистое дно и я встаю, пошатываясь, вода плещет мне в грудь, мокрая одежда кажется внезапно отяжелевшей. Я поднимаю взгляд и вижу на мостках папу, встревоженно склонившегося ко мне.

— Алекс! Как ты? — говорит он испуганно, едва удерживаясь, чтобы не закричать.

— Ничего, — отвечаю я, чувствуя, как мокрые волосы липнут к моему лбу.

С мгновение он стоит, глядя на меня, потом подавляет смешок и, увидев, как на моем лице вспыхивает детская обида, говорит:

— Прости, Алекс. Просто... видел бы ты свое лицо.

Он становится серьезным и повторяет, прищурившись:

— Прости.

И я проделываю то, что сделал бы на моем месте любой ребенок: плещу в отца водой. Он якобы в ужасе заслоняется руками, а я плещу снова и снова.

Отец, захохотав, спрыгивает прямо в одежду с причала, и у нас начинается настоящее водное сражение.

Вечером мы сидим в свитерах у костра и едим жаренное на углях мясо. А потом я засыпаю на софе, свернувшись рядом с папой.

Так, во всяком случае, я все это помню. Так мне нравится помнить это.

Годы спустя я сижу в своей комнате, в общежитии университета, прижав к уху телефонную трубку. На другом конце линии отец спрашивает, не приеду ли я на лето домой. спрашивает очень вежливо, поскольку до моего отъезда мы с ним постоянно спорили относительно моего будущего. Мне тогда удалось настоять на своем, но с тех пор я на каникулы домой не приезжал ни разу.

— Прости, пап, — говорю я. — Курт пригласил меня и Говарда пожить у его тетки в Рочестере. У нее там закусочная, мы проработаем в ней все лето, деньги получим.

— То есть домой ты летом не попадешь?

Ответ таков: «нет». С родителями я лажу, однако время предпочитаю проводить с друзьями.

— Не знаю. Может быть, попаду. Посмотрю, как все сложится.

— Ладно, если у тебя появится возможность проведать меня и маму, позвони. Да нет, позвони в любом случае, чтобы мы знали, как ты.

— Конечно, пап.

Пауза, которую я использую, чтобы глотнуть пива из банки, зажатой в другой моей руке. Потом отец говорит:

— Ты только знай, что я горжусь тобой. Ты — мой единственный сын.

Домой я в то лето не вернулся. Я вообще туда больше не возвращался. Родители приезжали ко мне на День благодарения — в том году и в следующем. А ко времени, когда я сам поехал в Майами, чтобы навестить их, прошло еще четырнадцать лет.

Я вздыхаю, закрываю коробки, мы сносим их вниз, к фургончику. Бен подвозит меня до центра, помогает переложить коробки в багажник моего «корвета».

— Спасибо, — говорю я. — Вещи, доставшиеся мне от родителей после аварии, я так и не разобрал. А эти разберу обязательно.

— Да не за что, сынок. Как не оказать услугу старым друзьям? Знаешь, я еду рыбачить на реку Маклин, если у тебя будет время, приезжай. К северу от Эшленда от одиннадцатого шоссе уходит на север проселок, проедешь по нему пару миль и увидишь меня. Ну, в общем, захочешь отдохнуть, приезжай, я только рад буду.

— С удовольствием, — отвечаю я кивая. — Если появится такая возможность, приеду. Я не рыбачил с тех пор, как отец возил меня мальчишкой на озеро Клэй.

По его лицу пробегает непонятное выражение — печали, что ли. Потом он записывает на клочке бумаги номер своего мобильного.

— Если не найдешь мой фургончик, позвони. Рад был снова увидеть тебя, Алекс. Будь осторожен.

— И вы тоже.

Бен забирается в фургончик и уезжает. Я тоже почти усаживаюсь в мой «корвет», но тут слышу, как кто-то окликает меня. И, оглянувшись, вижу быстро идущего ко мне мэра Сэвилла.

— Мистер Рурк, — говорит он, слегка отдуваясь. — Как дела?

— Да вроде ничего. Чем могу быть полезен, господин мэр?

Сэвилл приглаживает волосы:

— Я направляюсь на встречу — неофициальную — с деловыми людьми нашего города. Им не дает покоя это убийство — было бы хорошо немного успокоить их. Ну, знаете, сказать, что все схвачено, что скоро о нем никто уже и не вспомнит. Вот я и подумал, может, вы поговорите с ними?

Я сейчас способен думать только о своем номере в «Краухерст-Лодже». О том, чтобы вернуться в него и завалиться спать.

— Знаете, я немного устал, — отвечаю я. — Может быть, завтра, а?

— Я был бы страшно благодарен вам, если бы вы смогли поговорить с ними сегодня, — настаивает он.

Я вижу в его глазах что-то вроде отчаяния, похоже, переизбрание, представлявшееся ему прежде делом простым и легким, основательно осложнилось. В маленьком городе вроде Уинтерс-Энда жестокое убийство воспринимается совсем не так, как в большом.

— Ну хорошо. Но только полчаса, не больше, — говорю я.

В «Лесопилке» тихо, музыкальный автомат молчит. Серьезные бизнесмены городка, — их насчитывается меньше дюжины, — сидят за столиками в углу бара. Больше здесь никого нет. Сэвилл подводит меня к ним, представляет. Кто-то предлагает мне пиво. Кто-то еще спрашивает:

— Так когда вы, ребята, покончите с этим делом и позволите нам вернуться к нормальной жизни?

Я улыбаюсь, киваю, стараюсь выглядеть уверенным в себе. Да, мы взяли подозреваемого

прямо на месте преступления. Да, он сядет в тюрьму на долгий срок. Нет, в том, что происшедшее сократит число приезжающих в город туристов, я сомневаюсь.

Разговор переходит на другие дела, и я, пользуясь этим, спрашиваю у Сэвилла, нельзя ли задать ему пару вопросов, — вдруг он скажет мне нечто полезное.

— Каких, мистер Рурк? — спрашивает он, отступая от стола и понижая голос.

— Вы знали Генри Гарнера? — спрашиваю я.

Он кивает:

— Да, мы познакомились за несколько лет до пожара. Он был не из местных. А я был тогда юнцом.

— То есть для директора детского дома он был, я так понимаю, довольно молод. Что он собой представлял — как человек?

Сэвилл ненадолго задумывается, потом отвечает:

— Очень организованный, я бы так сказал. Любил, чтобы все было правильно, четко — независимо от того, деловой ли это разговор или просто дружеский завтрак.

— Человек строгих правил?

Сэвилл кивает:

— Помню, он как-то счел слишком большим счет одной из коммунальных компаний, так дело чуть до суда не дошло. В конце концов компания пошла на попятный.

— Он и с детьми был таким же строгим? — Я задаю вопрос быстро и прямо — это своего рода неожиданный выпад.

— Не знаю, — не успев подумать, выпаливает он. И, помолчав, добавляет: — Кое-кто из них прогуливал уроки, ну, сами понимаете, дети там были сложные. Но на меня он производил впечатление человека, с которым лучше не шутить.

— Скажите, а никаких намеков на то, что в «Святом Валентине» творится нечто неподобающее, никогда не возникало?

— Никогда и никаких. — Он пожимает плечами. — Простите, но тут я вам ничем помочь не могу. Эта мысль появилась у вас после вчерашнего посещения «Святого Валентина»?

— Более-менее, господин мэр, — отвечаю я. — Мне просто требуются сведения относительно общей обстановки, вот и все. Полагаю, эта женщина вам неизвестна?

Он заглядывает в медальон, который я держу перед ним раскрытым. Какое-то время смотрит на фотографию, насупясь и покусывая нижнюю губу.

— По-моему, нет, — говорит он. — Простите.

Еще примерно через десять минут я извиняюсь перед собравшимися и ухожу. Великие и достойные люди городка бормочут нечто прощальное, и я плетусь к своему «корвету».

Белый фасад «Краухерст-Лоджа» выглядит под серыми небесами грязноватым. Я направляюсь через пустой отель в свой номер, раздеваюсь, принимаю две таблетки снотворного. Потом забираюсь в постель, прислушиваясь к легкому шелесту деревьев снаружи. И через пятнадцать минут отключаюсь.

Меня вырывают из блаженного сна приглушенные звуки голосов, доносящиеся снизу, из вестибюля. С трудом проморгавшись, я смотрю на часы — два часа ночи. Я проспал почти восемь часов и не отказался бы ни от единой минуты следующих пяти, после которых задребезжит будильник. Какое-то время я лежу в постели, надеясь, что звуки стихнут. А когда эта надежда умирает, вылезаю из-под одеяла, надеваю джинсы, рубашку, ботинки и

отправляюсь посмотреть, что происходит внизу.

На лестнице темно, однако я вижу яркий свет под дверью на нижней площадке. Из-за этой двери и доносится шум.

Я стучу в нее и изумляюсь, когда дверь открывает одетая в черное вечернее платье Рона Кохрэн. За ее спиной я вижу в комнате Мэтта, Дейла, Лору, доктора Валленса, аптекаря и других малознакомых мне людей, все они держат в руках бокалы с выпивкой и все одеты как для званого ужина. За ними висят на стене портреты Анджелы Ламонд и женщины из медальона.

— Алекс! — вскрикивает Рона и втаскивает меня в толпу. — А мы боялись, что ты не появишься. Время уже на исходе.

— Время?

Доктор Валленс вкладывает в мою вялую ладонь бокал с мартини.

— Заимствованное время, — говорит он, глядя мне в глаза.

— Заимствованное?

— Ну да, потому мы здесь и собрались.

Люди вокруг движутся, увлекая меня в глубь комнаты, как ни пытаюсь я воспротивиться этому. Я вижу слегка размазанные лица обитателей города, каждое из которых кажется мне отдаленно знакомым.

— У тебя есть сигарета? — спрашивает Рона.

Я шарю по карманам, чувствуя себя окончательно запутавшимся и каким-то не вполне одетым. И отвечаю:

— Нет. Должно быть, оставил их в номере.

— Ну ничего, возьми мою.

За ее плечом я различаю Софи Донеган в платье из изумрудного жатого бархата, глаза ее обведены темными кружками макияжа. Увидев, как Рона протягивает мне белую сигаретку, Софи пронзает ее полным ревности взглядом.

— Если хочешь, — говорит Рона, — давай подождем на балконе. Когда придет время, нас позовут.

Она стоит так близко ко мне, что я ощущаю тепло ее тела. Лицо Роны тянется к моему лицу. Наш поцелуй пробивает меня, точно электрический разряд. Язык Роны приплясывает вокруг моего, словно танцуя танго.

Я отрываюсь от нее, отступаю на шаг.

— Это безумие какое-то, — говорю я.

Я проталкиваюсь через толпу туда, где висят портреты. Перед ними стоит, разглядывая их, точно искусствовед, Джемма Ларсон.

— А вы что здесь делаете? — спрашиваю я. — Вы же не из Уинтерс-Энда, почему же и ваше время должно истекать?

— Мое и не истекает, — отвечает она и улыбается. — Я здесь затем, чтобы отвезти всех в морг.

И я замечаю наконец, что одета она не так, как все остальные, а в обычный лабораторный халат.

— А-а, — произношу я, не сумев придумать иного ответа, и, прежде чем мне в голову приходят другие слова, кто-то стучит в дверь.

Рона утихомиривает толпу, все смотрят, держа в руках очки, на дверь, а Рона идет открывать. Она радостно хлопает в ладоши, все прочие, увидев стоящего в двери голого по

пояс Николаса с двумя ножами в руках, кричат «ура!».

— Всем привет, — говорит он. — Время. Я пришел по ваши души.

Крики не умолкают, начинается резня. Два ножа убивают улыбающихся гостей одного за другим, перерезая горла, вспарывая грудные клетки. Первой валится на пол Рона, за нею пухловатый мэр. Потом я перестаю узнавать очередную жертву. Я разворачиваюсь и убегаю, прорезая толпу, стоящую точно на новогоднем празднике.

В дальнем конце комнаты различаются французские окна, выходящие на патио позади здания, которое превратилось почему-то в детский дом «Святой Валентин». Чьи-то шаги настигают меня, но я бегу по траве, приближаясь к лесу. Я продираюсь через кусты, какие-то сучки и колючки цепляются за меня, стараясь удержать. Топот преследователя приближается, он догоняет меня, несмотря на все мои усилия.

Бип-бип-бип.

Это будильник возвращает меня в мир яви.

Ровно в восемь я завершаю в «Краухерст-Лодже» очередной одинокий завтрак. Несмотря на тревожные сны, чувствую я себя после этой ночи хорошо отдохнувшим. Правда, грудь мою терзает что-то вроде изжоги, однако я стараюсь не обращать на это внимания и заглушаю жжение табачным дымом.

Снаружи серый, ненастный день. Пока я иду к машине, порывы пахнущего дождем ветра норовят сорвать с меня одежду. Я останавливаюсь, увидев засунутый за один из «дворников» клочок бумаги. Оглядываюсь в поисках какого-либо движения — такового не наблюдается.

Я беру оставленную мне записку. «Встретимся в пять у Марты. Я могу вам помочь». Почерк убористый, уверенный, однако плавные скругления букв наводят на мысль о женской руке. Последняя точка глубоко вдавилась в бумагу — похоже, намерения у автора записки серьезные. Первое имя, какое приходит мне в голову, — это Софи Донеган, скорее из-за того, что она следила за мной, никаких более серьезных подозрений на ее счет у меня нет.

И тут звонит мой сотовый.

— Не спеши в Хоултон, — говорит Дейл. — Кое-что случилось здесь, в городе.

— Что?

— Сегодня утром в Мэйсон-Вудсе, на дне Черного оврага, нашли труп. Один человек выгуливал собаку и заметил кости, торчавшие из земли у самого дна.

— Это как-то связано с нашим делом?

— Трудно сказать, но шансы такие имеются. Официально останки еще не опознаны. Неофициально — похоже, они принадлежат Генри Гарнеру, бывшему во время пожара директором «Святого Валентина». На трупе найден его бумажник. Поезжай к старой площадке для пикника, я пошлю Энди, чтобы он показал тебе, где мы.

Я еду по Центральной улице, потом поворачиваю налево к лесу и оказываюсь на проселке, который подходит к городу с востока. Пикниковая зона находится в глубине леса, в полумиле от опушки. Деревья, несмотря на их весеннюю листву, выглядят странно мрачными. В конце концов дорога разделяется на две, каждое ответвление ведет к отдельной площадке для пикников. На развилке меня поджидает помощник шерифа, и я, повернув туда, куда указывает его вытянутая рука, оказываюсь на парковке, где стоят два джипа управления шерифа, фургончик криминалистов из полиции штата и микроавтобус без опознавательных знаков.

— Здравствуйте, — говорит подросевший помощник. — Я Энди Миллер. Шериф вон там.

Я иду за ним через густой подлесок. Вижу сквозь прореху в листве полянку, а на ней — красный автомобиль. В модели его я не уверен, однако на радиаторе различается знак «тойоты». Надо полагать, автомобиль принадлежит хозяину собаки.

Я прохожу еще 300 ярдов, и до меня начинают доноситься голоса. Джемма, Дейл и еще один парень в форме помощника шерифа стоят посреди палой листвы у края Черного оврага, двадцатифутового провала с угольно-черными склонами. На дне оврага радостно журчит прорывший его поток. Внизу у противоположного склона суетятся трое криминалистов, извлекая из каменистой почвы останки злосчастного мистера Гарнера.

Больше книг на сайте - Knigoed.net

— Что у нас уже есть? — спрашиваю я у Дейла, подойдя к краю обрыва.

— Доброе утро, Алекс, — отвечает он. — Почти ничего, кроме основной идентификации тела. Кто-то зарыл его в овраге. Надо полагать, земля там очень плотная, иначе ее давно размыло бы паводками. — Дейл иронически улыбается: — Территория Синего Лесоруба совсем рядом. Как ты думаешь, не его это рук дело?

— Сомневаюсь. Не его стиль. — Я заглядываю в овраг. — А если серьезно, это действительно убийство?

Джемма кивает, и я вдруг замечаю, как прекрасно выглядят в это раннее утро ее волосы, влажные и немного растрепанные.

— После обследования тела я буду знать больше, однако в том, что перед нами не результат несчастного случая, сомнений нет.

— Что-нибудь еще? Как был обнаружен труп?

— Похоже, земля и камни, которыми завалили труп, осыпались, — говорит Джемма. — И одна его рука выставилась наружу.

— Криминалисты нашли несколько вещдоков, которые могут оказаться полезными, — добавляет Дейл. — Хотя такого уж существенного — ничего. Я займусь ими, когда ребята здесь закончат.

Я хмурюсь.

— Стало быть, мы имеем дело со смертью шестилетней давности. Так зачем же вам понадобился я, Дейл?

— Все полагали, что Гарнер погиб вместе с еще двумя людьми во время пожара. Мы нашли на пожарище кое-какие останки, однако точно идентифицировать их не смогли. Если там, внизу, — Дейл указывает в овраг, — лежит Гарнер, это означает, что все было иначе. Кто-то убил его и использовал пожар как прикрытие. Анджела Ламонд тоже работала в детском доме, а ее убил твой подопечный. Что, если это было не первым его убийством?

— «Святой Валентин» подожгли, ведь так?

Дейл кивает:

— К такому выводу пришло следствие. Однако поджигателя мы так и не нашли. А шериф Кеннеди дружил с Гарнером. Уж он-то потрудился на славу и перебрал всех, кто жил тогда в радиусе пятидесяти миль от детского дома и мог владеть коробком спичек.

— И ты считаешь, что поджигателем мог быть Николас? Не вижу связи.

Мое раздражение нарастает вместе с ощущением жжения в груди.

— Это всего лишь теория, Алекс.

— Я не хочу, чтобы ты свалил это дело на Николаса всего лишь потому, что тебе хочется избавиться от еще одного нераскрытого убийства, которое оказалось у тебя на руках.

Дейл мрачнеет.

— Мне не нравятся такие намеки, Алекс.

Раздражение, которому пора бы уже улечься, только нарастает.

— Ты же знаешь, как это бывает с копами. У тебя два убийства и один убийца. Если он совершил одно, так почему бы и не оба? Самое легкое решение.

— Не будь такой задницей, Алекс. — Он помахивает пальцем перед моим носом. — Не забывай, это ведь ты предположил, что между Николасом и «Святым Валентином» может существовать какая-то связь.

Я вздыхаю, тру ладонью лицо:

— Прости, Дейл. Ты тут ни при чем. Я за последнюю пару дней совсем утратил форму.

— Да знаю я. — Он, надув щеки, шумно выдыхает. — Ладно, пойду посмотрю, как там

Энди. Не хочется, чтобы его затоптали зеваки, пока здесь идет работа. Увидимся у машин.

Я киваю, он уходит по тропинке. Джемма, пока мы с Дейлом препирались, с преувеличенным вниманием разглядывала весенний поток.

— Я проведу исследование тела, как только вернусь в Хоултон. Идентификация может занять несколько больше времени.

Я пытаюсь перехватить ее взгляд:

— У вас есть какие-нибудь соображения насчет того, что здесь произошло? Я спрашиваю об этом потому, что не знаю, насколько внимательно вы осматривали труп.

— Боюсь, не настолько, чтобы высказывать предположения. Я знаю, что, по мнению криминалистов, кто-то потревожил захоронение. Они сняли для управления шерифа отпечатки подошв. На мой взгляд, отпечатки оставлены не кроссовками, а скорее обувью приодевшегося — ну, скажем, для какой-то вечеринки — человека.

Я усмехаюсь:

— Не знал, что вы не только патологоанатом, но и следопыт.

— Какие приятные вещи вы говорите, — с мягким смешком отвечает она.

— Видите ли, по части классических комплиментов дамам я никогда силен не был, — признаюсь я. — Все нужные и правильные слова мне известны, но, как только дело доходит до их произнесения, у меня получается черт знает что. Поэтому я стараюсь ограничиваться тем, что мне по силам, а поэтичность оставляю специалистам.

— Может быть, попытаете счастья еще раз — сегодня вечером, за ужином? Если хотите, конечно, — добавляет она, и ее бледные от утренней прохлады щеки розовеют.

Я улыбаюсь, пытаюсь замаскировать улыбкой охватившее меня волнение:

— Вы назначаете мне свидание?

— Мм-м, да. — Джемма, стараясь не встречаться со мной взглядом, поигрывает пальцами. — Я, конечно, не знаю, женаты вы или нет, хочется вам увидеться со мной или не хочется, но...

— Я не женат. А поужинать с вами мне хочется, очень.

— Тогда заезжайте за мной в восемь. — Она записывает адрес на листке из блокнота и протягивает его мне: — Я знаю симпатичный маленький ресторанчик недалеко от дороги.

— Да, замечательно. В восемь. До встречи.

Мы прощаемся — неловко, как люди, не понимающие, чем бы им лучше закончить разговор. Я иду по лесной тропинке и думаю о том, что, возможно, моя неспособность завязывать прочные отношения с женщинами объясняется неумением — и это еще слабо сказано — вести с ними остроумные беседы.

Подойдя к машинам, я вижу Дейла и Энди, беседующих с парочкой владельцев собак и женщиной неопределенного возраста — глаза у нее вытаращенные, безумные.

Я уже подхожу к моему «корвету», когда женщина начинает визгливо кричать:

— Это проклятие дьявола! Он пришел за нами! Он за всеми придет!

Я удивленно смотрю на нее, вижу всклокоченные темные волосы, стиснутые кулаки.

— Дьявол! — снова визжит она.

Я пожимаю плечами и молча сажусь в «корвет».

Я еду на юг, к Хоултону, по тихим, полным тревожного спокойствия полям. Мне кажется, что вокруг Уинтерс-Энда царит странная задумчивость. Небо стало еще более темным, тучи — еще более плотными и угрожающими.

Когда я вхожу в кабинет Дейла, он ставит передо мной чашку горячего кофе.

— Что тебе известно о пожаре? — спрашивает он.

— Только то, что я услышал от тебя и увидел в музее. Поджог, трое погибших — предположительно, поскольку от тел мало что осталось. Арестован никто не был.

— Ну да, примерно так. Правда, потом появилось кое-что еще. Несколько человек из нашего города получили дурацкие письма — анонимные, с угрозами. Мы решили, что их написал какой-то психопат из тех, что после преступлений такого рода всегда выползают из своих щелей.

— И кто получил эти письма?

— Насколько я помню, одно было прислано шерифу Кеннеди. — Дейл улыбается. — Он вскрыл его здесь, в этом кабинете, прямо на моих глазах. Прочитал, смял и бросил в мусорную корзинку. «У меня нет времени на тупых идиотов» — так он сказал. — Дейл делает большой глоток кофе. — Если я ничего не путаю, другие письма получили секретарь городского совета и доктор Валленс. По-моему, мы их даже не зарегистрировали.

Я киваю:

— А автора их вы искать не стали?

— Нет, не стали. В них не было ничего, что заставило бы предположить, будто автор знает что-то кроме написанного в газетах. И, насколько я знаю, адресатам никто больше не досаждал.

Раздается стук в дверь, и входит один из помощников Дейла.

— Первичный отчет об осмотре места преступления, — говорит он и кладет на стол Дейла папку.

— Спасибо, Джек. Хочешь взглянуть, Алекс?

Я открываю папку. Первой мне попадает на глаза пачка фотографий, сделанных утром криминалистами. Глянцевые снимки дна Черного оврага. На одном из земли торчит рука скелета. Под ней лежит перевернутый пласт земли. Я пару секунд вглядываюсь в него, потом протягиваю снимок Дейлу.

— Посмотри-ка, — предлагаю я. — Что ты здесь видишь?

— Ничего особенного, — подумав немного, отвечает он. — Ты о чем?

— Приглядишься к куску земли под рукой. Видишь, какие у него ровные края? По-моему, там кто-то орудовал лопатой. Кто-то, откапывавший труп.

Первые результаты проведенного Джеммой Ларсон исследования останков тела поступают к нам в половине второго дня.

— Колени и запястья жертвы перебиты, — плывет из динамиков голос Джеммы. — Имеются также трещины от ударов по основанию черепа. Причиной смерти они стать не могли, однако наверняка лишили жертву сознания. Мы получили также предварительное подтверждение того, что зубы жертвы совпадают со стоматологическими данными Генри Гарнера. Похоже, это он.

— А причина смерти? — спрашивает Дейл.

— Подъязычная кость не повреждена, стало быть, удушение маловероятно. На ребрах, чуть ниже солнечного сплетения, есть пара царапин. После того как останки осмотрит патологоанатом из Огасты, я смогу сказать вам больше, но пока у меня такое ощущение, что жертву несколько раз ударили ножом.

— Рука, которая торчала наружу, — встречаю я. — Насколько она чиста? Есть на ней мох или иные признаки того, что она долгое время находилась под открытым небом?

— Кости довольно грязные, однако какая-либо растительность на них отсутствует.

Я киваю:

— Тогда возможно, что из-под земли они показались совсем недавно. Спасибо.

— Да. Спасибо, доктор Ларсон, — произносит Дейл.

— Не за что. Если обнаружу что-то еще, позвоню вам снова.

Линия замирает. Дейл, заглянув в свою чашку, говорит:

— Я бы не отказался еще от одной чашки кофе. Тебе принести?

Я киваю, он выходит в комнату личного состава. И пару минут спустя возвращается с двумя полными чашками.

— Что ты думаешь об этой истории с Гарнером? — спрашивает он, глотнув кофе.

Я отвечаю не сразу, потому что перебираю в уме возможные сценарии.

— Зачем ломать человеку руки и ноги?

— Чтобы сделать больно. Если человек должен гангстеру большие деньги, ему простреливают коленные чашечки, примерно так.

— Или для того, чтобы превратить его в беспомощного калеку, и тогда ты сможешь поизмываться над ним, пытаться его, и он не окажет тебе никакого сопротивления. Если бы убийца Гарнера хотел всего лишь его смерти, то перерезал бы ему горло и бросил бы труп в огонь во время пожара. Нет, он хотел приятно провести с ним время, а потом заколол его.

— Причины личного характера?

— Да, если, конечно, убийца не был просто-напросто психопатом, — отвечаю я, пожимая плечами. — Однако тщательный выбор места, в котором зарыли жертву, указывает, по-моему, на что-то личное. А пожар был просто прикрытием похищения Гарнера и...

Дейл перебивает меня:

— Это если у убийцы не было причин желать зла и прочему персоналу «Святого Валентина».

— Конечно, — соглашаюсь с ним я. — Стало быть, мы имеем дело с осторожным, методичным убийцей, который действует исходя из личных побуждений. Физически он достаточно силен для того, чтобы ломать своим жертвам руки и ноги и закалывать их.

Я глотаю кофе.

— Если Гарнера убил не Николас, нам следует искать человека с таким же, как у него, складом ума.

Дейл слабо улыбается:

— Сдается, я все-таки перетянул тебя на свою сторону. Ладно, а зачем было убийце выкапывать труп?

— Если это делал убийца, то бог его знает. Однако возможно, что его откапывал соучастник, выполняя указания убийцы.

Дейл пододвигает ко мне по столу листок бумаги:

— Я составил тут по памяти список друзей Гарнера.

Имен в этом списке немного. *«Секретарь городского совета Джошуа Стерн, Иэн Рурк, доктор Валленс, Эрл Бейкер».*

Я поднимаю взгляд на Дейла:

— Иэн Рурк? Какой смысл включать в этот список моего отца? Он уже три года как мертв.

— Я просто выписал имена, какие вспомнил. От Стерна тоже проку будет мало. Он погиб четыре года назад, дорожная авария. Я проверил.

— А Бейкер?

— Владелец строительной фирмы. Строил кое-что в наших местах. Занимался вместе с Гарнером пешим туризмом. Где он теперь, не знаю.

— Семья у Гарнера была?

— Здесь — нет, он не из местных, женат не был, — говорит Дейл. — Не помню, удалось ли нам после пожара найти его близких родственников. Однако, если они не жили в наших местах, то вряд ли могли знать кого-то, кто желал ему смерти.

— А как насчет остального персонала детского дома? Я видел в музее фотографию. — Я стараюсь извлечь из памяти имена этих людей. — Сара Деккер, Пирс, имени не помню. Дориан Блайт. Где теперь они?

Дейл пожимает плечами:

— Понятия не имею. Думаю, после того как закрылся «Святой Валентин», куда-то уехали. Попробую отыскать их.

Я допиваю кофе.

— Ладно. А я пойду побеседую с Николасом. Попробую выяснить, известно ли ему что-нибудь о Гарнере и о пожаре.

— Здравствуйте, мистер Рурк, — говорит Николас, как только мы занимаем уже ставшие для нас привычными места в допросной. — Судя по вашему виду, от вчерашнего недомогания вы оправились. Хотя глаза у вас еще красноватые.

— Спасибо за участие. — Я раскуриваю «Мальборо». — Расскажите-ка мне еще раз с построенном на холме Райланда первом здании «Святого Валентина».

— Мне казалось, что история вас не интересует.

Сарказма в его голосе, ровном и размеренном, не чувствуется.

— Будем считать, что мой интерес к ней возрастает.

— Это была церковь, в которую при первой же проводившейся в ней службе ударила молния. Церковь сгорела дотла, в огне погибло двадцать человек.

Я наклоняюсь над столом:

— А теперь расскажите о втором «Святом Валентине».

— Что именно? — улыбается Николас.

— Он тоже сгорел, и в огне погибли люди.

— Из чего вы заключили, будто мне что-то известно об этом?

Я не свожу глаз с его лица.

— Вы же там были. И оставили вот это. — Я достаю из кармана медальон, кладу его на стол. — Что там произошло — и настолько важное для вас, что вы оставили нам эту метку?

Улыбка не покидает его лица, становясь, впрочем, немного более снисходительной.

— Как вы сами сказали, несколько лет назад там случился пожар. Вашего отца вызывали на его тушение, мистер Рурк?

— Если и так, то что?

— Значит, он там был. — Улыбка становится более широкой, Николас словно бы наслаждается шуткой, которой я не понял. — Он ничего не рассказывал о трудностях, с которыми пожарные столкнулись, когда выводили людей из горящего здания? Может быть, по причине этих затруднений люди и погибли?

— Я о таких затруднениях не слышал.

— Должно быть, вы не тех людей слушали. — Николас откидывается на спинку стула,

словно стараясь поудобнее устроиться. — Что вы увидели в «Святом Валентине», мистер Рурк?

— Здание, коридоры. Много плесени. Груды обгорелого мусора.

— А запертые двери видели? — Быстрый, прямой вопрос.

— Да.

— И что они вам напомнили?

— Тюремные камеры. Вы хотите сказать...

— Как вы полагаете, мистер Рурк, если бы загорелась тюрьма, легко было бы вывести из нее людей? Особенно в том случае, когда ключи от камер имелись лишь у нескольких человек?

— Вам наверняка известно, Ник, что никто из детей «Святого Валентина» в огне не погиб. Какой смысл в этом разговоре?

— Вас когда-нибудь ловили на проступке и отсылали потом спать без ужина?

Некоторое время я молчу, вглядываясь в его лицо и время от времени затягиваясь сигаретой. А докурив ее, говорю:

— Насколько я понимаю, вы говорите о том, что персонал детского дома сажал провинившихся детей под замок. Я приму это к сведению, но откуда об этом знаете вы?

— Об этом могли знать очень многие, мистер Рурк. Дети, жившие в доме, люди, которые там работали.

— Вы знаете кого-либо из этих людей?

— Что наводит вас на такую мысль? — отвечает он, точно политик или психиатр, вопросом на вопрос.

— Создается впечатление, что вам очень многое известно и об этом доме. — Я наклоняюсь к нему, кладу ладони на стол и спрашиваю: — Вы были знакомы с Генри Гарнером, директором детского дома?

Николас приподнимает брови, однако я вижу по его глазам, что вопрос мой несколько его не удивил.

— Я слышал разговоры о том, что он погиб во время пожара, мистер Рурк.

— Сегодня утром его останки были обнаружены в Черном овраге, в нескольких милях от «Святого Валентина». Его убили, а труп закопали. Он не погиб во время пожара, Николас. Вам что-нибудь известно об этом?

На лицо подозреваемого возвращается улыбка — вместе с самодовольным выражением.

— Смерть — это такое личное дело, мистер Рурк. Наше мнение о кончине того или иного человека в значительной мере определяется присущими нам взглядами.

— И каково же ваше мнение?

— Что вы почувствовали, когда погибли ваши родители, мистер Рурк?

Гнев обжигает меня точно кислота.

— Это не ваше дело, черт побери. Не уходите от вопроса, Николас.

— Вы уже знали, когда оторвали голову от руля, что их жизнь закончилась, или еще питали надежду на то, что они живы? И кого вы ненавидели больше — водителя, машина которого налетела на вашу, или себя самого?

Пепельница ударяется в стену за его спиной, ее содержимое серым облачком разлетается по комнате. Только давняя выучка удерживает меня от того, чтобы перепрыгнуть через стол, схватить Николаса за загривок и впечатать его физиономию в стол. Вместо этого я просто выскакиваю из комнаты. Двое помощников шерифа смотрят на меня, но вопросов

не задают.

Я даю себе пару минут на то, чтобы успокоиться, выдираю из стоящего в коридоре автомата банку кока-колы и возвращаюсь в допросную.

— Вернемся к нашей теме, — говорю я, садясь напротив Николаса. — Знали вы Гарнера или не знали? Имеете вы какое-либо отношение к пожару в «Святом Валентине» или не имеете? Были у вас какие-либо причины для ненависти к его служащим — Гарнеру, Анджеле Ламонд — или их не было?

— Люди типа Гарнера и этой медсестры злоупотребляли своим положением, мистер Рурк. Так что причины для ненависти к ним были у многих. — Он усмехается, однако его глаза холодно поблескивают. — Когда их время истекло, дьявол пришел за их душами, как приходит он и за другими, за теми, кто этого заслужил. Вам повезло с детством, мистер Рурк. Вы не были жертвой людей вроде них.

— А вы были?

Он хмыкает:

— Вы все еще ищете мотив, мистер Рурк? Закидываете приманку то туда, то сюда. Вы напоминаете мне мальчика, удящего — под присмотром любимого папочки — рыбу на озере Клэй.

— Перестаньте молоть чушь, Николас, и отвечайте на вопросы, черт бы вас побрал, — говорю я сквозь стиснутые зубы. — Расскажите о том, что произошло пятнадцатого. Где вы захватили Анджелу? На каком из участков Мэйсон-Вудса мы сможем найти ее одежду?

— Это становится утомительным, мистер Рурк.

— Возможно, но, если вы не начнете отвечать на мои вопросы, я брошу это дело и вернусь в Бостон, а вы сядете в тюрьму за убийство, на чем наше расследование и закончится. Вы *этого* хотите?

Николас вздыхает:

— Я хорошо понимаю ваше разочарование, однако мне нужно, чтобы вы довели это дело до конца. Так что отпустить вас я пока не могу.

Следующий вопрос я задаю несмотря на то, что уже знаю, каким будет ответ:

— Вы это о чем?

— Все, что здесь произошло, произошло потому, что так хотел я. Меня арестовали, однако давать показания я отказывался, и это заставило шерифа искать помощь на стороне. Вы специализировались по допросам сложных подозреваемых и дружили с шерифом Дейлом Тауншендом. Вы даже помогали ему в прошлом. К кому же еще было ему обратиться за помощью? Потом вы заинтересовались детским домом, обнаружили там специально оставленные мной следы и знаки. Прошли по моим стопам, нашли медальон, который я оставил для вас. — Его голос становится все более напряженным, хоть и негромким. — Я сказал, что ждал вас — и это действительно так. Теперь вы здесь и никуда не уедете, пока я не закончу с вами. Человеку так редко выпадает возможность рассчитаться за несправедливость и покарать тех, кто украл у него жизнь, которая принадлежала ему по праву.

Темные глаза Николаса горят, и я начинаю верить, что передо мной сидит сумасшедший.

— Стало быть, вы прибыли сюда именно ради этого, Николас? — спрашиваю я. — Чтобы покарать тех, кто погубил вашу жизнь?

— Не совсем так, мистер Рурк. Помните, я говорил вам, что некоторые поступки

обращают людей в слуг дьявола и со временем он приходит за ними?

Я киваю, ощущая странную сухость во рту.

— Вот в этом-то все и дело. Я бы на вашем месте был очень осторожен, мистер Рурк. Потому что человек, который заключил сделку с дьяволом и ухитрился сохранить свою душу, — это большая редкость.

Тишина, повисшая в комнате, нарушается только шипением магнитофонной ленты. Мы сидим, глядя один на другого, и я пытаюсь понять, что творится под маской, за которой Николас укрывается от мира. Приехал ли он в Уинтерс-Энд, чтобы отомстить? Считает ли себя дьяволом или всего лишь его посланником? И то и другое представляется мне равно возможным.

В конце концов молчание нарушаю я:

— Почему я должен быть осторожным? Что я сделал?

— Если вы не ответите на этот вопрос сами, я за вас отвечать не стану, — по-волчьи оскаливается Николас. — Невозможно получить отпущение грехов, не покаившись в них.

Я возвращаю ему его усмешку:

— Забавно слышать, как вы говорите о покаянии, особенно если учесть грехи, в которых признаетесь сами.

— Это какие же?

— Не убий, Николас. А вы убили Анджелу Ламонд, да, вероятно, и Генри Гарнера тоже.

Он качает головой:

— Медсестру я не убивал. Она уже была мертва.

Я вижу по его глазам, что к последней фразе прилагается не произнесенное «только не знала об этом». И пытаюсь заставить его произнести эти слова:

— Вот как?

— В определенном смысле ее судьба не отличалась от судьбы женщины с фотографии в медальоне. Ту тоже никто не убивал.

— Кто она, Николас? Она из местных? Как ее звали?

— Это вам придется выяснить самому.

Он вздыхает, меняет позу, и это говорит мне, что для него сегодняшний допрос закончился. Собственно, я и сам только рад возможности уйти отсюда и потому прекращаю наш разговор и зову помощников шерифа, чтобы они увели Николаса в его камеру.

День был жаркий, не такой, какие характерны для флоридского лета в полном его разгаре, но близко к тому. Я на неделю приехал в Майами, чтобы повидаться с родителями и отдохнуть. По крайней мере так я себе говорил. На самом деле у меня лежала на рабочем столе стопка папок с делами, и все они требовали моего внимания, а были еще люди, которые нуждались в поддержке, и те, с кем мне следовало поговорить. Однако я взял недельный отпуск и отправился погреться под солнцем в обществе единственных людей, которых хорошо понимал, по крайней мере думал, что понимаю.

На третий день отпуска я вез мать с отцом в маленький прибрежный ресторанчик, в который они заглядывали каждую среду. Отец сидел рядом со мной, мы обменивались мнениями о бейсбольной команде «Бостон ред сокс», о ее прошлом и настоящем, а мама, сидевшая сзади, время от времени вставляла в наш разговор собственные замечания.

Машин на улицах было немного, а вот людей на тротуарах — порядочно. Главным образом туристов, если судить по их виду. Все они казались довольными, умиротворенными

теплом, и шагали неторопливо.

Думаю, от них-то я и получил первый сигнал: происходит что-то неладное. Я приближался к пересечению с одной из идущих на юг улиц, свет впереди горел зеленый, и вдруг увидел, что большинство пешеходов справа от меня смотрит, замерев на ходу, в сторону улицы, которую мне предстояло пересечь.

Проезжая под светофором, я услышал не заглушаемый больше домами рев двигателя стремительно летевшей машины. И взглянул направо.

Начиная с этого мгновения воспоминания мои смазаны. Я увидел налетавшую на меня темную машину и, помнится, нажал на тормоз. Потом меня бросило в сторону, точно матадора во время корриды, ремень безопасности врезался мне в грудь, я почувствовал, как меня осыпают, впиваясь в тело, острые осколки стекла. Мою машину несло боком, покрышки визжали, а потом улицу передо мной перекосило — это колеса с пассажирской стороны оторвались от мостовой, и тут сработала подушка безопасности, на несколько секунд погрузив меня в чистую белизну. Затем я почувствовал, как дверца рядом со мной содрогнулась и прогнулась, ударившись об асфальт. Какая-то жидкость закапала мне на щеку. Я либо отключился, либо был оглушен и потому не сразу понял, что произошло. Снаружи появились мигалки полицейской машины. Я взглянул вбок, нет, вверх, и увидел залитое кровью лицо свисавшего с сиденья отца. Дверца рядом с ним была изодрана в клочья и пробита насквозь.

Позже полицейские сказали мне, что ни один из опрошенных ими людей не запомнил лица водителя другой машины. Это была хорошо знакомая мне «ситуационная слепота». Они сказали также, что в остатках украденного седана была обнаружена дополнительная мягкая набивка, и спросили, есть ли у меня враги, которые могли бы желать мне смерти. Я, еще не придя в себя, пролепетал несколько имен, — каждый, кто какое-то время проработал в Бюро, обзаводится врагами. Однако большинство из тех, кого мне удалось припомнить, сидели в тюрьме.

В конечном счете полицейские решили, что водитель седана собирался врезаться на нем в витрину какого-то магазина, чтобы ограбить его, и постарался оградить себя от увечий. Трагическая случайность — на нас налетела машина, за рулем которой сидел человек, намеревавшийся совершить совсем другое преступление. *Тогда* я эту теорию принял.

И с того времени все, что случилось со мной потом, стало неизбежным. В тот день моя жизнь агента ФБР, по сути дела, закончилась, даже притом что прошло еще шесть месяцев, прежде чем нервный срыв завершил ее окончательно.

— Ну и что ты думаешь? — спрашивает, откинувшись в кресле, Дейл, когда я, закурив, усаживаюсь напротив его рабочего стола, довольный тем, что покинул тюрьму.

Я несколько секунд молчу, наполняя рот табачным дымом, а затем отвечаю:

— Думаю, что у Николаса имелись очень серьезные причины для неприязни и к Гарнеру, и к Ламонд. По его словам, они «злоупотребляли своим положением», он также сказал о людях, укравших у него жизнь. Обе жертвы работали в детском доме, а Ник, несомненно, знаком с ним не понаслышке.

— Бывший воспитанник, затаивший обиду?

— Это сходится со всем, что нам известно, — пожимая плечами, говорю я.

— И ты считаешь, что именно он совершил поджог и убил Гарнера?

— Да, я бы так и сказал. Это произошло шесть лет назад, когда ему было лет где-то от двадцати до двадцати четырех.

— То есть он был достаточно молод, чтобы жить в детском доме в то время, когда там работала Анджела, — замечает Дейл кивая. — В таком случае остается только узнать, кто и зачем откапывал Гарнера. В отчете криминалистов о частичном отпечатке ноги, который мы обнаружили в овраге, говорится, что это мужской полуботинок десятого размера, не очень изношенный, возможно, «Хаш Паппис». У парня, обнаружившего труп, обувь другая, так что нам, похоже, придется искать землекопа.

— Все это хорошо, но мы так и не знаем, почему он туда полез. Николас, пока сидел в тюрьме, получал или отправлял какие-нибудь письма?

— Нет. Он даже по телефону никому не звонил. Ты думаешь, у него есть кто-то за пределами тюрьмы?

— Возможно. — Я протягиваю руку к столу, беру список сотрудников Гарнера и говорю: — Я побеседую с Валленсом и этим Эрлом Бейкером, может быть, они что-то знают. Тебе удалось найти кого-нибудь из работников детского дома?

— Пока нет. Чарли все еще занимается этим.

Я кладу в карман список и фотографию Николаса, встаю.

— Как закончу, позвоню тебе.

— Конечно. И еще, Алекс, — говорит Дейл, когда я уже стою у двери, — не позволяй Нику доставать тебя. Не стоит он того, чтобы тратить на него нервы.

Я киваю и захлопываю за собой дверь его кабинета.

Бурная погода обернулась дождем, порывы его налетают с запада, пока я еду на север, к городку Касл-Хилл, в котором живет Эрл Бейкер. Струи воды бьют в ветровое стекло, заставляя «дворники» усердно трудиться.

Я бегу к дому номер 12 по Палвер-стрит со всех ног, даже не удосужившись разглядеть как следует это безликое здание, очертания которого вырисовываются в мокрой мути. Когда Бейкер открывает дверь, меня, стоящего под козырьком крыльца, уже бьет крупная дрожь.

— Чем могу быть полезен? — спрашивает он громко, стараясь перекрыть шум бьющих по навесу струй. Бейкер — плотной комплекции мужчина лет пятидесяти с чем-то.

Я показываю полицейский значок.

— Управление шерифа. Я хотел бы переговорить с вами. — Я оглядываюсь назад. — И лучше бы в доме.

— Так в чем дело? — спрашивает Бейкер, как только я попадаю в относительный уют его дома.

— Дело касается Генри Гарнера, — отвечаю я. — Не знаю, слышали ли вы об этом, но сегодня утром были обнаружены его останки.

— Я слышал по радио, что нашли чье-то тело.

— Ну вот, и у меня есть к вам пара вопросов, если вы не возражаете.

— Не возражаю, конечно.

Прежде чем я успеваю сказать что-то еще, в двери гостиной, справа от меня, появляется женщина.

— Кто это, Эрл?

— Помощник шерифа Алекс Рурк, мэ, — отвечаю я.

Эрл поворачивается к женщине — она примерно одного с ним возраста, но сложена

поизящнее, и с короткими, окрашенными в медный цвет волосами.

— Он по поводу смерти Генри, — говорит Эрл.

Женщина подходит к нам, Эрл снова поворачивается ко мне.

— Дебора Пирс, — представляется она, протягивая мне холодную вялую ладонь. Имя мне знакомо — эта женщина работала медсестрой в «Святом Валентине», когда он только-только открылся. — Он умер так давно. Что-то случилось?

— Нашли его тело, Деб. Выходит, он все-таки не погиб во время пожара.

— Вы оба хорошо знали Гарнера?

Эрл кивает:

— Да, и не один год.

— Он был таким милым человеком, — умильно воркует Дебора. — Когда мне сказали, что он погиб в огне, я не поверила.

— Вы ведь работали в детском доме. Были вы там во время пожара?

— Нет, я ушла оттуда лет за десять-двенадцать до этого.

Я поворачиваюсь к Эрлу:

— А вы, мистер Бейкер? Вы были там?

— Нет, я же не работал у Генри. Я занимался строительством. Построил кое-что и для «Святого Валентина».

— Вам известен человек, который мог питать к нему недобрые чувства?

Оба отрицательно качают головами, и я достаю из кармана медальон и фотографию Николаса.

— Вы можете сказать что-нибудь об этих людях? — спрашиваю я. — Знаете их?

Они рассматривают украшение, которое лежит в пластиковом пакетике на моей ладони.

А я вглядываюсь в их лица, пытаюсь увидеть какую-либо реакцию. Нет, ничего.

— Мне очень жаль, помощник Рурк, — говорит Эрл.

— Нет, я их не знаю, — добавляет Дебора. Она бросает еще один взгляд на медальон. —

Хотя лицо мне вроде бы знакомо. Возможно, я пару раз видела ее в городе. Что-то в этом роде.

Я ухватываюсь за ее слова:

— В Уинтерс-Энде? Когда работали в детском доме?

— Может быть. Хотя я могу и ошибаться. Это было так давно.

— А что насчет этого мужчины?

Она поджимает губы, недолго молчит.

— Нет, — говорит она наконец, покачав головой. — Нет. Глаза кажутся знакомыми, однако вспомнить его я не могу.

Уже что-то, хоть и немного.

— Еще один вопрос, — говорю я. — «Святой Валентин» имел репутацию заведения со строгими порядками. Известно ли вам что-нибудь о том, что провинившихся детей сажали под замок? До нас дошли слухи об этом, а я, побывав там недавно, заметил пару помещений, которые могли использоваться именно для этой цели.

Эрл и Дебора обмениваются взглядами и — да, вот оно. Очень похоже на безмолвный обмен мыслями. И я понимаю, что Николас сказал правду. Детей, которые плохо вели себя, запирали в камеры, вероятно, Эрлом же и сооруженные.

Дебора, отвечая, в лицо мне не смотрит:

— Нет, я о таком ничего не знаю.

— Ладно, это всего лишь разговоры, которые я слышал. Спасибо за помощь.

— Что вы думаете о смерти Генри? У полиции есть какие-нибудь улики? — спрашивает Эрл, провожая меня до двери.

— Об этом говорить еще рано, — отвечаю я. — Хотя обстоятельства представляются нам подозрительными.

Я и сам не понимаю, что заставляет меня произнести следующую фразу, да еще и направив на Эрла прямой, почти знающий взгляд. Наверное, просто нелюбовь к тем, кто плохо обходится с детьми.

— В данный момент нам многое представляется подозрительным.

Я перевожу глаза на подъездную дорожку и говорю тоном более дружелюбным:

— Надо же, дождь закончился. Ладно, еще увидимся.

Я оставляю полнотелого Эрла стоять в дверном проеме — Дебора маячит за его спиной, и глаза у нее виноватые, влажные. Оказавшись в уединении в салоне своей машины, я пальцами нашариваю в пачке сигарету — главным образом для того, чтобы занять чем-то руки, пока я думаю. Если женщина, изображенная на медальоне, жила в Уинтерс-Энде, пусть даже очень давно, кто-то наверняка ее помнит. И я говорю себе: надо еще раз спросить о ней у Валленса, когда мы снова увидимся, ну и у других немолодых горожан.

В Уинтерс-Энд я приезжаю уже довольно поздно, однако, повинувшись внезапному порыву, сворачиваю к церкви Святого Франциска. Окидываю взглядом это простое, в стиле девятнадцатого столетия, здание. Как я заметил еще вчера, кладбище при церкви маленькое — участок муравчатой земли, пара одиноких деревьев, гравийная дорожка. Двери церкви чуть-чуть приоткрыты — настолько, чтобы дать возможным посетителям понять, не выстуживая церкви, что в нее можно зайти.

Медальон, который я придерживаю ладонью в правом кармане, становится, пока я иду к церкви, все более горячим. Я подумал было, что он просто заимствует мое телесное тепло, но вдруг перед глазами у меня все расплывается и я снова вижу на церковном дворе женщину. Черные волосы, бледное лицо, теперь уже не размытое темнотой.

Я вижу, что это она, женщина с фотографии, по-прежнему облаченная в полуистлевший саван. На этот раз она указывает рукой куда-то на юг, и глаза у нее умоляющие. Взглянув в ту сторону, я вижу только дома и верхушки ближних к городу деревьев.

А когда я оборачиваюсь, ее уже нет. Нервы мои только что не искрят, как провода под током, меня бьет дрожь, никакого отношения к сырости не имеющая. Я торопливо иду по дорожке, встревоженный тем, что мне снова начали являться видения. Именно галлюцинации одолевали меня перед нервным срывом — это вырывались на поверхность страхи, подтачивавшие корни моего сознания.

Дойдя до дверей церкви, я останавливаюсь, мне ужасно не хочется переступить ее порог. «Ты же неверующий, — говорю я себе. — Что ты здесь делаешь?» И, не найдя достойного ответа, я просто поворачиваю ручку двери и вхожу.

Войдя, я различаю внутри лишь одну фигуру, преклонившую колени перед простым алтарем. Я медленно иду по проходу — мы ведь всегда бессознательно стараемся производить в храме как можно меньше шума, как будто Бог спит где-то за стенкой и очень рассердится, если его разбудят.

Подойдя поближе, я узнаю всклокоченные волосы и выцветшую одежду коленопреклоненной женщины. Я уже видел ее сегодня утром в лесу.

Услышав мои шаги, она оборачивается и говорит:

— Вы все же пришли. Я предупреждаю всех, но никто меня не слушает.

— О чем вы?

— Вы пришли, чтобы помолиться о прощении, в котором нуждается ваша душа.

Я не возражаю; у меня такое чувство, что, если я начну спорить с ней, она только разозлится.

— Почему вы сказали утром, что случившееся с Гарнером — дело рук дьявола?

Глаза женщины словно бы обращаются на что-то, находящееся за моей спиной, и она совершенно спокойно отвечает:

— Дьявол пришел за нами. Наш город тонет в пролитой крови, а единственное, чем дьявол вознаграждает наши грехи, — это вечное проклятие.

Ее слова поразительно похожи на то, что говорил Николас.

— А что здесь, собственно, произошло?

— Они построили город на костях погибших. Убивали друг друга из жадности. Замыслили зло и творили его.

Похоже, она говорит о первых днях основания города, и потому я спрашиваю:

— Разве все это не давняя история?

— Нисколько, — отвечает она. — Он проклял этот город. Он забрал женщину, которая умерла на шоссе. Как заберет и всех остальных.

Я достаю медальон, все еще странно теплый, показываю ей.

— Вам известно, кто изображен на этой фотографии?

Женщина проводит пальцем по защищающему снимок пластику.

— Бедняжка! — вот и все, что она говорит.

— Что это значит?

— Сами знаете, иначе не стали бы спрашивать. А теперь молитесь.

— Я неверующий.

Я поворачиваюсь, чтобы уйти, и слышу, как она встает с колен, однако следом за мной не идет.

— Уповайте на милость Господню, — говорит она. — Иначе дьявол заберет и вас.

Я смотрю на медальон.

— Это навряд ли, — говорю я. — Я ему здесь нужен.

Я приезжаю в «Садик Марты», чтобы встретиться с таинственным автором записки, на четверть часа раньше назначенного срока. Сажусь у стойки, заказываю кофе, радуясь возможности окунуться после разговора в церкви в обычную человеческую суету. Ровно в пять появляется Софи Донеган. На ней темно-зеленая рубашка и темные брюки — чуть светлее ее коротко подстриженных черных волос. Темные круги под глазами придают ей вид человека, который чувствует себя примерно так же, как я. Она тоже заказывает кофе и, поглядывая на меня, садится за столик у окна. Я беру свою чашку и направляюсь к ее столику.

— Это вы оставили мне записку? — спрашиваю я, усевшись напротив нее.

Она кивает, неотрывно глядя мне в лицо глазами цвета темного шоколада.

— Вам известно, что Анджела, ну, вы знаете, убитая, работала в детском доме в лесу? — спрашивает она и дует на кофе, остужая его. Глаз она с меня так и не сводит.

— Да. Известно. А что?

— Вы знаете, какие там были порядки?

Софи выпаливает этот вопрос тоном священника, говорящего о людях, которые практикуют черную магию.

— Простите, но об этом никто со мной говорить не хочет.

— И *все* знают, — шипит она. — Хоть и притворяются, что это не так.

— Знают что?

Температура подросткового гнева спадает на пару градусов, лицо девушки становится чуть более спокойным. Однако глаза, жесткие и пронзительные, продолжают впиваться в меня.

— Если я расскажу вам, вы мне поможете?

Я, стараясь несколько сбавить темп разговора, отпиваю кофе.

— Помогу в чем? — спрашиваю я, ставя чашку на стол.

— Выбраться отсюда. Возьмите меня с собой в Бостон. Деньги у меня есть. Я смогу найти там жилье и работу.

— Если я сделаю это, ваши родители обвинят меня в похищении ребенка. Почему бы вам не поговорить об этом с ними?

— Мама умерла, остался один папаша. Да они и не были моими настоящими родителями.

— Тогда, может быть, вам стоит поискать настоящих?

— Настоящие мне не нужны. Надеюсь, они уже горят в аду! — Эти слова слетают с ее губ с каким-то шипением, и, насколько я могу судить, ее гнев неподделен. — А город этот и всех, кто в нем живет, я ненавижу.

— Почему? — осторожно спрашиваю я, надеясь своим тоном успокоить Софи.

— Моему приемному отцу на меня наплевать, и мне на него тоже. Чуть не каждый вечер он напивается, сидя перед телевизором. А если обращается ко мне, то обычно орет, требуя приготовить обед или сделать еще что-нибудь. Надоело мне все это.

— Ну хорошо, я подумаю об этом, — соглашаюсь я, вздыхая и не питая никакой уверенности в том, что говорю правду. — Но только если вы честно расскажете мне все, что знаете.

Некоторое время она колеблется, словно пытаюсь решить, можно ли мне доверять, потом спрашивает:

— У вас дети есть?

— Нет, — отвечаю я. — Пока что.

— Понятно. Но вы же знаете, что родителям полагается любить своих детей, так? Я думаю, мои настоящие родители умерли или с ними еще что-то случилось, потому что, если бы они меня любили, то не отдали бы в *такое* место. — Она произносит это без особой эмоциональности, но, похоже, испытывает облегчение от того, что нашелся наконец человек, готовый ее выслушать.

— Вы жили в «Святом Валентине»? Чем же он был так плох?

— Меня забрали оттуда, когда мне было лет пять или шесть. — Звучит это так, точно она говорит об освобождении из тюрьмы. — Но мне потребовалось лет сто, чтобы привыкнуть к жизни в каком-то другом месте. Там были особые порядки. Нам не разрешали покидать территорию дома, нас и во двор-то выпускали только в середине лета. Представляете? И думаю, будь я постарше, мне пришлось бы еще хуже.

— Вы это о чем?

— Детей постарше, если они совершали проступки, били или запирали в подвале на

несколько часов, а то и дней. Все были обязаны работать по дому. Помню, кто-то из поваров избил одного мальчика половником только за то, что он расплескал приготовленную этим поваром подливку.

— Вы помните имена кого-нибудь из детей? Особенно старших? — спрашиваю я в слабой надежде, что она вспомнит мальчика по имени Николас. Однако меня ожидает разочарование.

— Нет, не помню. Двух-трех детей моего возраста я помню, и только.

— А как насчет персонала? Помните ли вы какие-либо конкретные поступки кого-то из этих людей? Какие-нибудь имена?

Она понимающе улыбается:

— Вы хотите узнать что-то об убитой женщине, верно? Простите, но я ее почти не знала, думаю, и другие дети имели с ней дело, только когда получали увечья.

— И никто никогда не сказал ни слова о том, что происходило в «Святом Валентине»? Ведь можно же было добиться его закрытия.

— Нет, никто. Я думаю, персоналу нравилось все, что там творилось. Если бы дом работал и сейчас, какие-то разговоры, наверное, пошли бы. Однако он не работает. Тот, кто поджег его, избавил от неприятностей очень многих.

Мне понятно, что вопрос, который я собираюсь задать, деликатен, но решаюсь все-таки рискнуть:

— Софи, шериф Тауншенд сказал мне, что ваша приемная мать умерла примерно в то же время, когда сгорел «Святой Валентин». Что произошло? Если вам не хочется говорить об этом, я вас пойму.

— Да нет, ничего, — отвечает она, пожимая плечами. — Я была к ней равнодушна, а почему она покончила с собой, просто не знаю. Она всегда была взвинченная, ну и муж ее вел себя как последняя сволочь. Однажды я вернулась домой из школы и нашла ее мертвой — она лежала на диване, а на столике рядом стоял пустой пузырек из-под снотворного. С тех пор мой приемный отец и не просыхает.

Я прошу официантку принести нам еще по чашке кофе, закуриваю, предлагаю Софи сигарету. Софи не отказывается.

— Знаете что? — говорю я после того, как нам приносят кофе. — Если к тому времени, когда я здесь закончу дела, вы не раздумаете уезжать из Уинтерс-Энда, я возьму вас с собой. Но вы все-таки серьезно подумайте, покинуть дом — поступок очень серьезный, да и дальнейший ваш путь будет устлан не только розами. Договорились?

— Договорились.

— Вот моя визитка. Если захотите связаться со мной, звоните по этому номеру.

Софи бросает взгляд на темно-синие буквы и цифры.

— Спасибо, Алекс, — говорит она, слегка запнувшись, перед тем, как произнести мое имя. По-моему, ей хочется что-то добавить, однако она ограничивается простым «до свидания» и уходит.

Когда двигатель моего «корвета» умолкает, я бросаю взгляд на часы. Без пяти восемь. Черт. Слишком рано. Приходить в такое время на свидание просто-напросто неприлично. Чего доброго, дама подумает, будто я кидаюсь со всех ног по первому же зову. В иных обстоятельствах я бы просто просидел пять минут в машине. Увы, я нахожусь на тихой жилой улочке, а «корвет» мой неприметным никак не назовешь. Я подхватываю купленные

по дороге цветы и выбираюсь из машины, стараясь дышать легко и свободно. Чувствую я себя так, точно направляюсь на первую в своей жизни танцульку старшекласников. И надеюсь, что в выбранный Джеммой ресторан мужчин пускают без галстуков, поскольку из Бостона я ни одного не привез.

Джемма открывает дверь через пару секунд после моего звонка. На ней свободная красная блузка, тесная юбочка до колен, в общем, выглядит она восхитительно. Светлые волосы рассыпались по плечам, точно золотистая сахарная вата. Улыбка ее прекрасна, но за ней скрывается волнение под стать моему. И первые же слова, которыми мы обмениваемся, делают наше обоюдное смущение столь очевидным, что мы даже успокаиваемся немного, поскольку у нас появляется маленький кусочек общей почвы.

— Какие они красивые, — говорит Джемма, когда я без особой ловкости вручаю ей букет.

Она ставит цветы в вазу, стоящую на столике в прихожей, снимает с вешалки куртку из коричневой замши, подхватывает сумочку.

— Надеюсь, в ресторан меня пустят, — говорю я, тыча пальцем в мою вполне приемлемую, но лишенную необходимого украшения грудь. — Ближайший из моих галстуков находится в нескольких сотнях миль отсюда.

Я улыбаюсь, она смеется искренне, мягко и звонко. И я понимаю, что меня ожидает прекрасный вечер.

Мы неторопливо идем под руку по центру города, разговаривая о том о сем и ни о чем в частности. Выбранный Джеммой ресторанчик совсем невелик — темное дерево, матовое стекло, приглушенный свет. Дружелюбная обстановка и вкусная, без дорогих кулинарных изысков, еда.

Мы сидим в тихом углу, я слушаю рассказ Джеммы о детстве, которое прошло в Бангоре, самом большом городе на севере штата Мэн. Ее старшая сестра Алиса переехала в Балтимор, когда Джемма заканчивала учебу на медицинском факультете, а младший брат Райан работает сейчас в одном из банков Огасты. В студенческую пору она подрабатывала в патологоанатомической лаборатории и в результате стала внештатным медэкспертом здешней полиции. Я узнаю, что у нее немало друзей в городе, однако вечера она проводит по преимуществу дома. Узнаю, что она любит читать, но предпочитает книги, по возможности не связанные с ее работой; что смотрит фильмы ужасов, но, когда доходит до самих ужасов, закрывает глаза; что слушает музыку, однако любимых исполнителей у нее нет — что передают по радио, то и слушает.

Я в свой черед стараюсь не перегружать ее подробностями моей прискорбной жизни. Рассказываю почти обо всем, хорошем и плохом, но ни на чем подолгу не задерживаюсь. Сыплю студенческими историями, потом теми, что связаны с моей работой в Бюро и после него. Говорю, что мой выбор машины определяется не столько потребностью поддержать образ мачо, сколько желанием продемонстрировать любовь ко всему смехотворному. Она смеется, когда я шучу, увлеченно слушает, когда я говорю что-то всерьез. Мне кажется, что я ей нравлюсь, и это хорошо, потому что она нравится мне безусловно.

Так незаметно пролетает несколько часов, и вскоре наступает время заплатить по счету и уйти. Мы идем к ее дому под руку, продолжая разговаривать и смеяться. Она спрашивает, не хочу ли я зайти к ней.

— Хочу, — отвечаю я, — но я никогда не делаю этого при первом свидании. Может быть, это старомодно, однако я стараюсь дать женщине время на размышления о том,

полный ли я козел или все-таки не очень.

Я улыбаюсь, понимая, впрочем, что прохожу последнюю проверку. Если это ей не понравится, значит, ничего у нас не выйдет.

Джемма просто улыбается в ответ и придвигается ко мне.

— В таком случае, что вы делаете завтра вечером? — спрашивает она, и ее зеленые глаза сияют.

Я кладу ладони на ее бедра, она повторяет мое движение в зеркальном отражении, мы целуемся. Поцелуй получается долгим, но спокойным и ласковым. У нее шелковые губы и чуть отдающее корицей дыхание. Я ощущаю щекой ее волосы, а телом — теплоту ее тела.

Когда мы разрываем объятие, она шепотом желает мне спокойной ночи, гладит меня по руке и поднимается на крыльцо своего дома. С мгновение я стою перед ним, точно оглушенный любовью подросток, потом разворачиваюсь и иду к «корвету». Пока я забираюсь в него, на моем лице сияет улыбка шириной в добрый арбуз и чувствую я себя таким счастливым, каким не был уже сто лет. Я бы даже кулак вверх выбросил, да салону меня низенький. Поэтому я просто включаю двигатель и медленно, неохотно отъезжаю от тротуара.

На всем долгом темном пути домой единственный свет, какой я вижу, создается двумя лучами, вырывающимися из фар «корвета». Сырое щебеночно-асфальтовое покрытие дороги обладает почти гипнотизирующим сходством с экраном телевизора, по которому бегут статические помехи, фары высвечивают трещинки, неровности, камушки, и в конце концов меня охватывает ощущение странной легкости, бездумности, такое, точно голову мою наполнили гелием и кое-как приладили к плечам. Душевный подъем, соединенный с дремотностью — или с чем-то совсем другим.

Я вырываюсь на лежащие между «Святым Валентином» и Уинтерс-Эндом просторы полей на скорости больше шестидесяти миль в час, мне не терпится вернуться домой. Даже мысль о неприветливом «Краухерст-Лодже» кажется мне приятной. А затем я вижу впереди что-то, отражающее свет моих фар, и ударяю по тормозам.

Когда визг покрышек стихает, я отрываю голову от руля, в который она уткнулась, и получаю возможность как следует разглядеть открывшуюся передо мной сцену. Обнаженного по пояс мужчину с ножами в обеих руках. Стоящую перед ним голую женщину, Анджелу Ламонд, рыдающую, прикрыв ладонью рот. Призрачный, светящийся дождь, капли которого танцуют на их коже.

Привидения стоят перед «корветом», не ведая о моем присутствии, — остаточные образы событий, уже отошедших в историю. Глядя на эту живую картину, я чувствую, как где-то за моими глазами разгорается острая точка света, предвестница подступающей мигрени. И все же отхожу от машины, чтобы разглядеть все получше. Николас произносит негромко и мягко:

— Ты понимаешь, почему это должно произойти. Обычно сам я такими делами не занимаюсь, но мне нужно, чтобы ты сыграла роль вестницы.

— Прошу вас, — шепчет Анджела. — Пожалуйста.

— Я мог бы сказать, что благодаря цели, которой ты послужишь, ты испытаешь меньшие мучения, — продолжает Николас. Молния, которая существует только для двух актеров-призраков, разыгрывающих передо мной эту сцену, вспыхивает, озаряя их кожу и приплясывая в глазах Анджелы. — Но это было бы ложью. Ты же знала, что за твоими поступками последует воздаяние.

Николас ласково поворачивает ее к себе спиной, обвиняет, точно любовник, руками. А затем молния сверкает снова — на ножах, которые взлетают в воздух и вонзаются в спину Анджелы, так что струи дождя смешиваются с кровью. Он осторожно опускает тело женщины на дорогу, ждет, когда остановится ее сердце, и начинает яростно кромсать грудь Анджелы. А затем выпрямляется, свесив руки вдоль тела, и говорит:

— Теперь будем ждать.

С меня довольно. Я выхожу из ступора, поворачиваюсь и бегу к машине. Пальцы мои, когда я включаю двигатель, подергиваются. Я ударяю ногой по педали газа и продолжаю вдавливать ее в пол, пока не добираюсь до города.

Думать я могу только об одном: у меня начались видения. Опять. Отчаянно хочется списать их на переутомление, на неподходящую пищу. Однако каждое движение головы порождает покалывание в затылке, и я с ужасом думаю, что просто разваливаюсь на части.

Гостиничная парковка темна и пуста. Я, пошатываясь и нащупывая в кармане ключи, плетусь к парадной двери. Древний железный дверной молоток издевательски улыбается мне с другого конца веранды. Я влетаю в вестибюль, проскакиваю мимо стойки портье с тусклой, красновато светящейся лампочкой. Поднявшись наверх, в свой номер, я включаю весь свет, какой там есть, а заодно и телевизор, надеясь, что он заглушит наружный шум листвы.

Проглотив таблетку от мигрени, я плещу себе в лицо и на шею холодной водой. Голова гудит, перед глазами все подрагивает, кривится и приплясывает. Прими вторую таблетку. Сядь, посмотри телевизор, постарайся успокоиться. Прими третью. Четвертую. Я глотаю две предназначенные для этой ночи таблетки снотворного, а затем добавляю к ним пятую — обезболивающего. Снимаю куртку и все прочее и кладу колыг так, чтобы до него легко было дотянуться с постели.

И отключаюсь под невнятный шум телевизора.

Из сна без сновидений меня вырывает повторяющееся дребезжание будильника. Я замерз, поскольку заснул, не укрывшись одеялом. Голова болит, но это похоже скорее на похмелье, чем на что-то более серьезное. Тем не менее я, протирая глаза, глотаю еще одну таблетку. А затем с опаской подбираюсь к окну и выглядываю в щель между шторами. Какой мир ожидает меня за ними? Бодрствующий или спящий, фантастический ландшафт или кошмарный? Изменилось ли там что-нибудь?

Нет. Снаружи обычный день. Тучи вернулись, устлав небо подобием заплесневелого шерстяного одеяла, но по крайней мере ни призраков, ни причудливых видений, готовых преследовать меня, там нет.

Я принимаю душ, одеваюсь, закурываю первую за этот день сигарету. Прежде чем выйти из номера, смотрю на себя в зеркало. Выгляжу я плохо. Слишком бледная кожа, налитые кровью глаза с покрасневшими веками, серый от щетины подбородок.

С завтраком сегодня лучше не связываться, говорю я себе. Сидеть в пустой столовой, чувствуя себя монархом в изгнании, мне не по силам.

Я трусцой добегаю до «корвета», завожу его.

В 8.15, в шести милях к югу от городка, звонит мой сотовый.

— Алекс, это Дейл. Уже сто лет до тебя дозвониться пытаюсь.

— Прости, — говорю я. — У меня телефон был выключен. Что-то случилось?

— Николас сбежал.

По пути в Хоултон я минуя два дорожных поста. Первый — на шоссе I-95 — это кордон, состоящий из двух синих с белым машин полиции штата и нескольких деловитых, вооруженных короткоствольными автоматами копов; второй стоит на окраине города, неподалеку от съезда с местного шоссе. Меня пропускают быстро — как только я показываю полицейский значок постучавшему в окошко моей машины патрульному.

Парковка перед зданием Высшего суда забита полицейскими машинами, другими автомобилями, поставленными до крайности бестолково, — и репортерами. Я нахожу место в сторонке от устроенного журналистами цирка, набираю побольше воздуха в грудь и осмеливаюсь вылезти из «корвета» и направиться к дверям суда. На мое счастье, никто из представителей телевидения, радио и газет не знает, кто я такой.

Я поднимаюсь наверх (ноги мои устают уже после первого лестничного марша), вхожу в управление шерифа. К обычным дежурным сегодня добавилась пара людей, работающих здесь неполное время и вызванных, чтобы помочь в охоте на беглеца. Дейл, заместитель шерифа Оуэн Марш, мужчина в мундире лейтенанта и двое парней в форме полиции штата что-то обсуждают, сидя за круглым столом, на котором расстелена большая карта штата Мэн.

— Алекс, — окликает меня Дейл, пока я наливаю себе кофе. — Иди сюда, я введу тебя в курс дела.

Он указывает на лейтенанта:

— Брюс Уоттс. Это он провел первые два допроса Николаса до того, как я обратился к тебе. Двое других — лейтенант Матесон и сержант Остин, оба из полиции штата. — Все трое кивают мне, а Дейл вглядывается в мое лицо. — Выглядишь ты неважно. Что, таблетки не помогают?

Я качаю головой:

— Таблетки хорошие. Просто ночь выдалась тяжелая, вот и все. Так что у вас пока есть?

Матесон указывает на карту:

— Примерно через час после того, как поднялся шум, мы выставили посты на выездах из города. Оповестили пограничные войска, разослали подробное описание подозреваемого во все полицейские участки штата. Хоултонское управление проводит проверки на дорогах — на случай, если он все еще здесь. Мы доставили на место происшествия — так быстро, как смогли, — полицейского со служебной собакой, однако она потеряла след прямо у тюрьмы. Похоже, он сел в автомобиль, легковой или грузовой. Сейчас группы с поисковыми собаками прочесывают окрестности города.

— Это практически все, что мы можем сделать, не имея никаких следов, — добавляет Уоттс. — Сообщений о похищении автомобилей со времени побега не поступало, так что, если у него есть машина, она либо украдена, но кражу пока не заметили, либо ему кто-то помогает — и в том и в другом случае мы не знаем, где его искать.

Я потираю подбородок и спрашиваю:

— Как ему удалось выбраться из тюрьмы?

— За пару секунд до того, как в тюрьме погасили свет, он вырубил одного из охранников и переоделся в его форму, — отвечает Дейл. — Потом включил пожарную тревогу и, воспользовавшись поднявшейся суматохой, удрал. Что произошло, стало ясно,

только когда провели перекличку заключенных, а к тому времени его уже и след простыл.

— Легко ли было спланировать такой побег? — спрашиваю я.

Оуэн Марш пожимает плечами:

— Режим в окружной тюрьме не такой уж и строгий. Мы не принимаем людей, которые осуждены на срок больше девяти месяцев, поэтому и персонал у нас соответствует контингенту — наши заключенные большой опасности не представляют. Если он видел план здания и знал, как работает система пожарной безопасности, то вполне мог спланировать такой побег.

— А у него имелось несколько дней, в течение которых он только изучением плана тюрьмы и мог заниматься, — резко замечаю я, возмущенный той легкостью, с которой Нику удалось сбежать. — Не удивлюсь, если кто-то из охранников выдал ему в обмен на пару бутылок пива ее поэтажный план.

— Послушайте, мы виноваты в случившемся не больше, чем все прочие, — с обиженным видом отвечает Оуэн.

— Не больше? Тюрьма находится в ведении вашего управления. Я не знаю, кем нужно быть, чтобы позволить подозреваемому в убийстве заключенному выйти из нее по время пожарной тревоги, но если ваши люди настолько глупы, их следует дрочить дважды в неделю.

И я, не желая ввязываться в перепалку, отворачиваюсь от Оуэна. Помощник шерифа отходит к кофейному автомату, а Дейл меняет тему:

— Ты думаешь, он спланировал это заранее?

— А почему бы и нет? Точно так же, как спланировал все остальное. — Я бросаю сердитый взгляд на карту. — Если ему хватило ума заварить всю эту кашу, наверняка возле тюрьмы его поджидала машина. Может быть, его собственная, может быть, чья-то еще. Мне очень жаль, лейтенант Матесон, но ваши дорожные посты его не задержат. Он ушел.

Сотрудник полиции штата насупился.

— Посмотрим, — говорит он, помолчав. И тоже бросает взгляд на карту. — В скором времени начнется патрулирование города с вертолета. Думаю, нам лучше вернуться в штаб-квартиру и подождать — вдруг удастся обнаружить что-нибудь новенькое.

Он кивает Дейлу и уходит вместе с Остином.

— Ты как себя чувствуешь? — спрашивает Дейл. — Уж больно круто ты обошелся с Оуэном и лейтенантом.

— Все нормально. Просто нервы натянуты.

— Думаешь, о Нике мы больше ничего не услышим?

Перед моим мысленным взором проносятся обгорелые развалины «Святого Валентина», темный лес Мэйсон-Вудс и едва различимое женское лицо из медальона.

— Нет, — говорю я Дейлу, — я так не считаю. Я думаю, что он приехал сюда, чтобы покарать людей за их «грехи», а из того, что он говорил мне, вовсе не следует, что дело доведено до конца.

Я мысленно рисую себе огромный лес, разбросанные по нему пустые охотничьи домики. Николас теперь как пресловутая иголка в стоге сена.

— Есть какие-нибудь соображения насчет тех, кого еще он захочет «покарать»?

— Никаких. Мы слишком мало знаем о нем.

— Брюс, — говорит Дейл, — одна из наших машин постоянно должна находиться вблизи Уинтерс-Энда, займись этим. Если он что-либо предпримет, мы должны

отреагировать быстро.

Лейтенант кивает и отходит к одному из дежурных.

Дейл обращается к своему заместителю:

— Оуэн, ты сможешь взять на себя прессу до тех пор, пока Хоултонское управление не сообщит о результатах расследования?

Оуэн отвечает ему с другого конца кабинета:

— Конечно. Когда они намерены сообщить о своих достижениях?

Дейл пожимает плечами:

— Давай дадим им около часа. — Он снова поворачивается ко мне. — Похоже, Ник сильно интересуется тобой. Ты не думаешь, что можешь оказаться одной из намеченных жертв?

— Нет, — отвечаю я. — По крайней мере не сейчас. По моим представлениям, я ему не нравлюсь, однако он относится ко мне как к своего рода исповеднику. И когда он покончит здесь со своими делами, я не удивлюсь, если ему захочется рассказать об этом мне. Правда, ему неизвестен номер моего телефона, так что связаться со мной он вряд ли сможет.

— Однако он знает, что ты остановился в Уинтерс-Энде, — говорит Дейл.

— Но не знает, где именно.

— В городе только один отель, Алекс.

Я пожимаю плечами.

— Какой смысл беспокоиться об этом сейчас? Я сумею постоять за себя.

— Конечно. — Дейл раздувает щеки и смотрит на карту. — Ладно, давай сосредоточимся на поисках Ника.

— Если бы удалось выяснить, почему он приехал сюда, я, возможно, смог бы понять, кто он и где прячется, — говорю я. — Я буду по-прежнему заниматься Гарнером, детским домом и женщиной из медальона. С доктором Валленсом я пока не поговорил, сделаю это сегодня. Об остальных служащих «Святого Валентина» что-нибудь выяснить удалось? С Деборой Пирс я вчера побеседовал.

— Мы пытаемся отыскать их, однако именно сейчас тратить на это много сил и времени не можем.

— Да все нормально, Дейл. Хорошо бы мне просмотреть документы, которые имеются у вас по Гарнеру и «Святому Валентину».

— Ладно, но перед тем как ехать в Уинтерс-Энд, свяжись со мной — просто на всякий случай. Когда масштабы поисков Ника начнут сокращаться, я смогу снова помогать тебе.

— Спасибо, Дейл.

Я встаю, направляюсь к двери, и он говорит мне вслед:

— Не за что, Алекс. И не налегай так на таблетки, ладно? С ними лучше не перебарщивать.

Я провожу пару часов, отыскивая любую информацию, какая имеется в управлении и может быть как-то связана с делом Ника. Работа продвигается медленно, поскольку руководствоваться мне приходится скорее догадками и инстинктом, чем логическими выкладками. Всякий раз, как мне попадается в компьютере или в папках нечто интересное, я распечатываю или копирую соответствующий документ — будет что почитать на досуге. Управление я покидаю уже после часа дня. Поскольку побег Николаса оставил мне только два занятия — листать собранные мной материалы да ждать, когда полиция штата сообщит о

полученных ею результатах, я решаю заглянуть в больницу и поговорить с Джеммой.

Становящееся все более громким урчание в животе напоминает мне, что я ничего не ел со вчерашнего дня. Я покупаю в заведении у рыночной площади бутерброд и съедаю его, стоя на мосту и глядя на водоворотики под ним.

Я думаю о том, что после бегства Ника делать мне здесь, строго говоря, нечего. Однако, едва эта мысль приходит мне в голову, понимаю, что никуда я не уеду. Мой инстинкт, первобытная страсть охотника, твердит, что я должен остаться здесь до конца. А кроме того, у меня есть теперь и вторая причина не уезжать, и как раз в эту минуту эта «причина» возвращается с ланча на работу.

Покончив с бутербродом, я направляюсь к больнице, вхожу в лифт и спускаюсь в подвал. По пути к моргу я никого не встречаю. А подойдя к его двери, стучусь и, приоткрыв ее, просовываю голову в образовавшуюся щель. Джемма сидит с чашкой кофе в руке за рабочим столом и смотрит на лежащую перед нею компьютерную распечатку. Оторвавшись от нее и увидев меня, она улыбается.

— Привет, — говорю я, входя в комнату. — Надеюсь, не помешал?

— У нас тут обычно неотложных дел не бывает, — говорит она.

— Ты слышала о побеге?

— Да, по радио. — Произнося это, Джемма пожимает плечами — то, что Николас вырвался на свободу, ее определенно не пугает. И она меняет тему. — Мне только что звонили патологоанатомы из Огасты.

— Что-нибудь интересное?

— Ничего сверх того, что я уже обнаружила. Останки принадлежат Гарнеру, скорее всего, его закололи ножом. Но ты ведь сюда не за этим пришел, верно?

— Совсем не за этим. Хотел проверить, не изменились ли наши планы на вечер. — Я улыбаюсь. — Ну и на тебя за работой полюбоваться, твой зеленый докторский наряд возбуждает меня.

Джемма смеется высоким, чистым смехом.

— Это нужно будет запомнить. Придешь ко мне в то же время, что вчера?

— Конечно. Куда пойдем?

— Я решила состряпать кое-что дома.

— Превосходно, — говорю я. — Буду в восемь.

Я наклоняюсь к ней и целую ее дважды.

— Когда-нибудь и я сделаю для тебя то же самое. Правда, сначала мне придется научиться готовить.

Она снова смеется, машет мне на прощание, и я ухожу.

Я возвращаюсь в Уинтерс-Энд. Пост полиции штата по-прежнему стоит на местном шоссе, а на одиннадцатом шоссе я миную еще одну пару патрульных машин. Я почти не уделяю им, да и самой дороге внимания, голова моя занята попытками определить возможных соучастников Ника — если предположить, что Гарнера откапывал именно соучастник. И еще один вопрос занимает меня: почему он откопал только руку?

Единственная версия, какую мне удастся выстроить, такова: соучастник, нарушивший могильный покой Гарнера, ограничился всего лишь рукой, поскольку не знал, что откапывает труп. Если так, соучастник Ника был не таким же, как он, убийцей, но человеком куда более обычным. Въезжая в Уинтерс-Энд, я чувствую, что голова у меня

работает сейчас лучше, чем в течение всего этого дня.

Я останавливаю машину и пересекаю Центральную улицу, направляясь к приемной доктора. Центр города почти безлюден, пустая скорлупка, окутанная тишиной и придавленная сверху низкими, плотными тучами. Трудно поверить, что побег заключенного вызвал у местных жителей желание засесть в своих домах, — а они именно это и сделали. Похоже, весь город пребывает на грани нервного срыва. Подойдя к стеклянной двери приемной, я обнаруживаю на ней отпечатанную записку, прилепленную к стеклу изнутри:

ПРИЕМНАЯ ЗАКРЫТА ПО ПРИЧИНЕ БОЛЕЗНИ ДОКТОРА.
НУЖДАЮЩИМСЯ В СРОЧНОЙ МЕДИЦИНСКОЙ ПОМОЩИ СЛЕДУЕТ
ОБРАЩАТЬСЯ В «СКОРУЮ ПОМОЩЬ» ЭШЛЕНДА,
ТЕЛ. 435-6323.

Я вглядываюсь в стекло. За ним темно и пусто. Вернувшись в «корвет», я отыскиваю в своих заметках домашний адрес доктора Валленса.

Дом его стоит всего в паре улиц от того, в котором когда-то жил я. Подъездная дорожка пуста, но я все равно нажимаю на кнопку дверного звонка, нажимаю три раза. Ответа нет. Я поворачиваюсь и иду назад к машине.

И тут звонит мой сотовый. Номер мне неизвестен.

— Алло?

— Как поживаете, мистер Рурк? — Голос Николаса, слегка искаженный линией связи, я узнаю мгновенно.

— Прекрасно, Николас, — отвечаю я, озираясь по сторонам. Сердце мое колотится. — Откуда у вас мой номер?

— С вашей визитной карточки. Спасибо за предупредительность.

На перекрестке в дальнем конце улицы показывается патрульная машина. В мою сторону она не сворачивает. Я стараюсь сохранять спокойствие, держать паранойю в узде. Веди себя рационально, проверь свое ближайшее окружение, пусть Ник продолжает говорить. И надейся на то, что он не сидит с охотничьим ружьем за машиной на другом конце улицы.

— Не за что, — отвечаю я. — Рад, что оказался вам полезным. Я так понимаю, вы хотите мне что-то сказать.

— Возможно, мне просто захотелось узнать, как идут ваши дела, мистер Рурк.

Окна по другую сторону улицы либо пусты, либо затянуты сетчатыми шторами. Я говорю себе, что любое движение, какое я замечаю периферийным зрением, объясняется просто-напросто подрагиванием моих век.

— Почему бы нам с вами не выпить вместе? Вы могли бы рассказать мне все, что хотите.

Уловка старая и очевидная, но я тем не менее прибегаю к ней.

— Все еще пытаетесь найти подходы ко мне? Тогда попробуйте что-нибудь поумнее.

— Почему вы не думаете, что я просто тяну время, чтобы полицейские могли отследить ваш звонок?

Николас хмыкает.

— Никакие полицейские ничего отследить не пытаются. У них пока нет оснований полагать, что мне известен ваш номер.

Улица кажется пустой, однако спокойствия мне это отнюдь не внушает. И все же я не поддаюсь инстинктивному желанию немедленно забраться в свою машину. Сейчас я сохраняю 360-градусный обзор улицы. Укрывшись внутри, я не смогу вовремя заметить человека, который попытается подобраться ко мне, низко пригнувшись, и окажется уязвимым.

— Ну хорошо, теперь у вас есть мой номер и вам хочется извлечь из этого выгоду до того, как мне надоест разговаривать с вами и я отключу телефон, — говорю я.

— Вы уже знаете, как умер Гарнер?

— Его зарезали.

— Зарезали? Это верно, и, полагаю, остальные следы к этому времени успели исчезнуть, — продолжает он.

— То есть вы признаетесь в том, что убили его?

— В общем и целом, да. — Он умолкает, довольный собой — ведь наш разговор не записывается. — Забавно, я провел Ламонд совсем рядом с его могилой.

— Как вы добились того, что на ее коже не осталось частиц травы и листьев?

— Она разделась до того, как мы вылезли из машины. Затем я обернул ее ноги, руки и волосы пакетами, а тело — большим листом полиэтилена. Точно так же я защитил и свою обувь. Когда мы оказались на шоссе, я снял с нее обертку. — Он замолкает на миг. — Странно, что вы не нашли ее. Впрочем, и Гарнера ведь никто так и не нашел. Вы его помните? Вы же посещали мальчиком детский дом.

— Смутно. Кто откапывал тело?

Этот вопрос Николас игнорирует.

— А помните, как Гарнер разговаривал с вашим отцом?

— Кто откапывал тело? — повторяю я. Я и прежде с трудом переваривал его высказывания о моем отце. И говорить о нем не хочу — в частности, потому, что Николас, похоже, знает о моем отце слишком многое.

— Мы с вами не в комнате для допросов, мистер Рурк.

Я решаю сменить тактику:

— Вы меня удивляете, Николас. Обычно в полицию звонят, чтобы похвастаться своими достижениями, лишь самые тупые из убийц. Это вы посылали людям угрожающие письма, после того как подожгли детский дом?

— А зачем бы мне это понадобилось?

— Чтобы запугать их. Чтобы показаться более значительным, чем вы есть на самом деле.

— Жаль, что вы столь низкого мнения обо мне, мистер Рурк. — Никакого удивления я в его голосе не слышу. — Хоть и не могу сказать, что я этого не ожидал.

— Поскольку мне известно, что вы психопат?

— Поскольку вы тот, кто вы есть. По причине вашего прошлого. По причине того, что вы сделали со мной. По причине того, что у нас много общего.

— У нас нет ничего общего, Николас.

— Вы уверены?

Телефон замолкает, оставив меня стоять на тихой, пустынной улице, вслушиваясь в слова убийцы, которые замирают в моем сознании.

В следующее мгновение я смотрю на экран телефона, чтобы запомнить номер, с которого позвонил Ник, и связываюсь с Дейлом.

— Я только что разговаривал с Николасом, — сообщаю я, как только он берет трубку. — Он позвонил мне по мобильному. Ты можешь определить, откуда поступил вызов?

— Господи, Алекс. Откуда у него твой номер?

— По его словам, с моей визитки. Так можешь или не можешь?

— На это уйдет время, — отвечает Дейл, — в течение которого он, скорее всего, это место покинет.

— Да, но мы узнаем кое-что о его перемещениях. — Я диктую номер Ника. — По крайней мере мы будем знать, далеко ли он удрал.

— Конечно. Позвоню, как только что-нибудь выяснится.

— Хорошо. И посмотри, нельзя ли будет переводить звонки, которые пойдут с этого номера на мой телефон, куда-то еще. Не хочется, чтобы он звонил мне всякий раз, как это взбредет ему в голову.

— Сделаю, — говорит Дейл.

Я завершаю вызов, лезу в карман за сигаретой. После разговора с Николасом у меня пропало желание просматривать мои заметки, касающиеся Гарнера, его сотрудников и «Святого Валентина». Он сказал, что, захватив Анджелу Ламонд, провел ее через лес. Возможно, прогулка по свежему воздуху не повредит сейчас и мне.

А может, и повредит, если он прячется в лесу. Впрочем, это тревожит меня гораздо меньше, чем его телефонный звонок. Прозвучавший в трубке голос Ника застал меня врасплох. Что ж, мое появление там, где он, возможно, скрывается, застанет врасплох *его*. Я в последний раз окидываю взглядом пустую улицу и забираюсь в «корвет».

И пару минут спустя сворачиваю на проселок, который врезается в темный Мэйсон-Вудс с его искривленными ветвями. Я заезжаю на первую попавшуюся парковку и некоторое время сижу совершенно неподвижно, ожидая, когда стихнет эхо от урчания двигателя. Вполне возможно, что Николас поджидает меня где-то здесь. На всякий случай я проверяю, при мне ли кольт, и выхожу из машины.

В лесу стоит полная тишина. Не слышно ни ветра, колеблющего ветви, ни птиц, ни насекомых — кажется, что все живые твари попрятались или кто-то заставил их умолкнуть. И пока я бреду к Черному оврагу, единственное, что нарушает безмолвие мертвого воздуха, — это шелест палой листвы под моими ногами.

Добравшись до оврага, я слышу шум потока, усиленный каменными стенами и потому звучащий в этом мертвом безмолвии резко и громко. Серое небо усиливает мрачную атмосферу леса. Внизу я вижу полосы полицейской ленты, помечающие место, где нашли труп Гарнера.

Я спускаюсь на дно оврага и трачу несколько минут на то, чтобы освоиться здесь, под навесом огромной ели, стоящей на его краю. Спуск, сейчас довольно простой, был, наверное, намного труднее в темноте — в ту ночь, когда кто-то откапывал здесь труп.

Внезапно над моей головой что-то начинает стремительно двигаться в кронах деревьев. Я выхватываю кольт из кобуры, резко разворачиваюсь, кровь звенит у меня в ушах. Второй всплеск движения, крик, какой могло бы издать гибнущее животное, и огромный ворон, угольно-черный, вылетает из леса и уходит в небо, мерно взмахивая крыльями.

Все снова стихает, я жду, отрывисто дыша и обшаривая взглядом край оврага. Проходит пара минут, все тихо, и я немного успокаиваюсь.

Теперь я иду вдоль ручья на юг, пока не дохожу до места, где каменистые берега

кончаются и дальше идет лишь влажная земля. Если мои воспоминания верны, скоро должен начаться долгий пологий подъем, который в конце концов выведет на холм Райланда. Окружающий меня лес снова стихает. Только ручей продолжает журчать, мешая мне, потому что его журчание заглушает звуки любого движения. Мне все время кажется, что за мной наблюдают, нет, *вглядываются* в меня. Мой желудок стягивает точно узлом. Возможно, хватит с меня на сегодня пеших прогулок.

Я возвращаюсь к «корвету» и, когда оказываюсь неподалеку от другой лесной парковки, находящейся в конце проселка, снова вижу за деревьями красную «тойоту», стоящую на том же месте, что и вчера. Я проверяю, легко ли мне будет выхватить из кобуры пистолет, и иду подлеском к этой машине.

Выйдя из леса неподалеку от ее багажника, я никого внутри машины не замечаю. Зато замечаю, что паук успел сплести паутину между боковым зеркальцем и кузовом и теперь сидит в ней, поджидая добычу. Я быстро заглядываю под «тойоту», подхожу ближе, готовый пригнуться и отскочить при первом же признаке опасности.

«Тойота» пуста.

Сквозь грязноватое стекло я различаю лишь старое одеяло на заднем сиденье и понимаю, что под ним что-то лежит. Что-то, имеющее неправильную форму и далеко не дотягивающее по размерам до человеческого тела.

Дверца не заперта, и я, быстро оглядевшись вокруг, открываю ее. Наклонившись над одеялом, я приподнимаю один из его углов, затем сдергиваю его, чтобы увидеть то, что скрыто под ним. Одежда. Белая. Плотная хлопчатобумажная блуза, похожая на форменную. С именной табличкой из синей пластмассы.

А. ЛАМОНД, МЕДСЕСТРА.

До появления команды криминалистов проходит больше часа, а еще через полчаса я понимаю, что могу уехать. Пусть теперь они выполняют свою работу — дотошно осматривают «тойоту» и землю вокруг нее. По имеющимся у них сведениям, эту машину угнали в Огасте за несколько дней до убийства Анджелы Ламонд. Когда я захожу за сигаретами в магазин на Центральной улице, небо начинает быстро темнеть. У меня уже почти не остается времени на то, чтобы подготовиться к свиданию. Чтение документов придется отложить.

Я выхожу из магазина и сталкиваюсь с репортером «Бангор дейли ньюс».

— Мистер Рурк! — восклицает он и подскакивает ко мне, точно терьер к хозяину. — Можно задать вам пару вопросов?

— Конечно. Задавайте. Только быстро.

— Этот сбежавший заключенный, Николас. Как вы считаете, возможно ли, что он снова появится там, где его арестовали?

— Это с какой же стати?

Репортер пожимает плечами:

— Если именно он убил и Анджелу Ламонд, и Генри Гарнера, не существует ли риска, что он наметил себе в жертвы и других проживающих здесь людей?

Я отпираю дверцу машины.

— Это уж вы у него спросите — или подыщите себе в консультанты какого-нибудь

психа. Вы задаете вопросы, на которые я ответить не могу.

— Ну хорошо, мистер Рурк, — говорит он, когда я открываю дверцу. — Еще один вопрос, последний. Нас интересует и эмоциональная сторона этой истории. Как сказывается расследование лично на вас?

— Вы, собственно, о чем?

Репортер пожимает плечами.

— Нам известно, что однажды напряжение, связанное с вашей работой, оказалось для вас непосильным, — говорит он. — Не могли бы вы провести сравнение того случая с этим?

— Я не хочу обсуждать эту тему, — отвечаю я и усаживаюсь за руль. Кулаки у меня чешутся, однако я говорю себе, что он не сказал ничего, что позволило бы дать ему в морду. — Не лезьте не в свое дело, черт бы вас побрал.

— Ну перестаньте, мистер Рурк. Такой подход к этой истории очень понравился бы нашим читателям.

— Может быть. Да только в гробу я их видал, ваших читателей. А теперь самое лучшее для вас — убраться отсюда.

Похоже, сказанное мной несколько его не смутило.

— Вы угрожаете мне, помощник Рурк? — удивляется он.

Я молча захопываю дверцу, мысленно ругая себя за то, что вспылал. Не стоил он того, говорю я себе, включая зажигание и направляя машину к удушливым миазмам безмолвия, в которых купается «Краухерст-Лодж».

Время уже к восьми, а я почему-то ощущаю себя еще более издерганным, чем пару часов назад. Разумных причин у этого ощущения нет, тем не менее оно никуда не уходит: легкое напряжение каждой мышцы, натянутость каждого нерва. Остается только надеяться, что вечер, проведенный в обществе Джеммы, прогонит его.

Как и в прошлый раз, она открывает дверь, не дав стихнуть звонку. Сегодня на Джемме хлопковая блузка и синие брюки в обтяжку — и то и другое подчеркивает гибкость ее тела. Она целует меня, вешает мою куртку на крючок, проводит в гостиную. Дом ее чист и опрятен, и, как и в моей квартире, здесь явственно отдает одиночеством. Разного рода мелочи, обычно накапливающиеся у супружеских пар за годы совместной жизни, — фотографии, сувениры, подарки — в нем отсутствуют.

Я прохожу следом за Джеммой на кухню и ставлю на разделочный стол, рядом с миской салата, бутылку вина — хорошего, как я надеюсь.

— Как ты догадался, что потребуется именно красное? — спрашивает она, заглядывая в духовку. Оттуда вырываются ароматы розмарина и чеснока.

— Ну, вообще-то я едва не купил и белое тоже, но решил, что ты подумаешь, будто я склонен к излишествам. Что там, в духовке?

— Жареный барашек по-итальянски. Ты ведь любишь баранину, правда?

— Люблю, — отвечаю я. — А запах какой!

Мы выпиваем по бокалу вина, болтаем о том о сем — разговор наш начинается с того места, на котором мы прервали его вчера. Я замечаю в сушилке кофейную чашку с эмблемой «Патриотов».

— Не знал, что ты поклонница футбола, — говорю я.

— А, ты о чашке. Не такая уж и поклонница. Чашку мне подарили. А ты любишь футбол?

— Расследовал как-то раз дело, связанное с обслуживающим персоналом бостонской команды, и получил за это пару дармовых билетов. Но до конца игры досидеть не смог.

Джемма протягивает мне тарелки, вглядывается в мое лицо, — похоже, ее насторожила резкость, с которой я произнес последнюю фразу.

— Все-таки, — говорит она, — иметь в послужном списке такое расследование, наверное, хорошо. В Бостоне оно, должно быть, получило широкую огласку.

— Широкая огласка — это не такая уж и радость. Чертовы репортеры. — Я рассказываю о моем разговоре с малым из «Бангор дейли ньюс», о намеке, который он себе позволил. От одной только мысли о нем я закипаю, меня бросает в жар, кожу начинает покалывать, точно иголочками. — Фактически он сказал, что я не выдерживаю напряжения и, того и гляди, сломаюсь. Сукин сын!

— Такая у него работа. Да не так уж и много он сказал.

— Ну, сейчас оно, может, так и выглядит, но в ту минуту ощущалось совсем иначе. Сволочь!

Джемма пожимает плечами, резкая смена моего настроения явно удивляет ее.

— Скорее всего, он не имел в виду ничего дурного.

— По-моему, они просто не понимают, что это такое! — Я, уже утратив способность сдерживать гнев, едва не срываюсь на крик. — Я по несколько часов кряду общался с психопатом. После приезда сюда я тратил все свободное время на чтение полицейских рапортов и отчетов. Затем мой подозреваемый сбегает прямо у них из-под носа, и все они смотрят на меня так, точно это моя вина. И не устают повторять, что я, похоже, сломался. Если бы они не грызли мне спину и оставили, к чертям собачьим, в покое, все было бы хорошо.

— Они просто встревожены. А ты выглядишь немного...

— Немного что? И ты начинаешь петь ту же песню? Вот и Дейл приставал сегодня ко мне, твердил, что мне не стоит принимать лекарства. Как будто он что-нибудь в этом понимает!

Взгляд Джеммы становится растерянным:

— Алекс, что с тобой? Я всего лишь сказала, что мне тревожно за тебя. Прости, если тебе это неприятно.

— Тревожно за меня? Это почему же? Ты думаешь, со мной что-то неладно? Встаешь на их сторону, так, что ли?

— Вообще-то да, — отвечает Джемма. — Слышал бы ты себя сейчас!

— А, тебе не нравится то, что я говорю?

— Мне не нравится, *как* ты это говоришь! — быстро-быстро моргая, отвечает она.

Я вижу, что она озадачена и испугана, но мне на это уже наплевать.

— А как, по-твоему, я должен говорить? Покажи, я послушаю, — рычу я.

— Алекс, перестань.

— Перестать? Да, конечно, почему бы и нет? Перестать тревожить тебя, чтобы ты перестала меня доставать. Хватит с меня твоей чуткости и заботы! Спасибо за прекрасный вечер! Всего наилучшего!

С этими словами я вылетаю из ее дома, оставив позади сбитую с толку женщину со слезами на глазах, женщину, которую я обидел до глубины души, уж в этом я нисколько не сомневаюсь. Когда я добегаю до конца подъездной дорожки, приступ безумия заканчивается. Я прислоняюсь к машине, утыкаюсь лбом в ее крышу и пытаюсь понять, что

за чертовщина на меня накатила. Мне следует вернуться в дом и извиниться. Но поверит ли она в искренность моих извинений? И кому от них станет легче?

Я забираюсь в машину, сообразив при этом, что моя куртка осталась висеть в прихожей Джеммы. На мне одна лишь рубашка с короткими рукавами, мне холодно, но, пожалуй, это самое малое, чего я заслуживаю. Я бросаю последний взгляд на ее дом, включаю мотор и уезжаю.

К одиннадцати я успеваю не только вернуться в Уинтерс-Энд, но и бросить машину у отеля и сейчас нахожусь в баре «У Ларри» на северной окраине города — это излюбленное место дальнбойщиков и рабочих, отправляющихся на заготовку леса. Я провел здесь уже два часа, понемногу напиваясь, пытаюсь смыть спиртным то, что вызвало эту бурю у Джеммы. И мне захотелось поиграть в бильярд, вдруг это позволит умерить мою агрессивность. И захотелось подраться с парой дальнбойщиков, чтобы они вышибли из меня дух вместе со всякой дрянью.

Первый и второй шаги успешно завершены. К осуществлению третьего я приступаю, когда, вернувшись из уборной, вижу, что мой табурет у стойки бара занял здоровенный, потный мужик в клетчатой рубашке и джинсах, в штанины которых легко вошло бы по дереву. Позже я сообразил, что мог бы выбрать в качестве вступительной реплики нечто более тактичное:

— Убери задницу с моего табурета.

Мог бы, да не выбрал.

Мужик медленно поворачивается, чтобы взглянуть на меня. Темные волосы, редющие на висках. Потные, покрытые щетиной щеки, свисающие по сторонам от подбородка. Им вторит, свисая поверх поясного ремня, живот.

— Что? — скорее хрюкает, чем произносит он. За его спиной я вижу у бильярдного стола двух парней, явно проявляющих интерес к нашей беседе.

Я наклоняюсь, пошатнувшись, к уху толстяка и говорю, намного громче:

— Убери свою поганую задницу с моего табурета!

Мужик встает. Он на пару дюймов ниже меня, но обладает несомненным весовым превосходством.

— У тебя слишком большой рот, приятель.

— Твоя задница в два раза больше. Ты чем зарабатываешь на жизнь — пышки в пекарне дегустируешь?

Дружки толстяка подходят и встают по бокам от него.

— По-моему, ты перебрал, — сообщает один из них, тот, что потоньше, прихвативший с собой бильярдный кий.

— Ага, иди подыши свежим воздухом, — говорит номер три.

Сквозь клубящийся в моих глазах туман я различаю, что наш квартет уже стал центром всеобщего внимания. Справа от меня бармен склоняется над стойкой и говорит:

— Хватит, приятель. Иди отсюда и проспись.

Я не двигаюсь с места, и он начинает обходить стойку, чтобы вышвырнуть меня из бара. Но я не свожу глаз с трех клоунов.

— Ну, давайте! Чего вы ждете? — рычу я.

И в то мгновение, когда они, похоже, решают, что моя показная храбрость не составляет повода для беспокойства, с другого конца бара доносится крик:

— Управление шерифа! Кончайте, ребята, или каждый из вас заночует в камере!

Все замирают, и сквозь толпу завсегдаев бара проталкивается Дейл.

— Полегче, Алекс, — говорит он мне. Потом поворачивается к прочей публике и рявкает: — Все, расходитесь. У вас что, выпивка закончилась?

Я вздыхаю:

— Привет, Дейл. Откуда ты взялся?

Мы садимся за столик, заказываем по пиву. Бармен колеблется, он не уверен, что мне стоит пить еще, однако Дейл кивает ему.

Он делает большой глоток «Будвайзера».

— Мне позвонила Джемма Ларсон. Сказала, что ты как-то странно себя ведешь. Попросила найти тебя. Я заглянул в отель, в «Лесопилку», потом приехал сюда.

Я проглатываю сразу четверть бутылки, верчу ее в руках, рассматриваю игру света в стекле. Верчу, верчу. И наконец жалость к себе берет во мне верх над гневом.

— Я все испортил, Дейл. Как обычно.

Дейл на мгновение задумывается, снова отпивает пива.

— Если ты и испортил что-то, так не больше, чем каждый из нас. И ты уже не старшеклассник, значит, сможешь сам во всем разобраться. Отправляйся домой, выспись, а завтра обдумай все на ясную голову.

— Я не смогу заснуть. Оставил таблетки в куртке.

Дейл поднимает меня на ноги:

— Хочешь верь, хочешь не верь, но галлон-другой пива ничем не хуже любого снотворного. Пошли. Я подвезу тебя до гостиницы.

Глава 8

Когда я наконец валюсь в постель, сон приходит ко мне быстро, но оказывается гостем неусидчивым и каким-то раздробленным. И пока длится ночь и действие спиртного ослабевает, промежутки бодрствования становятся все более резко выраженными и неприятными.

Во время одного слишком короткого периода забытья я обнаруживаю, что стою в коридоре «Святого Валентина» и пытаюсь проморгаться, потому что знакомое мне заросшее плесенью и заброшенное настоящее оказывается полупрозрачным и сквозь него проступают, подобно жутковатому второму слою кожи, яркие краски стен и чистого линолеума прошлого.

Высокие и пронзительные детские голоса, хихиканье и смех легким эхом отдаются от стен. Я иду по коридору к открытой двери. За ней на пыльном полу игровой комнаты стоят на коленях двое мальчишек, увлеченных какой-то игрой. От меня до них рукой подать, и тем не менее мне не удается расслышать, что они говорят. Я подхожу поближе, однако их слова сливаются в невнятный гомон.

И тут я вижу в руках одного мальчика два маленьких ножичка, а в руке другого игрушечный пистолет. Между ними возвышается на полу стопка фотографий, уложенных лицевой стороной вниз, мальчишки по одной переворачивают их и каждый старается первым проколоть или прострелить человека или пейзаж, изображенный на ней. Фотографии черно-белые, различить, что на них снято, мне трудно, поэтому я нагибаюсь и подбираю одну.

Снят на ней я. Мальчишки поднимают головы и смотрят на меня, эти глаза мне хорошо знакомы. Одни темно-синие, как у Николаса. Другие — мои.

— Бах, — выпаливает мальчик с игрушечным пистолетом, наставив его на меня.

Синеглазый улыбается и вонзает ножички мне в живот.

Проснувшись, я обнаруживаю, что ночь доплелась до половины шестого утра. За окном светает. Я чувствую себя усталым, но вовсе не сонным. Во рту сухо и липко — это результат вчерашнего загула, но хорошо, хоть похмелья нет. Я иду в уборную, потом принимаю душ, чищу зубы, а следующий час или два провожу, сидя со стаканом воды в руке перед телевизором.

Я проглатываю в одиночестве очередной завтрак и выхожу из безлюдного отеля, потирая поочередно усталые глаза и затекшую шею. Сажусь в «корвет» и еду к приемной доктора, однако там меня встречает та же, что и вчера, записка. Я звоню на домашний телефон доктора Валленса, но попадаю всего лишь на голосовую почту, так что выбор у меня остается только один — снова ехать к его дому.

Здание выглядит в точности как вчера. Я дважды нажимаю на кнопку дверного звонка, затем подхожу к окну гостиной и, прижав к стеклу сложенные горкой ладони, пытаюсь разглядеть, что там внутри. Там все спокойно. На столе — кофейная чашка и недоеденный бутерброд.

Я иду вокруг дома, прохожу сквозь железную калитку с визжащими петлями в маленький задний дворик. Стучу в дверь, в окно кухни, даже выкрикиваю несколько раз имя Валленса, но все безрезультатно. Я возвращаюсь к парадной двери, звоню снова и, снова не получив ответа, берусь за дверную ручку. Дверь не заперта.

— Доктор Валленс! — кричу я. — Управление шерифа. Есть кто-нибудь в доме?

Молчание. Мои пальцы инстинктивно тянутся к пистолету — в поисках поддержки. Пистолет они находят, однако я оставляю его в кобуре. Нет смысла пугать до полусмерти доктора, особенно если он лежит в постели с гриппом.

Я осторожно ступаю на кремовый ковер прихожей. В дальнем конце коридора виднеется кухня. Возле лестницы на второй этаж — дверь гостиной, открытая, к ней я первым делом и направляюсь. Гостиная выглядит безжизненной, я прикасаюсь к кофейной чашке, проверяя, сохранила ли она какие-либо остатки тепла. Нет, не сохранила. Я перехожу в кухню, очень чистенькую, затем возвращаюсь к лестнице — на цыпочках, точно квартирный вор.

Поднявшись по ней, я останавливаюсь. Впереди — распахнутая дверь ванной комнаты. Слева две другие, тоже распахнутые. Одна из них ведет в пустую спальню. Вторая — в кабинет, надо полагать, доктора Валленса. Я вижу два деревянных книжных шкафа, полки, заставленные фотографиями и сувенирами, письменный стол с бумагами и компьютерным оборудованием, и мертвого доктора Валленса. Он уткнулся лицом в стол, под ним — веером засохшая лужа крови. Проверять его пульс бессмысленно, я понимаю: он мертв, и не похоже, что смерть его наступила совсем недавно.

Я звоню Дейлу.

— Алекс, а я как раз собирался связаться с тобой, — говорит он. — Мы установили место, из которого звонил тебе Николас.

— Это прекрасно, Дейл. Но у меня тут еще один труп.

Я слышу, как он с шипением втягивает в себя воздух — сквозь зубы. И оглядываюсь, на случай, если шипение это исходит все-таки не из телефонной трубки. Нет, я здесь один.

— Чей? — спрашивает Дейл.

— Доктора Валленса. Я в его доме. Оттуда, где я стою, многого не разглядишь, но, похоже, ему перерезали горло.

— Думаю, ты прав. Телефонная компания установила, что Николас звонил из дома Валленса. Какие-нибудь признаки его пребывания в доме имеются?

— Ты хочешь сказать, кроме трупа?

Я вспоминаю, как разговаривал с Ником, оглядывая улицу сквозь дымку бессознательного бреда. Скорее всего, он наблюдал за мной из окна первого этажа в доме Валленса, пока тело самого доктора медленно остывало наверху. От этой мысли по моим нервам пробегает щекотная дрожь. Если бы я заметил что-то неладное, Николас, вероятно, сидел бы сейчас в тюрьме. А доктор Валленс был бы, вероятно, жив.

— Дом выглядит пустым, — говорю я Дейлу. И пытаюсь понять, действительно ли я в это верю. — И не похоже, что Ник возвращался сюда после телефонного звонка.

— Ладно, оставайся на месте, я пришлю людей. Криминалисты подъедут через час с небольшим.

Я закрываю крышку телефона, разглядываю бумаги на столе. На первый взгляд это документы — последние, какие читал в своей жизни или с какими работал Валленс.

Однако я замечаю, что все бумаги развернуты в мою сторону, не в его. И, желая понять, что означает эта странность, подхожу ближе.

Я вижу раскрытый журнал регистрации случайных телесных повреждений, страницы его украшены эмблемой «Святого Валентина» и подписями доктора Валленса. Возможно, он хранился у доктора — или его похитил поджигавший детский дом Ник. Рядом с ним лежат

распечатки выписанных доктором рецептов и копии документов, направившихся фармацевту. И банковские отчеты, касающиеся по меньшей мере двух счетов, открытых на имя Валленса.

Снизу доносится голос:

— Помощник Рурк? Это сержант Эллиот.

— Сейчас спущусь, — отвечаю я.

Когда я, ни к чему не прикоснувшись, отхожу от стола, мне попадает на глаза фотография на полочке над столом. На фотографии изображен доктор Валленс, он стоит посреди какого-то леса рядом с Генри Гарнером и коротышкой с редующими волосами. Все трое — в куртках, вышедших из моды лет тридцать назад, все широко улыбаются. Коротышка с гордостью демонстрирует объективу крупную рыбину. На рамке табличка: «Наша банда на озере Клэй — добыча Джоша».

Лицо коротышки кажется мне знакомым, и я говорю себе, что нужно будет, когда криминалисты закончат здесь работу, взять с собой копию этого снимка.

Внизу меня ждет у джипа здоровенный парень в форме сержанта.

— Что там? — спрашивает он, когда я подхожу к нему.

— Убитый наверху, в кабинете. Судя по всему, ему перерезали горло. Вы осмотрели двор дома?

— Джек как раз этим сейчас и занимается.

Я направляюсь к «корвету» и просматриваю скопированные вчера полицейские документы, касающиеся Гарнера, — я надеюсь найти в них фотографию коротышки. Полистав бумаги пару минут, я обнаруживаю нечто похожее, хоть и куда более старое — нечеткий снимок, взятый из газеты десятилетней давности. Подпись под ним гласит, что это Джошуа Стерн, секретарь городского совета Уинтерс-Энда. Я совершенно уверен, что обнаружил новую ниточку.

— Я еду в Хоултон, в управление, — говорю я сержанту Эллиоту. — Нужно кое-что проверить. Если понадобится, у Дейла есть мой номер.

Еду я так быстро, насколько это возможно, и все время думаю о фотографии. Все, кто изображен на ней, уже мертвы, причем двое убиты, а Стерн погиб в автомобильной катастрофе. Необходимо узнать о нем побольше.

Приехав в управление, я иду в архив и нахожу там четырехлетней давности папку с документами, касающимися той аварии. Среди них имеется и фотография почетче, позволяющая с уверенностью сказать, что это тот самый человек, который изображен на снимке, стоящем на полке в кабинете Валленса.

Стерн ехал домой из Преск-Айла, где встречался со старыми друзьями, его машину занесло на заснеженной дороге, она пробила дорожное ограждение и, слетев под откос на двадцать футов, врезалась в дерево. Официальная причина смерти — массивное повреждение черепа. Никаких механических неисправностей в машине не обнаружили, поэтому следствие пришло к выводу, что Стерн заснул за рулем. Несчастный случай на дороге, в зимнее время такое не редкость. Однако перед моим мысленным взором встает совсем другая картина. Свет фар Стерна выхватывает из темноты машину у обочины, судя по всему, у нее отказал двигатель. Ее водитель машет Стерну рукой, прося о помощи. Стерн останавливается, и водитель проламывает ему голову. Затем усаживает убитого за руль, вдавливая его ступню в педаль газа, и машина Стерна, набрав скорость, летит вниз, к деревьям.

Я несколько раз мысленно проигрываю эту сцену с начала и до конца, и человек, остановивший Стерна, превращается в Николаса.

— Дейл, это Алекс. Что нового по Валленсу?

— Криминалисты работают в доме, медэксперт уже уехала. Похоже, он умер от единственного удара ножом, рассекшего ему горло. Мы нашли в доме по меньшей мере два набора слабых отпечатков пальцев, которые можно идентифицировать, и еще кое-что полезное, включая обувь Валленса.

— А что насчет обуви?

— Подошва правого полуботинка Валленса совпадает с отпечатком, найденным там, где откапывали труп Гарнера. В гараже валяется лопата, на которой еще сохранилась земля. Мы отправили ее на анализ.

— Стало быть, Валленс и был соучастником Николаса? — говорю я, плечом прижимая трубку к уху, чтобы взять чашку кофе со стола, за которым сижу. — Так вот почему его машины не видно возле дома!

— Похоже на то. И ключей от нее в доме нет. Я объявил ее в розыск. Возможно, это поможет полиции штата найти Ника.

— Но пока не помогло?

— Пока нет. Есть и еще кое-что. В спальне Валленса висят, среди прочего, две фотографии Анджелы Ламонд. Судя по всему, они тайно встречались.

— Значит, это он подарил Анджеле розу? Но зачем было делать из этого тайну?

— Не знаю. Может, им так больше нравилось. И возможно, Ник убил ее, чтобы припугнуть доктора.

Я слышу в трубке шелест ветерка — Дейл выходит из дома.

— Ты видел, когда был в доме Валленса, бумаги на его столе?

— Мельком. Похоже, их оставили специально для нас.

— Да, я тоже так думаю. Там есть кое-что интересное. Наши ребята роются сейчас в его компьютере, пытаются найти дополнительную информацию.

— Так что вы обнаружили?

— Судя по всему, доктор брал с людей деньги за рецепты, по которым они приобретали в аптеке наркотические средства. У него имелось несколько постоянных клиентов — достаточно, чтобы получить солидную прибавку к жалованью. Сдается также, он получал деньги и от «Святого Валентина», вероятно, за то, что закрывал глаза на жестокое обращение с некоторыми из детей.

— Если Ник знал об этом, он мог, шантажируя Валленса, сделать из него соучастника. Что-нибудь еще?

Дейл недолгое время молчит, я слышу, как он на миг задерживает дыхание.

— Есть кое-что, — наконец говорит он, — но об этом тебе лучше услышать не от меня. Ты разговаривал сегодня с доктором Ларсон? Ну то есть пытался хоть как-то наладить с ней отношения?

— Пока что нет. Занят был, да к тому же думал, что она работает на месте преступления, — отвечаю я.

Помимо всего прочего, я просто-напросто боюсь, что она захлопнет дверь перед моей физиономией, и правильно сделает, однако признаваться в этом Дейлу мне не хочется.

— Загляни в больницу, поговори с ней. Она тебе кое-что объяснит.

Я раздуваю щеки, потом говорю:

— Как скажешь. Да, и спасибо за то, что вытащил меня вчера вечером из передраги. Не знаю, что на меня нашло.

— На этот счет не волнуйся. Такое со всяким может случиться. Ладно, до встречи, — и он дает отбой.

Некоторое время я набираюсь храбрости, потом еду в больницу. К счастью, кроме Джеммы, никого в ее подвальном кабинете нет. Я стучусь в дверь, вхожу. Она смотрит на меня не улыбаясь, зеленые глаза ее непроницаемы.

— Привет, — робко произношу я. — Мы можем поговорить?

— Я боялась, что ты больше не захочешь разговаривать со мной, — отвечает она. В ее интонациях отсутствует даже намек на желание упрекнуть меня. Хороший признак, во всяком случае, я надеюсь, что хороший.

— Ничего подобного. — И, поскольку я нервничаю, начинаю тараторить: — Мне очень стыдно за то, что я наделал и наговорил вчера вечером. Я обидел тебя, изгадил прекрасный вечер, который мог провести в обществе дорогой мне женщины. Я понимаю, ты наверняка считаешь меня козлом, но хочу, чтобы ты знала, что я сам себе противен, и хочу спросить, не дашь ли ты мне еще один шанс?

Джемма почти час, так мне кажется, молча смотрит на меня. Потом отводит взгляд в сторону, и выражение ее лица смягчается.

— Я не считаю тебя козлом, Алекс, — говорит она. — Во всяком случае, пока.

Меня окатывает волна облегчения.

— И по-моему, я знаю, что на тебя нашло вчера вечером, — продолжает она. — Ты ведь давно уже принимаешь средства от бессонницы, так?

— Да, не один год. По временам бросаю, потом начинаю принимать снова.

Она снимает со стола пузырек с таблетками, оставленный мной в куртке. Сама куртка лежит в углу кабинета, на лабораторном столе.

— И вот это ты принимал по назначению врача?

— По две таблетки на ночь, как написано на пузырьке. — Кажется, я начинаю понимать, в чем дело. — Доктор Валленс поговорил с моим бостонским врачом и выписал мне рецепт.

Джемма смотрит мне в глаза, словно пытаюсь разглядеть что-то, находящееся внутри меня.

— Как ты себя чувствуешь сейчас, вот в эту минуту?

— Да вроде ничего. С таблетками что-то не так? Мне от них хорошо спалось.

— Когда люди из управления шерифа просматривали сегодня утром бумаги доктора Валленса, они обнаружили в книге регистрации выписанных рецептов твое имя, — говорит Джемма, снова отводя взгляд в сторону. — Из посвященной тебе записи вроде бы следовало, что на обороте твоего рецепта он написал несколько слов, попросив аптекаря выдать тебе другое лекарство, не то, которое указывалось в рецепте. Я сказала, что твоя куртка с таблетками у меня, и шериф Тауншенд попросил нашу больничную лабораторию произвести их анализ.

Взгляд Джеммы вновь устремлен на меня.

— Лекарство, которое ты принимал, называется триазолам. Раньше его использовали для лечения бессонницы, однако оно давало побочные эффекты, особенно сильные в случае приема двукратной дозы.

— Двукратной? И что это за эффекты?

— Психотическое поведение, нарастающая раздражительность, — отвечает она. — На пузырьке написано, что в нем содержатся таблетки лоразепама. Но на самом деле ты принимал двойные дозы гораздо более сильного средства.

— Неприятно, — говорю я, хотя мне хочется вернуть кое-что покрепче.

Джемма кивает:

— Ты прав. Кто-то постарался, чтобы ты принимал чрезмерную дозу, которая могла либо убить тебя, либо превратить тебя, как полицейского, в пустое место. Тебе еще повезло, что побочные эффекты не привели к чему-то похуже тех выходов, которые я наблюдала вчера вечером.

— Ну, вообще-то мне снились довольно странные сны.

— Сны?

— А к ним добавилась парочка галлюцинаций. Я думал, что иду прямым ходом к новому нервному срыву, — со смущенной улыбкой добавляю я.

Глаза Джеммы немного расширяются:

— Галлюцинации?

— Ничего особенно страшного, уверяю тебя. Слушай, я же оправлюсь от этой дряни, так? Я к тому, что она не разжижает мозги, не убивает печень, ничего такого, верно?

Она улыбается, на щеках ее появляются ямочки:

— Жить будешь.

— Ну и хорошо. И ты ведь не считаешь меня идиотом, верно?

Пока я произношу эти слова, мою память вдруг овеивает ветерок неуверенности в себе. Происходило ли все это со мной из-за лекарства или обошлось и без него? Снились ли мне странные сны, являлись ли видения еще до моего визита к доктору Валленсу?

— Нет, — говорит Джемма, — идиотом я тебя не считаю.

Я тоже улыбаюсь.

— Знаешь, — говорю я, — услышать это от тебя — большое облегчение. Все здесь страшно осложнилось. И мне бы не хотелось потерять то единственно хорошее, что я нашел, приехав в Уинтерс-Энд. И еще...

— Да?

Я продолжаю, испытывая робость:

— Ты ведь, наверное, занята сегодня вечером, так? А то мы могли бы попробовать встретиться снова.

Джемма отвечает мне поцелуем, легким, но долгим прикосновением к моим губам, оставляющим ощущение сладости, сахарной ваты. Когда мы разрываем объятия, она говорит:

— Снова в восемь?

— Я не могу просить, чтобы ты стояла из-за меня у плиты два вечера подряд.

— Мы закажем по телефону пиццу.

Я возвращаюсь в Уинтерс-Энд, намереваясь поспать пару часов, а потом приготовиться к свиданию с Джеммой. Заехав на парковку «Краухерст-Лоджа», я с минуту сижу, не снимая рук с руля и перебирая в усталом уме то, что узнал сегодня. А после прохожу в фойе, как всегда, пустое. Удивляет меня не это — дверь моего номера оказывается незапертой. Надо полагать, в нем сейчас трудится уборщица.

Я вхожу в номер. Телевизор включен и показывает один из музыкальных каналов, а на

моей кровати лежит, прислонясь к ее спинке и согнув ноги в коленях, Софи Донеган с пультом телевизора в ладони.

— Привет, — говорит она, не оглянувшись. — Я назвалась тому малому за стойкой вашей знакомой, и он пропустил меня сюда.

— Вам сильно повезло. Я с тех пор, как поселился здесь, так никого за стойкой и не увидел. — Я не собирался произносить это полным подозрительности тоном, но именно так и произнес.

Софи всего лишь пожимает плечами.

— Ладно. Я заглянула в список постояльцев и сняла с доски за стойкой запасной ключ, — говорит она спокойно и безразлично. — Ничего страшного. Когда буду уходить, верну его на место.

— И это оставляет нас всего с одним вопросом: что вы здесь делаете?

— Я слышала о докторе и о трупе, который нашли в Мэйсон-Вудсе.

Я согласно киваю, однако цель ее прихода мне по-прежнему непонятна.

— И что же?

— Я подумала — а вдруг то, что я знаю, сможет вам помочь. Я только потому и пришла.

— Хорошо, извините. — Я присаживаюсь на край кровати. — Так что вы знаете?

Софи распрямляет ноги, так что коленки ее перестают меня отвлекать.

— Я кое-что вспомнила насчет детского дома. Кое-что необычное, понимаете? Это произошло как раз перед тем, как меня из него забрали. Я была в спальне, которая находилась неподалеку от одного из кабинетов наших начальников. — Взор ее устремлен куда-то вдаль, в страну воспоминаний. — Уже была ночь, но я не могла заснуть, потому что простудилась и у меня болело горло. Я услышала мужской голос, крик, приглушенный из-за того, что дверь была толстая. Потом другой голос, не такой громкий, он что-то ответил. Я выбралась из постели, чуть-чуть приоткрыла дверь. В одной из комнат, дальше по коридору, горел свет, и голоса я теперь слышала яснее. Мужчина кричал, я так поняла, на кого-то из старших мальчиков, а тот отвечал, но, правда, я не слышала что. Голос мужчины звучал все громче, потом мальчик что-то сказал, совсем негромко, и стало тихо. А потом мальчик заревел. Рев продолжался и продолжался, мальчик рыдал все сильнее, пока я наконец не заснула. Такие звуки, особенно когда слышишь их в большом старом доме, забыть невозможно.

Достаточно интересно, однако особой ценности не представляет.

— Какое отношение это имеет к нашему делу? — спрашиваю я.

— Вы интересовались, не помню ли я чего о старших детях, — отвечает, пожимая плечами, Софи. — В общем, весь следующий день кабинет медсестры был закрыт, она там кого-то лечила. И лекарства для моего горла я получить не смогла.

Похоже, это все.

— Спасибо, что рассказали об этом, Софи, — говорю я. — Если вспомните что-нибудь еще, звоните.

— Конечно.

Софи спускает ноги с кровати, встает.

— И спасибо вам, что выслушали, Алекс, — говорит она, направляясь к двери. — Тут ведь большинство считает меня чокнутой.

— Мне это чувство знакомо.

Она оборачивается ко мне, вглядывается в мое лицо:

— Вы какой-то усталый.

— Работаю много, вот и все.

— Ладно. — Софи пожимает плечами, а потом вдруг тянется ко мне, крепко целует в губы и, лукаво улыбаясь, уходит, помахав на прощание ладошкой.

Я закрываю за ней дверь, однако перед тем, как повалиться на кровать и насладиться заслуженным отдыхом, пододвигаю к себе коробку с вещами, которые отец оставил у Бена Андерсона. Фотография из кабинета Валленса навела меня на одну мысль, а единственное, что поможет проверить ее, — это пачка фотографий, лежащая среди отцовских вещей.

Я развязываю желтую тесемку и раскладываю фотографии вокруг себя в надежде, что нужные сразу бросятся мне в глаза. И минуту спустя отбираю два снимка.

Первый привлекает мое внимание тем, что я не знаю снятого на нем человека. Точнее сказать, мальчика лет пяти-шести, глядящего в объектив камеры широко раскрытыми, испуганными глазами. На втором присутствует одетый для рыбалки отец, за спиной его тянется вереница деревьев и блестит озеро — точь-в-точь как на снимке из кабинета Валленса. Рядом с отцом стоят Генри Гарнер и сам доктор. На обороте карандашом написано: *«Озеро Клэй, большая добыча Джоша (его черед фотографировать)»*.

Я вглядываюсь в лица этих людей, и у меня начинает покалывать кожу. Все они уже мертвы и двое из них почти наверняка убиты Ником. А третий — мой отец — тоже его жертва? И именно поэтому Ник так много знает о нем и об обстоятельствах его смерти?

Перед тем как снова убрать все в коробку, я приподнимаю две последние оставшиеся в ней вещи и обнаруживаю под ними пожелтевший от старости листок бумаги, на котором значится название «Святого Валентина» и его эмблема.

Некоторые из учителей Мэтью жалуются на его поведение. Открытые попытки сорвать урок за ним не числятся, однако, по их докладным, он несколько раз отказывался выполнять домашние задания, а на уроках уделяет им мало внимания или не уделяет никакого.

Возможно, нам придется перевести его в другую школу. Наш персонал делает все возможное, чтобы привить ему представления о дисциплине, и внимательно наблюдает за ним — на случай, если его поведение является симптомом чего-то более серьезного.

Под запиской стоит подпись: «Генри». Я затрудняюсь понять, как она оказалась среди вещей моего отца. Возможно, он оказывал «Святому Валентину» какие-то юридические услуги, не знаю, однако я чувствую, что кожа моих ладоней туго натягивается, что их снова начинает покалывать. Перед моими глазами пляшут лица с фотографии на рыбалке. Мертвый Гарнер на дне Черного оврага. Стерн среди обломков машины. Валленс, уронивший голову на письменный стол своего кабинета. Мой отец с залитым кровью лбом на пассажирском сиденье рядом со мной. И женщина из медальона...

«Женщина, чья фотография находится в медальоне, — жертва преступления, которое долгое время оставалось безнаказанным...»

Что же они сделали, эти четверо, — убили ее?

Я отметаю эту мысль, едва она приходит мне в голову. Отец был настолько далек от убийства, насколько это вообще возможно. У него, как и у любого были свои недостатки, однако преступником он не был.

И это оставляет меня практически ни с чем. Мне необходимо узнать, кем была женщина из медальона, но для этого нужен Николас. Я набираю на моем сотовом номер того, с которого он звонил мне, однако получаю автоматическое сообщение: абонент недоступен.

Я ложусь, фотография троих мужчин стоит перед моими глазами вместе с фотографией неизвестной женщины. Она словно парит в воздухе, недосыгаемая, — широко раскрытые, доверчивые глаза, улыбка сильного, но почему-то не уверенного в себе человека. И в ее лице проступает нечто знакомое. Скулы. Разрез глаз.

Сходство, и настолько сильное, что я почти готов поверить: это семейное сходство с мальчиком, фотографию которого отец оставил на чердаке Бена.

Еще один вечер, еще один взгляд на часы, еще одно нажатие на кнопку дверного звонка. В моих влажных от волнения ладонях еще один букет и еще одна бутылка вина.

На этот раз Джемма заставляет меня простоять на ступеньках чуть дольше. На ней облегающая черная блузка, резко контрастирующая с ее светлыми волосами, и такая же черная юбка.

Мы, как и было задумано, заказываем пиццу. После того как ее доставляют, мы лежим на диване — я обнимаю Джемму рукой, она прижимается ко мне, — смотрим «Ганнибала», едим пиццу, запивая ее вином. И на середине фильма теряем интерес к нему, все наше внимание обращается исключительно на нас самих. Мы любим друг друга, медленно и ласково, тела наши сплетаются нежно, но страстно. А после любим еще раз, уже под белоснежными, пахнущими прохладой простынями. Она засыпает первой, я какое-то время смотрю на нее, неподвижно лежащую рядом со мной, и чувствую, как ее сердце бьется в унисон моему.

Я всегда считал, что, глядя на спящего, ты видишь его настоящее лицо. Дневные заботы и тревоги уходят, черты смягчаются, лицо осеняет покой, который редко можно увидеть в дневные часы. Джемма с упавшими на щеку волосами и тенью улыбки на губах — это, может быть, самое прекрасное, что я когда-либо видел.

В ту ночь я спал блаженным сном без сновидений — впервые со времени моего возвращения в Уинтерс-Энд.

Наступает утро, и впервые за бесконечно долгое, как мне кажется, время я не сталкиваюсь с необходимостью завтракать в одиночестве в гулком зале «Краухерст-Лоджа». Чувствуя себя совершенно свободным, я наслаждаюсь вновь обретенным счастьем пребывания в обществе другого человека. Мы с Джеммой расстаемся возле ее дома — ехать нам предстоит в разные стороны. На прощание мы целуемся, долго и страстно.

Когда я доезжаю до управления, Дейл уже сидит в своем кабинете вместе с лейтенантом Матесоном. Дейл постукивает пальцами по лежащим перед ним документам.

— Значит, так, — говорит он мне. — Отпечатки, найденные в доме Валленса, принадлежат Николасу. Время смерти доктора — позавчера между двумя и четырьмя пополудни, как раз в этот период Ник звонил тебе из его дома. Валленс был убит одним ударом ножа, найти который нам пока не удалось. Машина его исчезла, и, по словам соседей, она отсутствует с того дня, когда произошел побег. Это вполне соответствует всему, что мы обнаружили в доме доктора.

...В ящике его письменного стола найдены три записки, все доставлены курьерскими фирмами. В одной говорится, что, если кто-нибудь покажет доктору медальон с фотографией женщины, ему следует «принять меры» — я так понимаю, Алекс, что это и объясняет происхождение ложного рецепта. Приказ подкреплён угрозой: «Если вы не верите в искренность моих намерений, вспомните, что я сделал с вашей подружкой». Вторая также содержит приказ: в уже известную нам ночь Валленс должен был выкопать нечто — что именно, в записке не сказано — на месте захоронения Гарнера. В последней ему велют оставить его машину в Хоултоне, в половине квартала от тюрьмы, и отправиться домой без нее. На всех записках найдены отпечатки пальцев Ника.

...По данным телефонной компании, мобильный, с которого он тебе звонил, был отключен сразу после вашего разговора, так что определить его местонахождение в компании не могут. Ни автомобиля Валленса, ни человека, подходящего под описание внешности Ника, никто не видел, и местонахождение его тоже никому не известно. Дорожные посты полиция штата сняла, хотя патрульные по-прежнему держат ухо востро. От местных управлений шерифа никаких сообщений не поступало.

...С другой стороны, у нас теперь имеется более ясное представление о том, как ему удалось похитить Анджелу Ламонд. Украденная машина, которую Алекс обнаружил в лесу, той же модели и того же цвета, что и машина одного из горожан, живущих на Карвер-стрит. Анджела не догадывалась, что это не машина соседа, подошла к ней достаточно близко, и Ник схватил ее.

— ...Все это хорошо, однако нам придется прождать черт знает сколько времени, прежде чем кто-нибудь засечет его.

И Дейл единым махом проглатывает полчашки кофе.

— Что это за чокнутая была в лесу, когда мы нашли Гарнера? — спрашиваю я.

Дейл приподнимает брови:

— Элли Нейлор. А что?

— Я случайно столкнулся с ней в церкви Святого Франциска. Она несла ту же чушь насчет «работы дьявола», которую я слышал от Ника во время допросов, и, похоже, узнала женщину с медальона.

Дейл пожимает плечами и снова тянется к чашке с кофе:

— Скорее всего, это просто болтовня полоумной.

— И давно она такая?

— Она тетка Софи Донеган. Спятила после того, как ее сестра покончила с собой. Не совершенно безвредна.

— Как по-твоему, между ней и Ником может существовать какая-нибудь связь?

— Она чокнутая, Алекс, — говорит Дейл. — Точно такая же, как все сумасшедшие, с которыми нам приходится сталкиваться.

Я пожимаю плечами — возможно, Дейл прав, однако меня он не убедил.

— Да, наверное.

— Еще какие-нибудь идеи?

— Как насчет того, чтобы составить список возможных жертв? — предлагаю я. — Даже если Ник убил Валленса, стремясь обрубить концы, до того, как он закончит здесь свои дела, могут появиться новые трупы.

Теперь плечами пожимает Матесон:

— Разве он убивает не из желания замести следы или когда кто-то мешает ему угнать машину?

Дейл поворачивается ко мне, я отрицательно качаю головой:

— Нет, он приехал сюда, чтобы покончить с каким-то делом. Что оно собой представляет, я пока не знаю, однако у него каждый шаг продуман до мелочей. Когда он убил Гарнера, то сделал все для того, чтобы об этом никто не узнал. Я думаю, что с тех пор он убивал еще не раз, но обставлял смерть своих жертв как несчастный случай. На этот раз он позволил схватить себя. Человек вроде Ника не дался бы нам в руки, если бы это могло помешать исполнению того, что он задумал.

— Как ты полагаешь, Алекс, кем были предыдущие жертвы?

— Одна из них — Джошуа Стерн, секретарь городского совета, другая... — я умолкаю на пару секунд, мне не хочется произносить это, — другая — мой отец.

Брови Дейла ползут вверх:

— Ты думаешь, что это он убил твоих родителей?

— Ему нужен был мой отец. Мама оказалась, скорее всего, просто добавкой. — Я вдруг словно слышу себя со стороны. — Господи, что я несу? Самому противно.

Теперь я хорошо понимаю, почему полицейских допускают к расследованию лично связанных с ними дел лишь тогда, когда избежать этого невозможно. Дело не в том, что их обуревают слишком сильная жажда мести — хотя, если именно Ник убил моих родителей, я постараюсь, чтобы он поплатился за это, — а в том, что им становится трудно говорить и думать, как положено полицейским. И ты чувствуешь себя виноватым всякий раз, когда поступаешь, как поступил бы в любом другом деле. Это дьявольски трудное положение.

Дейл, видимо, понимает, о чем я думаю, и продолжает разговор так, точно ничего не изменилось.

— Стерн погиб в автомобильной катастрофе, — говорит он.

— А мой отец — при столкновении с угнанной каким-то грабителем машиной. И оба были друзьями Гарнера и Валленса. Вместе ловили рыбу.

— Были примерно в то время еще какие-нибудь смерти, которые можно связать с этими? — спрашивает Матесон.

— Нужно будет проверить по архиву, — отвечает Дейл. — Если память мне не

изменяет, Стерн погиб в том же году, когда Боб Кеннеди, бывший здесь шерифом до меня, умер от сердечного приступа. Он хорошо знал Уинтерс-Энд. И владел коттеджем на реке Арустук. Других смертей я не помню.

— Шериф Кеннеди, вот как? — говорю я. — Ведь это он получил одно из анонимных писем после того, как сгорел «Святой Валентин»?

Дейл опять пожимает плечами:

— Да, но это было за пару лет до его смерти. И никаких признаков грязной игры мы не обнаружили. У бедняги просто было больное сердце.

— И все же тебе не кажется, что тут может присутствовать некая связь?

Ответа я получить не успеваю. Из комнаты личного состава доносится крик дежурного, зовущего Дейла.

— Позвонил лесничий, шеф, — возбужденно кричит дежурный. — Сказал, что видел машину, которую мы разыскиваем, у охотничьего домика Макуиррена на озере Персер.

Полчаса спустя я стою под морозящим дождем на грунтовой дороге, окаймленной рядами развесистых деревьев. Проселок, вьющийся между корявыми стволами, кажется заброшенным, тусклый свет дня добавляет пейзажу еще больше уныния. Я прохожу по дороге пару сотен ярдов, а затем поворачиваю на запад — к берегу озера и домику Макуиррена.

Подняв воротник, чтобы защититься от дождя, я приближаюсь к Дейлу, двум его подчиненным и четырем парням из полиции штата. Дейл разговаривает с полицейским, который, по-видимому, прибыл сюда первым.

— Куда, черт возьми, подевался лесничий? — спрашивает Дейл. — Разве он не обещал встретить нас здесь?

Молодой человек пожимает плечами:

— Обещал, но его нет. Может быть, он к домику ушел?

— Может быть, однако я и пикапа его не вижу.

— Что происходит? — спрашиваю я у Дейла.

— Лесничий сказал, что спрячется примерно в этом месте и, если кто-нибудь проедет по проселку к домику или от него, даст нам знать. — И Дейл немного повышает голос, чтобы его услышали все: — Не исключено, что преступник, если он здесь, захватил заложника. Постараемся подобраться к домику так, чтобы он нас не заметил. Не стреляйте, пока у вас не будет полной уверенности в том, что вы взяли на мушку именно его. Вперед.

Я вытаскиваю из-под куртки пистолет, снимаю его с предохранителя.

— Что-то не нравится мне исчезновение лесничего, — негромко говорю я.

— Мне тоже. Хотя он мог просто перетрусить и смыться.

— Будем надеяться, что это так.

Мы замолкаем. Шум бьющего по листьям дождя неизменно сопровождает нас, пока мы продвигаемся по слякоти к месту, где дорога сворачивает налево.

Охотничий домик Макуиррена — бревенчатый сруб, вроде тех, какие сдают семьям на время отпусков, — темнеет у подножия холма, словно припав к земле у кромки озера Персер.

— Машины не видно, — бормочет Дейл. — Скорее всего, стоит за домом.

— И лесничего тоже не видно.

Мы рассыпаемся цепью и идем среди деревьев, по три человека с каждой стороны дороги. Воздух влажен и пахнет сыростью, сосновая хвоя, устилающая почву, заглушает

наши шаги, пока мы приближаемся к дому.

Дойдя до опушки, я вижу, что дом так еще и не пробудился от зимней спячки — крепкие ставни на окнах, ковер из веточек и палой листвы устилает землю вокруг дома. Если здесь и проезжала недавно какая-либо машина, кто-то очень умело замел ее следы.

Наш небольшой отряд, выйдя из леса, осторожно, с оружием в руках, приближается к дому. Я бросаю искоса взгляд на Дейла.

— Его здесь нет, Дейл, — говорю я и возвращаю пистолет в кобуру.

— Почему ты так решил?

— А ты приглянись к дому. — Двое полицейских уже подобрались к его передней двери. Она заперта. — Здесь сто лет никто не бывал. Нас пустили по ложному следу.

Я разворачиваюсь и иду назад, прямо по дороге. Один.

— А как же лесничий? — говорит мне в спину Дейл.

Я останавливаюсь, оглядываюсь на него:

— Откуда мне знать? Может, он нас разыграл — или это Николас решил нас погонять вхолостую. Я возвращаюсь к машинам. Если я ошибся и вы что-нибудь найдете, кликни меня.

Я поднимаюсь по скату холма к «корвету», стоящему среди полицейских машин. Двое помощников шерифа сидят в своем внедорожнике.

— Новости есть? — спрашивает один, когда я прохожу мимо.

— Пока нет. Похоже, в доме пусто.

Я забираюсь в «корвет» — сажусь бочком, оставив дверь открытой и выставив под дождь мою покрытую грязью обувь, курю. Мне немного стыдно за то, что я так грубо разговаривал с Дейлом у озера. Надо бы извиниться — да, так я и сделаю, когда настроение хоть немного улучшится.

В джипе помощников оживает рация, один из них зовет меня.

— Вам стоит это услышать, — говорит он.

— В чем дело?

— Говорит помощник шерифа Трейнор, Уинтерс-Энд, — сообщает незнакомый мне голос. — К нам поступило сообщение о том, что кто-то осквернил могилы на кладбище у церкви Святого Франциска.

— Так.

— Оказалось, что там вывернули из земли всего одно надгробие, однако на нем был оставлен конверт, адресованный Алексу Рурку.

У меня начинает покалывать в кончиках пальцев.

— То есть мне. От кого поступило сообщение? Описание осквернителя вы получили?

— С полчаса назад нам позвонила женщина, которая живет через дорогу от кладбища. Толком она ничего не разглядела, но говорит, что это был темноволосый мужчина, в неброской одежде. Уехал на красном пикапе. Хотите, чтобы я вскрыл конверт?

— Нет-нет. В нем может оказаться взрывное устройство или что-нибудь в том же роде. Я буду у вас через полчаса.

Я прошу двух помощников сообщить о случившемся Дейлу, а сам заскакиваю в «корвет» и гоню на предельной скорости, пока не доезжаю до церкви Святого Франциска.

Сожалею, что разминулся с вами, мистер Рурк. Получили ли вы удовольствие

от охоты или напряжение, в котором вы пребываете, уже начало сказываться на ваших нервах? Полагаю, вам уже известно и о докторе, и о подмененных таблетках. Я не очень хорошо понимал, к каким результатам они могут привести, однако усердие доктора мне понравилось.

Вы особо-то его не жалеете. Он был подлецом, преступником, хотя главное его преступление в документах, которые я оставил для вас, не обозначено.

Известно ли вам, какое чувство охватывает человека, у которого отнимают близких? Я говорю не о ваших родителях. Если бы их не убил тот седан, то довольно скоро убило бы время. Я говорю о тех, кто действительно близок вам, о людях, ради спасения которых вы готовы на все. Известно ли вам, что чувствует человек, когда они гибнут?

Да еще и от руки существа одной с ним крови?

Я отрываю глаза от записки, мысленно повторяя каждое ее предложение, пытаюсь понять и смысл его, и содержащиеся в нем намеки. Рядом со мной стоит у открытой дверцы своего джипа помощник Трейнор.

— Поместите записку и конверт в пакет для вещдоков, — говорю я ему, продолжая мысленно повторять слова записки. — Где все это обнаружено?

— Справа от нас, на самом краю кладбища, перевернуто надгробие, — отвечает он. — Вы его сразу заметите.

— Есть свидетели, видевшие, как он клал конверт на надгробие?

— Пока я таких не обнаружил.

Я прохожу в ворота, иду по мокрой кладбищенской траве. И вижу у восточной стены оскверненную могилу. Налетевший ветер бросает мне в лицо ледяные капли дождя. Я склоняюсь над могильным камнем, чтобы получше его разглядеть.

ДЖОАННА ТОРН

ПОКОЙСЯ С МИРОМ, ОСВОБОДИВШИСЬ НАКОНЕЦ ОТ ТЯГОТ ЖИЗНИ

Светло-серый камень надгробия покрыт мхом и лишайником. Это, а также отсутствие свежих цветов позволяет сделать вывод, что могилу Джоанны давно уже никто не посещал. Но почему Ник выбрал именно ее?

Какая-то часть моего сознания, все еще продолжающая вертеть так и этак слова записки Ника, вдруг останавливается на последнем ее предложении. Я разворачиваюсь, трусцой бегу к джипу, беру записку и снова перечитываю ее.

Сердце мое колотится все сильнее, я достаю из кармана мобильный.

— Дейл, это Алекс.

— В доме мы ничего не нашли и напасть на след лесника тоже пока...

— Да, скорее всего, это Ник отправил нас за город, чтобы мы побегали, пока он будет орудовать тут на кладбище. У меня к тебе две просьбы, Дейл.

— Слушаю, Алекс. Судя по твоему голосу, обе срочные.

— Именно так. Мне нужно, чтобы ты послал в больницу пару человек — присматривать за Джеммой. А кроме того, нам придется поискать безопасное место, в котором она сможет ночевать, но это пока подождет.

— Ник угрожал ей?

— Да, возможно. — Я вслух зачитываю ему записку. — Слова о смерти близких представляются мне угрозой.

— Но как он узнал про вас с ней?

— Понятия не имею. Может быть, я зря волнуюсь, но все же рисковать мне не хочется.

— Ладно, у нас сейчас на связи Хоултонское управление. Через пару минут рядом с Джеммой будет пара полицейских в форме. А вторая просьба?

— Джоанна Торн. Умерла двадцать один год назад, похоронена здесь, в Уинтерс-Энде. Ты не мог бы собрать сведения о ней — кем была, как умерла? Я приеду и проверю кое-что сам, однако, если у меня уже будет основная информация, это мне сильно поможет.

— Сделаю.

— Спасибо, Дейл.

Я почти уж нажимаю кнопку завершения вызова, но тут вспоминаю кое о чем еще и говорю:

— Да, Дейл, прости меня за утреннее брюзжание. Наверное, меня просто грызет то, что мы его до сих пор не взяли.

— Забудь, Алекс, — отвечает он. — Все мы время от времени такими бываем. Если хочешь, могу, пока все не уляжется, определить тебя в дорожную полицию. И ты сможешь срывать злость на проезжих.

— Соблазнительно, но хочется все-таки изловить сукина сына.

— Да и мне тоже. До встречи.

Джоанна Торн. Родилась в Бангоре пятьдесят пять лет назад. Окончив колледж, работала секретаршей в юридической фирме. Поначалу я решаю, что это может объяснить существование связи между ней и моим отцом — и остальными его, ныне покойными, друзьями, — однако тут же выясняется, что работала она в фирме, соперничавшей с отцовской. За четыре года до своей смерти (в тридцать два года) оставила работу, переехала в Уинтерс-Энд и поселилась в квартирке над магазином готового платья. Время от времени находила здесь разного рода низкооплачиваемую работу — продавщицы, уборщицы, судомойки, — пока не превратилась в алкоголичку. В конце концов заснула, пьяная, зимой на улице и замерзла до смерти. Замужем никогда не была, однако имела ребенка, сына по имени Мэтью, отец неизвестен, отданного после ее смерти в детский дом «Святой Валентин». Документы, касающиеся его выпуска из этого дома, скорее всего, сгорели во время пожара.

Или не сгорели? Я снова вспоминаю о найденной среди отцовских вещей записке, посвященной мальчику по имени Мэтью. Не тот ли это ребенок, и если тот, какое отношение имел мой отец к его пребыванию в «Святом Валентине»? Возможно, его фирма пеклась об интересах отданного в детский дом Мэтью, возможно также, что мальчик просто понравился посещавшему приют отцу. Существуют и другие возможности, куда более неприглядные, шныряющие, точно акулы, во мраке, лежащем под поверхностью моих мыслей.

Из-за скудости имеющихся у меня сведений о Джоанне Торн невозможно понять, почему ее жизнь так резко изменилась после рождения сына. Мэтью должно быть сейчас примерно столько же лет, сколько Николасу, — по нашим оценкам. Но зачем ему было осквернять могилу матери?

— Не помешаю?

Вопрос этот прерывает мои размышления, возвращая меня в архив управления шерифа. Бесшумно появившаяся Джемма стоит у двери, наполовину улыбаясь, наполовину хмурясь.

Я встаю, чтобы поздороваться с ней, изображаю, насколько мне это удастся, улыбку:

— Нет, я просто задумался, только и всего.

Она делает шаг вперед, словно собираясь поцеловать меня, но останавливается, смотрит мне прямо в глаза и спрашивает:

— Скажи, Алекс, почему меня привезла сюда парочка копов?

Простое объяснение я придумать не успеваю.

— Потому что существует вероятность того, что Николас знает о нас с тобой и может попробовать, ну... достать меня, причинив тебе вред.

— О, — произносит она и, пару раз моргнув, опускает взгляд.

— В открытую он мне этим не угрожал, — говорю я, пытаясь немного смягчить сказанное. — Однако говорил о том, что чувствует человек, теряя близких ему людей, а я не хочу, чтобы ты подвергалась опасности. Отсюда и копы.

И я пересказываю ей содержание записки.

— А как быть с моим домом? — спрашивает она. — С работой? Я вообще смогу выходить отсюда?

— На работе тебе ничто не грозит. Там он предпринять что-либо, оставшись незамеченным, не сумеет. А вот дом для тебя опасен. Он может проникнуть туда в твое отсутствие и подстеречь тебя. Поэтому Дейл приготовил для тебя одну из пустующих комнат здесь, в здании суда. Там довольно уютно, да и вообще это всего на несколько дней. Он даже сказал, что управление будет за свой счет кормить тебя завтраками, доставляя их из ближайшего кафе.

Джемма, улыбнувшись, спрашивает:

— Как по-твоему, вам удастся покончить с этим за пару дней, к концу недели?

Мысль о Нике, давшем нам поддельную наводку, чтобы можно было без помех оставить на могильном камне записку для меня, не дает мне покоя.

— Да, возможно. Однако первым делом я должен кое-что выяснить.

Ночью я сижу в сумрачной комнате здания Высшего суда — напротив меня спит на диване Джемма, — и мысленно перебираю все, что услышал за эти дни. Тихий, сдержанный голос Николаса сплетается со старческим голосом доктора Валленса, воркотней Дейла, враньем Эрла Бейкера и говорком женщины из музея.

Если Ник — это действительно Мэтью Торн, озлобленный воспитанник «Святого Валентина», я могу понять, почему он убил Гарнера в ночь пожара. Если Валленс помогал начальству детского дома прикрывать творившееся там насилие над детьми, я также могу понять, почему Ник убил и доктора, после того как шантажом превратил его в верного помощника. Но при чем тут Джошуа Стерн и мой отец? Действительно ли Ник убил Стерна и обставил это убийство как дорожную аварию? Сидел ли он за рулем машины, которая убила в Майами моих родителей? И почему кто-то решил отомстить моему отцу?

Гнев со временем утихает, а после пройденного мной курса лечения я думал, что более или менее примирился со смертью родителей. Я всего лишь хочу как-то искупить свою вину перед ними, вину сына, много раз отказывавшегося от возможности повидаться с родителями и далеко не всегда желавшего даже разговаривать с ними. Я всего лишь жалею, что не успел вовремя наладить прочные отношения с отцом. И хоть я человек не

злопамятный, но, если моих родителей убил Ник, я хочу, чтобы он предстал за это перед судом. И хочу, чтобы его осудили.

А сильнее всего мне хочется покончить с этим делом и вернуться к нормальной жизни. Однако для этого мне необходимо понять, что случилось с Ником, что сделало его таким. Что связывало Стерна и моего отца с Мэтью Торном? Но для этого нужно расспросить человека, который хорошо знал отца.

Солнце, должно быть, стоит уже высоко, однако я не вижу его из-за плотного слоя туч, низко нависших над лесом. Мои часы показывают девять утра. Я пробиваюсь сквозь густой подлесок, а по пятам за мной следует Джемма.

Путь от места, в котором мы оставили «корвет», до жилого фургона Бена Андерсона занимает двадцать минут, и вот мы выходим на каменистый берег реки Маклин, возле одной из больших излучин. Вдали, ниже по течению, я вижу Бена, стоящего на берегу и умелым движением забрасывающего в реку закидушку.

— Привет, сынок, — говорит он, когда мы приближаемся к нему. — Вижу, ты и подругу прихватил.

— Бен Андерсон, Джемма Ларсон, — представляю я их друг другу.

— Рад знакомству. Собираетесь составить мне компанию?

— Боюсь, что нет. Как ловля?

Он качает головой:

— Сегодня так себе. Не успел пока почувствовать реку, найти уловистые места. Так что у тебя на уме, сынок?

— Вы ведь хорошо знали моего отца, верно?

Еще одна закидушка, посвистывая, летит над водой по широкой дуге.

— Да, верно, — отвечает Бен, не отрывая взгляда от лески.

— Вы не помните, говорил он когда-нибудь о женщине по имени Джоанна Торн?

Старик поворачивается ко мне:

— Чего ты хочешь добиться, расспрашивая о ней? Это дело прошлое, зачем в нем копать?

— Я думаю, что человек, которого мы разыскиваем, может быть ее сыном, — отвечаю я. — И у меня имеются подозрения насчет того, что он причастен к смерти моего отца, как и к смерти Джошуа Стерна. А то, что он убил Генри Гарнера и доктора Валленса, мы знаем наверняка. Джоанна Торн каким-то образом связана с ними, но только человек вроде вас, знавший их всех, может заполнить пробелы в картине, которая у нас складывается.

Некоторое время Бен стоит неподвижно, точно еще одна прибрежная скала, потом делает шаг к воде.

— Пойдемте-ка в фургон, — говорит он. — Такие разговоры лучше вести в домашней обстановке.

Внутри фургон выглядит поопрятнее, чем снаружи. Мы с Джеммой садимся за стол, покрытый кремовой скатертью с вышитыми на ней крошечными летящими гусями, а Бен суетится, варит нам кофе. Потом он ставит на стол три чашки, над которыми вьется парок, и усаживается напротив нас.

— Что ты хочешь знать о Джоанне? — спрашивает он.

— Как она была связана с четырьмя мужчинами. Что заставило ее сына стать убийцей. Я знаю, что после ее смерти он оказался в «Святом Валентине» и вырос там, но это не

объясняет, почему он убил Стерна и моего отца. Если это он их убил, — добавляю я.

Бен кивает:

— Во-первых, ты должен понять одно: твой отец любил твою маму. Любил по-настоящему. Однако у него имелись и свои слабости.

— И Джоанна оказалась одной из них?

— У них был роман, когда же это... Лет двадцать пять — тридцать назад. Недолгий. Думаю, все закончилось за пару месяцев. Мы о нем знали — Джош, Натан, Генри, я, еще пара человек. Я в этом особо не участвовал, но некоторые из них прикрывали твоего отца — говорили, что уедут все вместе порыбачить, а сами отправлялись куда-то еще, оставляя его и Джоанну в рыбацьем домике.

Мысль о том, что отец изменял маме, вызывает во мне странное чувство, что-то вроде испуга.

— И это все?

— Не совсем, — отвечает Бен. — Через некоторое время после того, как все у них закончилось, она позвонила ему, сказала, что беременна и что отец — он. Получается, что ее сын — твой единокровный брат.

У меня в груди словно образуется некая дыра, через которую из меня вытекает способность чувствовать что бы то ни было. Все, что я знал о своей семье, о своем детстве — черт, да вся моя жизнь, — разваливается на куски, а заменить мне это нечем. Я давно свыкся с тем, что я — Алекс Рурк, единственный ребенок в семье. А теперь это оказалось неправдой.

У меня есть брат.

Мало того, этот брат — убийца. И вполне вероятно, что этот брат убил мою маму и моего — нашего — отца.

— И что он сделал? — спрашиваю я, попытавшись с помощью двух глотков кофе избавиться от сухости в горле.

— Он не пожелал иметь с ней ничего общего. Думаю, не хотел разрушать семью, тем более что у него уже был малыш.

— Поэтому она и переехала в Уинтерс-Энд, — негромко говорю я. — Чтобы быть поближе к нему.

— Я иногда встречал ее в городе. Мы не разговаривали — думаю, она меня попросту не узнавала, — но я старался помочь ей, чем мог. Давал большие чаевые, когда она работала официанткой, ну и так далее. Чистил зимой тротуар перед домом, в котором она жила. Потом, насколько я понимаю, работы у нее не стало, и я видел ее уже не так часто.

— И она пристрастилась к спиртному.

— Наверное, — пожимает плечами Бен. — Я же говорю, я ее почти не видел. Однако слышал о том, что произошло, от Джоша. Твой отец рассказал ему, как она однажды позвонила в дверь его дома, ей позарез нужны были деньги. Он решил, что Джоанна пытается шантажировать его, сказал, чтобы она оставила его в покое, и захлопнул дверь перед ее носом. А через пару дней она погибла... Родных у нее не было, поэтому мальчика отдали в детский дом. Думаю, ему было тогда лет пять-шесть. Твой отец попросил Джоша — а тот как-никак был секретарем городского совета — постараться, чтобы его имя ни в каких документах не упоминалось. Натан и Генри помалкивали о том, что знали, но, похоже, один из них все же сказал что-то старику Бобу Кеннеди, потому что он закрывал глаза на то, что она вытворяла незадолго до смерти.

Я верчу в ладонях почти остывшую чашку.

— Когда я был маленький, отец ездил в детский дом «Святой Валентин», — тихо говорю я, мысленно вглядываясь в давние воспоминания, которые теперь предстают передо мной в новом свете. — Привозил детям игрушки и еще что-то. Я думал, что он делает это по доброте сердечной, из жалости к детям, которым не повезло в жизни. А на самом деле причина была в том, что там жил его сын?

— Наверное. Твой отец был хороший человек, — так же тихо отвечает Бен. — Ему нужна была уверенность в том, что с его мальчиком все в порядке, однако он не хотел терять твою маму и тебя из-за совершенной им ошибки.

— Я ездил туда с ним пару раз, — продолжаю я. — Играл с детьми. Возможно, играл и с моим братом, но отец ничего мне об этом не сказал.

— Он старался сделать как лучше.

Я думаю о том, во что превратился Ник-Мэтью. О его записке: «Известно ли вам, какое

чувство охватывает человека, у которого отнимают близких? Известно ли вам, что чувствует человек, когда они гибнут?» Он винил моего отца в смерти своей матери. И ненавидел всех остальных за то, что они помогли отцу скрывать прошлое, и за то, что ему пришлось пережить в «Святом Валентине». По его словам, он вернулся, чтобы заманить меня сюда. Но зачем? Разве я виноват в том, что наслаждался жизнью, которой не было у него?

Долгое время я сижу, не произнося ни слова, тупо вглядываясь сквозь дно чашки в далекое прошлое. Я не знаю, что толкнуло отца на супружескую измену, как не знаю и причин его разрыва с Джоанной. Оставил ли он ее потому, что любил мою маму, или только из-за меня? Наверное, Бен прав, отец просто старался сделать как лучше, однако не смог, после того как умерла Джоанна, просто взять и повернуться спиной к своему сыну, законному или незаконному. Во всяком случае, мне хочется так думать.

Джемма накрывает мою ладонь своей, спрашивает:

— Ты как себя чувствуешь, Алекс?

— Узнавать такие новости тяжело, — говорит сидящий напротив нас Бен. — Есть вещи, о которых лучше не вспоминать. Оставляйте их в прошлом.

— Дейл, это Алекс. Новости есть?

Я уже подвез Джемму до здания Высшего суда и сейчас сижу в «корвете» у заправочной станции, расположенной неподалеку от городка Смирна-Миллс. Мне необходимо какое-то тихое место, в котором я смогу привести в порядок свои мысли, а придумать я смог только одно такое. Место, в котором начинался роман моего отца и в котором он попытался с ним покончить. Джемму мой выбор не обрадовал, однако она его поняла. Но, прежде чем ехать туда, я решил проверить, нет ли у Дейла чего-нибудь новенького.

— Привет, Алекс. — Дейл делает паузу. — У тебя все в порядке?

Я смотрю сквозь ветровое стекло — ни на что в частности.

— Да. Все хорошо. Тебе удалось что-нибудь выяснить о Мэтью Торне?

— У нас тут целое жизнеописание сложилось. С помощью банков. — Я слышу, как шелестит бумага, — это Дейл перебирает документы. — Мэтью Торн, двадцать шесть лет. Насчет его образования пока точных сведений нет, но ни в каком университете он, похоже, не учился. Работать начал с шестнадцати лет. Ничего особенного — продавец, служба доставки, — однако дальше появляется кое-что интересное.

— Да?

— Проработал четыре месяца в мастерской по ремонту и установке замков в штате Милуоки, затем устроился в Детройте в фирму, занимавшуюся сносом зданий. После этого перебрался в Атланту, работал в авторемонтной мастерской, затем был библиотекарем в Нью-Джерси — почти до самого пожара в «Святом Валентине», а к этому времени он уже умел управляться с замками и сносить дома. И бог знает, чему еще он успел научиться.

— Что потом?

— Перед пожаром уволился, дальше пусто. Вновь появился примерно через полгода, в пенсильванской компании, распродававшей по почтовым заказам армейские излишки любителям поиграть в солдатики. Провел какое-то время горным проводником в Неваде, затем библиотекарем в колледже в штате Нью-Йорк, а затем снова пробел, однако с помощью его кредитных карточек удалось выяснить, что он останавливался на несколько недель в паре мотелей, расположенных гораздо севернее этого штата.

— Как раз в то время, когда погиб Джошуа Стерн?

— Так, — подтверждает Дейл. И умолкает, предоставляя мне возможность задать неизбежный вопрос.

— Где он был, когда погибли мои родители?

— В Майами. Работал автомехаником.

— О боже.

Дейл обходится без комментариев, просто движется по списку дальше.

— После этого снова начинаются блуждания. Продавец в Виргинии, бармен в Канзас-Сити. В общем, всякого рода низкооплачиваемая работа.

— В Канзас-Сити?! Когда?

— Примерно через полгода после смерти твоих родителей. Провел там несколько недель.

— Я тогда лежал в одной из больниц этого города.

Голова моя идет кругом — я пытаюсь понять, как долго Ник-Мэтью следил за мной, вынашивая планы мести.

— Мы можем сделать для тебя что-нибудь еще?

— Не сейчас, — отвечаю я. — Мне нужно подумать.

— Конечно, Алекс. — Еще одна пауза. — Ребята говорят, что ты и доктор Ларсон уезжали куда-то этим утром. Появилось что-то новое?

— Расскажу потом, — говорю я. И прерываю вызов. — Может быть.

К озеру Клэй ведет извилистая каменистая дорога. Я останавливаю «корвет» под синевато-серым небом и некоторое время смотрю на виднеющийся за деревьями, главным образом березами и елями, водопад, на его белую пену и серебристую воду. Коттедж отсюда не виден, его заслоняет склон горы.

Я и сам не вполне понимаю, почему приехал сюда. Скорее всего, из желания вызвать призрак моего детства, и сделать это в одной из его символических опорных точек. Вид поднимающейся по горному склону дороги сохранился в моей памяти со времени первого приезда в эти места, его словно пропитывало волнующее предвкушение уик-энда, который я проведу здесь с отцом.

Детские впечатления формируют нашу дальнейшую жизнь, мистер Рурк.

Слова, произнесенные Николасом в комнате для допросов. Тут я вспоминаю другие его слова, и меня пробирает дрожь.

Озеро Клэй. Маленький коттедж примерно в тридцати ярдах от берега. Деревья, у самой кромки воды...

Вы напоминаете мне мальчика, уходящего — под присмотром любимого папочки — рыбу на озере Клэй.

Здесь, на озере Клэй, происходили тайные свидания отца с Джоанной Торн. Здесь же, скорее всего, и был зачат Мэтью. Здесь было положено начало лжи.

Она была жертвой, мистер Рурк. Жертвой. «Вашей?» Смех.

Не здесь ли он прятался, готовясь к убийству Анджелы Ламонд? Может, позвонить Дейлу, сообщить ему о моих подозрениях? Но я не уверен, что он пожелает отправлять людей в такую даль, руководствуясь всего лишь догадкой, особенно после вчерашней пустой беготни. К тому же мне не хочется, чтобы Дейл оказался здесь, если Ник и вправду засел в коттедже. Коттедж — мой дом, и, если в нем что-либо произойдет, лучше, чтобы посторонние при этом не присутствовали. Мне кажется, что их присутствие оскорбит

память отца. И я, достав из кармана мобильный, отключаю его.

Я проверяю кольт и, убедившись в том, что у меня имеется запасная обойма, открываю дверцу «корвета» и выхожу под дождь. А затем, с пистолетом в руке, начинаю, пригибаясь, точно охотник, взбираться по склону, приближаясь к коттеджу.

Устанный мокрым мхом лес служит мне прикрытием, я поднимаюсь на гору неподалеку от места, с которого начинается свой путь вниз водопад. Вдали, за серой гладью озера Клэй, теряется в облаках вершина горы Брайтуэлл. Коттедж — домик из толстых досок и с каменным фундаментом — стоит в тридцати ярдах от воды. Рядом с ним я вижу старенькую «хонду» — точно такая была у Валленса — и красный пикап. За окнами коттеджа различается тусклый свет.

Подобравшись поближе, я стискиваю рукоять пистолета, затем быстро и по возможности бесшумно пересекаю отделяющее меня от пикапа открытое пространство. А оказавшись за пикапом, рискую на миг высунуться из-за него, чтобы бросить взгляд на коттедж, прежде чем метнуться под прикрытия его стены у одного из маленьких окон.

«Пригнись — и бегом к задней двери». Под деревьями, растущими у воды, никого не видно, дощатый причал пуст.

«Теперь подберись к фасаду коттеджа». Я осторожно заглядываю в окно. Николаса не видно, и я пробую открыть дверь.

Она не заперта. Я осторожно толкаю ее и захожу в дом.

Вдоль всей западной стены, справа от меня, тянется гостиная. Над камином приколоты какие-то бумажки, скорее всего, записи или планы. В дальнем конце гостиной стоит телевизор, он включен, но звука нет. Слева от меня дверь, ведущая, насколько я помню, на кухню, впереди еще одна, приоткрытая, за ней спальни. В коттедже тихо, только дождь стучит по крыше.

Первой я проверяю кухню, проделывая это так, как меня когда-то давно учили: толкаю дверь и влетаю в нее, держа пистолет на изготовку, и сразу же разворачиваюсь, чтобы проверить, нет ли кого у самой двери. Кухня длинная, в дальнем ее конце виднеется открытая дверь, которая ведет к кладовке и столовой. В кухне имеются признаки того, что в доме кто-то живет: вымытая посуда в сушке, продукты на разделочном столе.

Я прохожу в столовую. Она, как и примыкающая к ней маленькая кладовка, пуста, однако следы человеческого присутствия наблюдаются и здесь. На коврике у задней двери стоит пара грязных ботинок.

Я возвращаюсь в гостиную, собираясь осмотреть спальни, и вдруг слышу голос:

— Какую только рыбу не выловишь в этих водах, если наберешься терпения.

Николас. В голосе ощущается скрипучий металлический оттенок, а исходит он, похоже, из дальнего угла гостиной. Скорее всего, из громкоговорителя.

— Привет, Николас, — говорю я. — Или мне следует называть тебя Мэтью?

— Ты наконец-то докопался до истины, братец. А я все гадал, сколько времени у тебя это займет.

Дрожь, не имеющая никакого отношения к моей промокшей от дождя одежде, пробирает меня, когда я наконец всматриваюсь в приколотые к стенам бумажки. В фотографии, газетные вырезки, отпечатанные и написанные от руки заметки. Черно-белая фотография из ежегодника моей школы соседствует со статьей о бейсболе, вырезанной из газеты моего университета. Под ней — фотография, сделанная на церемонии вручения дипломов. Затем вереница вырезок из местных газет — статьи, посвященные делам, над

которыми я работал в Бюро. Между ними пара нечетких фотографий, сделанных в пору моей работы в ФБР. А над всем этим — распечатки веб-сайта «Робин Гаррет и помощники». На стенах отображена почти вся моя жизнь, ставшая объектом маниакального внимания. Я сглатываю слюну, стараясь хоть как-то увлажнить пересохшее горло. Ощущение у меня такое, точно мое прошлое превратилось в экспонат под стеклом музейной витрины.

— Как ты узнал о моем приходе? — спрашиваю я.

Сухой смешок.

— Улыбнись, братец. За тобой наблюдает скрытая камера.

Я приглядываюсь к тому, что принял за телевизор — на самом деле это монитор системы видеонаблюдения, вплотную к которому стоит телефонный аппарат. Рядом с динамиком телефона светится красная лампочка. Из этого-то динамика и доносится голос Ника. На экране виден мой стоящий под дождем «корвет». Должно быть, Ник, обнаружив, что я приближаюсь к дому, набрал номер телефона коттеджа на своем сотовом и ждал, когда я осмотрю его гнездышко и обнаружу историю своей жизни, развешанную по стенам на манер охотничьих трофеев.

Оторвав взгляд от экрана, я замечаю две цветные фотографии, образующие сердцевину сооруженного Ником фотомонтажа. Первая — крупный план надгробий моих родителей. На второй видна группка одетых в черное людей, большинство из них смотрит в сторону от объектива. Священник, тоже в черном, читает что-то из переплетенной в кожу книжки, которую держит в руке. А рядом с ним стою я, сцепив ладони и глядя на два одинаковых гроба с единственным венком на каждом.

— Ты, может быть, и сын моего отца, Мэтью, — говорю я, глядя на эти фотографии, — но мне ты отнюдь не брат.

И тут я слышу за спиной не то шелест, с которым открывается ведущая к спальням дверь, не то шорох шагов по ковру.

Я резко поворачиваюсь, но кулак Ника врезается в мою челюсть. Я чувствую, как во рту моем подаются два зуба, а сам рот наполняется кровью, и, отлетев к стене, врезаюсь в нее спиной. И, прежде чем я успеваю ответить на удар, Ник бьет меня в солнечное сплетение, и я, задохнувшись, кулем оседаю на пол.

— Я мог убить тебя и раньше, Алекс, — говорит он и всаживает мне в ребра носок своего ботинка. — Когда ты вылезал в Майами из обломков машины, я подумал: не прикончить ли и этого?

— Почему же не прикончил? — хриплю я, ощущая, как по моему подбородку стекает кровь. Признание Ника в том, что это он убил моих родителей, вкупе со сделанными на их похоронах фотографиями, вызывают в моей душе боль и гнев. Пистолет непонятным образом так и остался в моей руке, однако у меня нет сил даже на то, чтобы приподнять его.

— Я решил побольше выяснить о тебе — о брате, которого никогда не знал и который проживал жизнь, по праву принадлежавшую мне.

— Я не убивал твою мать, — говорю я. — Я даже не знал о ее существовании.

— Грехи отцов, Алекс, — отвечает он и снова пытается врезать мне ногой по ребрам, но я машинально подтягиваю колени к груди, и удар приходится по голени.

— Ты не должен был убивать отца, сукин сын!

— Возможно, однако в то время мне не удалось придумать приемлемую альтернативу. Кроме того, со всеми остальными я к тому времени уже поквитался. Только Валленса и оставил, решил, что он сможет пригодиться мне, когда я соображу, что делать с тобой.

Он поворачивается, отходит к своей настенной выставке. Я замечаю торчащую из-за часов на камине рукоять пистолета, до которого ему — оттуда, где он сейчас стоит, — ничего не стоит дотянуться.

— На этой стене вся твоя жизнь, Алекс. Университет, ФБР, лечение, работа в частном сыскном агентстве. Твои родители.

Я ухитрюсь подняться на колени, преодолевая боль в ребрах.

— И что?

— После нервного срыва твоя карьера отправилась на помойку. Родных у тебя не было — не считая меня, конечно, — друзей раз, два — и обчелся. Я не мог уничтожить твое прошлое, однако мог выкопать несколько старых тайн, которые уничтожили бы то, что о нем помнили люди. — Он с улыбкой оглядывается на меня. — После того, как все узнали бы, что натворил наш отец, от его репутации остались бы рожки да ножки.

Я упираюсь спиной в стену и встаю на ноги.

— Чушь, Мэтью. Ты арестован, — говорю я и навожу на него пистолет, держа его для верности обеими руками. — Положи ладони...

— Из-за твоего отца умерла моя мать, ни в чем не повинная женщина. Из-за него же и из-за людей, покрывавших его, меня годами унижали типы вроде Гарнера. Ты хоть представляешь себе, что это такое?! — выкрикивает он. — Однако с тобой я еще не закончил. Мне нужно, чтобы ты сделал для меня кое-что.

— Заткнись и положи ладони на голову, пока я не продырявил ее!

Он делает короткий шаг вперед, улыбается:

— Давай, Алекс. Убей меня. Никто же не увидит.

— О чем ты, черт побери, говоришь?

— Я хочу, чтобы ты стал убийцей, несостоявшимся копом, застрелившим безоружного подозреваемого ради собственного удовольствия. — Голос его, в котором в равной мере смешаны озлобление и гордость, звучит теперь громче. — И ты получишь наконец все то, что выпало на мою долю. Получишь жизнь, о которой не стоит и упоминать. Ты будешь сидеть в ней, как в яме, вечно размышляя о том, что все могло бы сложиться иначе. Не знаю, удастся ли мне понаблюдать за тобой из места, в которое я попаду, однако, когда и ты доберешься до ада, мы сможем сравнить наши впечатления.

— Положи свои поганые руки за голову.

— Я убил твоих родителей, отца и мать. Ты даже не представляешь, сколько мне пришлось потрудиться, чтобы наверняка врезаться на том перекрестке в твою машину, да еще и на скорости, которая позволяла прикончить их обоих. Я даже заплатил одному мальчишке, он засел в двух кварталах оттуда и позвонил мне, когда ты проехал мимо него.

Я смаргиваю пот, затекший мне в уголок глаза, стараясь сосредоточить все внимание на стоящем передо мной человеке.

— Выбравшись из своей машины, я заглянул в твою. Сунул руку в дыру, оставшуюся от ее ветрового стекла, и проверил папочкин пульс. Знаешь, что я сделал бы, если бы пульс обнаружился? — Он ухмыляется. — Взял бы папочку за загривок и бил физиономией о приборную панель, бил бы долго, чтобы ты, очнувшись, увидел вместо его лица кровавое месиво. И мне это доставило бы массу удовольствия.

Удары сердца отдаются в моих ушах громом, но заглушить голос Ника не могут. Пистолет в руке становится тяжелым и горячим. Спусковой крючок словно оттягивает на себя палец.

— А после я проделал бы то же самое с твоей мамашей, — говорит Ник. — Лупил бы ее по уже треснувшей черепушке, пока та не раскололась бы на кусочки.

Мне становится трудно дышать. Убить Ника — это кажется таким легким делом. И вдруг до меня доносится другой голос — отцовский. Слов я не различаю, однако голос, неторопливый, успокаивающий, несомненно, принадлежит ему. Возможно, это фрагмент какого-то воспоминания, неожиданно оживший в моем травмированном мозгу.

Ник улыбается:

— Как жаль, что у тебя нет ни жены, ни детей, которыми я мог бы заняться на досуге. Хотя кое-какие возможности у меня еще остались. — Он достает из кармана фотографию Джеммы, входящей в сопровождении полицейских в здание суда. — Она мне нравится, Алекс. Пожалуй, следующей я убью ее.

Я еще крепче сжимаю рукоять пистолета, набираю в грудь побольше воздуха.

— Возможно, мне досталось больше отцовских качеств, чем тебе, — говорю я, с трудом шевеля пересохшими, липкими от крови губами. — Возможно, дело в чем-то еще. Но кое в чем мы с тобой различаемся. Я не убийца. И я арестую тебя.

Я выдыхаю набранный в грудь воздух, и в глазах у меня немного проясняется. Ник, поняв, что я говорю всерьез, перестает улыбаться.

— Наверное, ты прав, — произносит он. — Может, ты и не убийца. Зато я — убийца.

С этими словами он стремительно разворачивается к каминной полке, срывает с нее свой пистолет и начинает поворачиваться ко мне. Лицо его искажено яростью, и я нажимаю на курок — раз, второй. На лбу и груди Ника расцветают два красных цветка, на долю секунды он словно повисает в воздухе, а затем мышцы его слабеют, утрачивают способность бороться с земным притяжением. И он валится на пол, роняя ставший уже бесполезным пистолет.

Я прерывисто выпускаю из легких воздух, морщась от боли, которая обжигает мои сломанные ребра. Потом бросаю на Мэтью Торна последний взгляд и кое-как добираюсь до двери коттеджа.

Оказавшись снаружи, я достаю из кармана мобильный, включаю его. И звоню Дейлу.

— Алекс! — восклицает он, сразу схватив трубку. — Где ты? Я пытался дозвониться до тебя, но не смог.

— Я в коттедже у озера Клэй. И Ник здесь.

— Выезжаем. — Я слышу скрип его кресла, быстрые шаги. — Он знает, что ты там?

— Да, но это уже не существенно.

Я прячу телефон в карман, сажусь перед коттеджем на землю. Я чувствую себя опустошенным, выжатым. Убить человека нелегко, а близкого родственника тем более. Был ли я прав? Может быть, мне следовало прострелить ему плечо, разоружить его? Я откидываю голову назад, упираюсь затылком в стену коттеджа, и дождь оmyвает мое лицо.

Мне кажется, что проходит всего лишь мгновение, а джип Дейла уже взлетает на склон горы и останавливается передо мной, сияя фарами. Из джипа выскакивает Дейл, следом один из его помощников. Оба держат в руках пистолеты-автоматы.

— Алекс! Как ты?! — кричит, подбегая ко мне, Дейл.

— Жив. — Это все, что мне удается ответить.

Дейл везет меня в хоултонскую больницу. Ключи от «корвета» я доверил помощнику шерифа Энди Миллеру, пообещавшему доставить его к зданию Высшего суда, ни во что не врезавшись по дороге. Большую часть пути я молча смотрю в окно, сначала на пролетающие мимо деревья, а последние мили — на пустые зеленые поля.

Когда мы выезжаем на шоссе I-95, Дейл предпринимает попытку отвлечь меня от моих мыслей.

— Он был убийцей, Алекс, — говорит Дейл. — Приходился он тебе братом или нет, не важно. Ты поступил правильно.

— Да, наверное, — отвечаю я, глядя на разбрызгивающие грязную воду встречные машины. И поворачиваюсь к Дейлу: — Как ты думаешь, почему Ник и я выросли такими разными? Он негодовал из-за таких вещей, о которых я ничего не знал. И все же я не думаю, что мог бы стать таким, как он. А ведь мы выросли в одном городе, и отец у нас один. Не понимаю.

Он пожимает плечами:

— Ты не у того спрашиваешь. Просто будь благодарен за то, что ты — не он.

— Да, наверное.

Джемма появляется в больнице, когда врачи обрабатывают мои раны. Она почти ничего не говорит — наверное, понимает, что я сам ей все расскажу, если мне захочется, — просто сжимает мои ладони и кладет голову мне на плечо. Она говорит тихо, ласково, и каким-то образом ей удается развеять мою меланхолию.

Потом ко мне заглядывает и Дейл, он хочет, чтобы я ответил на несколько его вопросов и заполнил типовые документы, которые посылаются в управление главного прокурора штата всякий раз, как кому-нибудь из полицейских приходится применить оружие. Я обещаю сделать это завтра, Дейла мое обещание более чем устраивает. Вообще он так и сияет от счастья, — полагаю, это из-за того, что ему удалось закрыть дело об убийстве Ламонд без помощи другого полицейского управления или агентства. Надо полагать, его репутация в округе резко пошла в гору — и хорошо, я к нему никакой зависти не испытываю.

Джемма отвозит меня к себе, и я засыпаю едва ли не в тот миг, когда она укрывает меня одеялом.

На следующее утро я еду в Уинтерс-Энд, чтобы забрать свои вещи и распрощаться с «Краухерст-Лоджем», — одна только мысль об этом доставляет мне редкостное удовольствие. С сумкой на плече я в последний раз спускаюсь по лестнице в холл. За стойкой никого, как обычно, нет. И я, вместо того чтобы вызвать портье звонком, подхожу к стене позади стойки и толкаю ее, совершенно не представляя, что может меня за ней ждать.

Я вижу узкую комнату, наполненную документами, начинающимися покрываться плесенью гроссбухами и какими-то написанными от руки заметками. В дальнем ее конце стоит стол, на нем — старенький переносной телевизор, электрический чайник и огромная коллекция кофейных чашек и баночек с сухим молоком. В комнате пахнет какой-то кислятиной.

Управляющий отелом сидит перед телевизором и смотрит сериал «Чертова служба в госпитале МЭШ».

— Что вам здесь нужно? — спрашивает он, явно испуганный моим появлением. — Постояльцам сюда нельзя.

— Мм... я съезжаю. Пошлите счет в управление шерифа, там его оплатят. — Я бросаю взгляд на телевизор. — Вы так его каждый день и смотрите, с утра до вечера?

— Не всегда одну и ту же программу, — отвечает он так, точно это все объясняет. Хотя, может быть, и объясняет. — А вам какое дело?

— Да просто... нет, никакого. Ну я пошел.

Выйдя из отеля, я вижу, что тучи рассеялись, снова светит солнце. Деревья вокруг парковки сияют свежей, подрагивающей листвой. Я доезжаю до шоссе, поворачиваю на юг. Уинтерс-Энд выглядит повеселевшим, мне кажется, что и людей на его улицах стало больше. Трудно сказать, действительно ли это так или я просто по-другому смотрю на город.

Проехав почти полгорода, я вижу на улице Софи Донеган, черные волосы ее поблескивают на солнце. Я торможу рядом с ней, опускаю стекло.

— Привет, — говорит она, приподнимая в улыбке уголки накрашенных темной помадой губ.

— Привет. Если вам все еще охота выбраться отсюда, то я, скорее всего, уеду в следующий уик-энд.

— Да, я слышала, все закончилось. Говорят, вы застрелили того типа.

Я киваю:

— Застрелил. Не могу, правда, сказать, радует меня это или нет. Так хотите вы уехать отсюда?

— Нет. Я решила остаться здесь до окончания школы и на летние каникулы. Ну а осенью начну учиться в университете.

— Да? В каком?

Улыбка ее становится лукавой.

— В Бостонском, — говорит она. — Так что мы, наверное, еще увидимся, Алекс.

Она чмокает меня в щеку и уходит, помахивая ладошкой над плечом и лишь один раз оглянувшись на меня. Я отъезжаю от бордюра. Воспоминания о прежнем Уинтерс-Энде еще шевелятся в моей памяти, но уже не так, как неделю назад, когда я только-только вернулся сюда. Теперь улицы представляются мне просто рядами домов, а люди — обычными жителями обычного городка. Прошлое больше не вторгается в настоящее.

Неделя у меня уходит на заполнение документов, связанных с убийством Николаса, а Дейл тем временем увязывает воедино последние спутанные нити дела. Во вторник полиция штата объявляет об аресте Артура Тили, аптекаря, который, выполняя указания доктора Валленса, подменил мое лекарство. Он раскалывается на первом же допросе, признается в подмене таблеток, в том, что помогал доктору Валленсу торговать наркотическими веществами, на которые тот выписывал рецепты, в собственном пристрастии к морфию, во всем. Думаю, если бы на него поднажали, он признался бы и в убийстве Джона Кеннеди.

Попытки управления отыскать следы других сотрудников «Святого Валентина» начинают приносить кое-какие плоды. Сара Деккер, ставшая после замужества Сарой Виер, обнаруживается в списке пропавших без вести, — ее муж подал заявление о пропаже четыре года назад. Судьба Дориана Блайта остается загадкой. Может быть, я и ошибаюсь, но, по моим представлениям, тела обоих закопаны где-то или лежат на дне какой-нибудь реки либо озера. Обнаруживается и пара давних воспитанников «Святого Валентина», и то, что они

рассказывают о своей жизни в этом детском доме, попадает на первые страницы газет. О моем родстве с Мэтью ни одна газета не упоминает — спасибо Дейлу.

Всю неделю я живу в доме Джеммы. Нам на удивление хорошо вместе, да и узнаем мы друг о друге все больше и больше. Дни великолепны, вечера прекрасны, ночи чудесны, если не считать некоторых неудобств, связанных с моими сломанными ребрами. Я давно уже не был так счастлив.

В последний день моего пребывания в Хоултоне я без всякой охоты грузю сумку в «корвет». Мы с Джеммой крепко обнимаемся. Цвет ее глаз, сияние улыбки и тепло тела уже надежно запечатлены в моей памяти, на этих воспоминаниях я и продержусь до следующей нашей встречи. Подспорье не самое совершенное, но дело свое оно делает.

Я сажусь в машину, включаю двигатель. И, пока «корвет» катит на запад, ловлю себя на мыслях о Джоанне Торн и о том, что я мог вырасти совершенно в другой семье и иметь совершенно другое прошлое.

И я снова сворачиваю на каменистую, на этот раз залитую светом послеполуденного весеннего солнца дорогу, которая ведет к озеру Клэй. Дверь коттеджа перехвачена полицейской лентой, однако она не мешает мне любоваться красотой здешних мест. За зеркальной гладью озера поднимаются покрытые сосновым лесом склоны горы Брайтуэлл, по которым сбегают сверкающие ручьи. Лес вокруг коттеджа наполнен запахами прелой листвы, зелени и старых, кряжистых деревьев. В ветвях щебечут птицы.

Я обхожу коттедж, спускаюсь на причал. И сижу на его почерневших досках с банкой любимого папиного пива, смотрю на озеро, ставшее под чистым небом серебристо-синим. Мы беседуем — час или около того, — как делали до нашего расставания: попивая пиво и наблюдая за тем, как наш мир становится старше. Вот так же мы беседовали перед тем, как я уехал в университет, а автомобильная катастрофа навсегда лишила меня возможности еще раз поговорить с отцом. Мы не обсуждаем какие-либо темы, это просто разговор отца и сына, однако после него становится легче на душе.

Перед тем как покинуть эти места, я достаю из кармана медальон Мэтью и в последний раз смотрю на него. Потом швыряю его в озеро, как можно дальше. Маленький золотой овал, поблескивая на солнце, улетает от меня по большой дуге, а затем уходит под воду. И исчезает, оставив на ней лишь легкую рябь и унеся с собой прошлое.

Я прощаюсь с отцом и уезжаю.

Больше книг на сайте - Knigoed.net

Джон Рикардс тщательно оберегает свою личную жизнь, сохраняя ее в тайне, однако он согласился рассказать нашим читателям о своей писательской карьере.

«Я начал писать еще в университете, когда учился на специалиста по охране окружающей среды. Скорее всего, я просто нашел образ жизни, идеально подходящий человеку с богатым воображением и умением быстро печатать. По окончании университета я занялся журналистикой. Я и сейчас иногда делаю репортажи, однако теперь большая часть моего времени уходит на сочинение книг.

Я когда-то провел некоторое время в штате Мэн. Южный, привлекающий массу туристов Мэн создает, как и вся остальная Новая Англия, ощущение чего-то старосветского, но север штата относительно безлюден — а мне именно такая обстановка и требовалась. Я наделен образной памятью — не фотографической, конечно, но вполне пригодной для сохранения ярких впечатлений. Однако, поскольку родился и вырос я все же не в Мэне, мне пришлось изучить те места довольно детально, ведь Алекс-то родом именно оттуда.

Во втором романе с его участием, «Прикосновении призраков», речь идет о череде странных исчезновений людей в засыпанном снегом городке, где ночь всегда наступает рано.

Вообще вышло уже четыре романа с Алексом Рурком, и рассказывать о них я могу долго».

